

Марта Молина

Найди Наохама

16+

Марта Молина

Найди Наохама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43253402

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-08537-4

Аннотация

«Найди Наохама» – это книга о путешествиях и поисках счастья. По просьбе подруги Ася отправляется на поиски Наохама, древнего мудреца, который знает ответ на любой вопрос. Вот вы бы о чем спросили этого старца? Ася точно знала, о чем спрашивать. Зато не знала, где его искать. И началось ее почти кругосветное путешествие. Чего в нем только не было! Опасные передрыги, жара и непогода, дорожные знакомства, усталость от бесконечных скитаний, аферисты и друзья. Не раз ей хотелось все бросить и повернуть назад. Но надо было дойти до финиша: найти Наохама.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	51
Глава 7	57
Глава 8	67
Глава 9	90
Глава 10	99
Глава 11	101
Глава 12	126
Глава 13	162
Глава 14	170
Глава 15	185
Глава 16	205
Глава 17	224
Глава 18	233
Глава 19	242
Глава 20	249
Глава 21	259
Глава 22	261

Глава 23	266
Глава 24	271
Глава 25	280
Глава 26	284
Глава 27	292
Глава 28	294
Глава 29	298
Глава 30	301
Глава 31	304
Глава 32	311
Глава 33	325
Глава 34	330
Глава 35	334
Глава 36	337
Глава 37	344
Глава 38	358
Глава 39	369

Марта Молина Найди Наохама

Предисловие

Бывает так, ты просто знаешь: все будет хорошо. В один прекрасный день в твоём сердце воцаряется уверенность в том, что скоро ты станешь счастливым. И тебе не нужно гарантий, не нужно доказательств.

Это волшебное, многообещающее чувство знакомо каждому.

Некоторые сейчас непонимающе пожмут плечами, покачают головами. Мол, нет, не про меня это.

Но скорее всего, они просто забыли. Может, они испытывали это чувство лет в шестнадцать. Может, еще раньше, в двенадцать, в девять, когда над головой сияло солнце, а в ушах свистел ветер скорых перемен. В те времена, когда они говорили себе и всему свету: вот вырасту, и...

Эта история не о том, как сбываются или не сбываются детские мечты. Эта история о том, что дает нам силы жить. История о поисках счастья.

Рождество. Ася никогда не была набожной. В ее семье не крестили младенцев и не читали молитв перед сном. Одна-

ко есть в этом празднике нечто светлое, умиротворяющее. Словно что-то витает в чистом звездном небе, над куполами столичных церквей, над бесконечными огнями московских многоэтажек.

Посмотрите: одно из окон на восьмом этаже темное, но если приглядеться, видны мягкие цветные переливы. Это горит гирлянда на новогодней Асиной елке. Заглянем на огонек?

Глава 1

Асе не спалось. Январские праздники подходили к концу, режим давно сбился, и Ася сидела на разобранной кровати, сонно уставившись на мигающие фонарики. В голове вяло текли детские воспоминания: предчувствие новогоднего чуда, предвкушение зимних каникул, ожидание подарков...

В детстве Асино сердце билось четко и уверенно. Что бы ни происходило, какие бы неприятности ни поджидали в школе и семье, Ася знала: придет время, она вырастет и обретет настоящее счастье. В минуты обиды и несправедливости, глотая соленые слезы, Ася всегда шептала сама себе: ну ничего, вот вырасту и буду жить так, как захочу. Буду самой красивой, любимой и счастливой.

Эта уверенность помогла Асе пережить подростковые комплексы, экзамены, тяготы взросления. Со временем она обрела престижную работу, финансовую стабильность, профессионализм. Появились друзья и женский опыт, собственный стиль, уверенность в себе. Можно долго перечислять все достигнутое за двадцать девять лет жизни. Но смысла в этом нет, ведь самого главного Ася не нашла.

Она все еще не начала жить так, как хочется. Выросла, а жить – не начала. Соблюдение правил, условий и традиций отнимало столько сил, что на свои желания ничего не оставалось. И сейчас, глядя на мигающую елку, Ася понимала,

что детство кончилось, а жизнь так и не наступила.

Вот почему теперь так сильно выбивают из колеи любые неприятности. Если раньше можно было утешиться детским «вот вырасту», то теперь ясно: ничего не изменится. Так будет всегда.

Вот почему раньше, в студенчестве, когда кто-то раскисал, остальным хватало пяти минут, чтобы расшевелить, развеселить, ободрить. Друзья подставляли надежные плечи, улыбались оптимистичными улыбками. И грустить не получалось. А сейчас?

Вспомнилась недавняя встреча с друзьями, и Ася горестно покачала головой.

Ресторан выбрали дорогой, но не пафосный, уютный. Ровно настолько, чтобы брендовые костюмы смотрелись уместно, а обстановка не мешала выпить в хламину. Мужчины скинули пиджаки, вертели последней модели айфоны и поглядывали на ролексы. Дамы сияли бриллиантами – многие приехали «с корабля на бал», то есть прямо с корпоративов – и изящно потряхивали салонными укладками. Из невидимых динамиков лились рождественские баллады, но за столом царило уныние. Света, одна из близких подруг Аси, только что развелась.

Жалобная речь лилась уже полчаса, но никто ее не останавливал. Никто не похлопал по спине. Никто не сказал, «какие твои годы – найдешь получше» и «он еще приползет вымалывать прощение, а ты уже будешь женой персидско-

го принца». Никто не предложил махнуть в клуб и караоке, чтобы найти для Светы утешителя хотя бы на одну ночь. Никто не напомнил, что на пороге – волшебный праздник новый год, под который всегда случаются чудеса.

Все слушали и сочувственно кивали.

Потому что все были согласны со Светой. Ася заглядывала в глаза своим близким, таким изученным и любимым друзьям и видела лишь разочарование и апатию. Никто из сидевших за тем столом, уставленным изысканными закусками, не верил, что лучшее – впереди. Никто не верил, что Света еще встретит своего избранника. Что под новый год сбываются мечты. Что всех нас в будущем ждет что-то хорошее. Никто не верил, что счастье возможно.

Осознав это, Ася хотела топнуть, вскочить, закричать. Ей захотелось, чтобы все стало как раньше. Чтобы ее жизнь снова была радугой, американскими горками, коробкой конфет из «Форреста Гампа» – чем угодно, только не темным тоннелем, ведущим от рождения к смерти.

– Ребята, – помнится, сказала тогда Ася, – неужели никто из нас больше не верит в лучшее? Неужто вместе с юностью мы потеряли веру?

– Да что там, Асенька, – ответил ей Антон, директор турагентства, отец двойняшек, обладатель Порш Кайена. – Не то, что веру, мы потеряли даже надежду!

Все уныло посмеялись, печально покивали. Никто не вязался в спор. Никто не стал доказывать, как было бы всего

лет пять назад – мол, да вы что, ребята, вы может и старперы уже, а я ни веры, ни надежды не терял, у меня все еще впереди!

Эти люди – успешные, красивые, молодые – сдались. Они были похожи на механических кукол, топливом для которых служит чувство долга перед фирмой и семьей. Только ипотека поднимает их каждое утро из постели. Только ежемесячная оплата элитного садика для младшей и лица для старшей заставляет их совершать этот ежедневный ритуал с работой, домашними обязанностями, отдыхом, престижным шопингом. И в самолете, летящем на Бали, каждый третий втайне мечтает о крушении.

Беспросветность – вот чем обернулась жизнь Аси и многих ее знакомых. Вроде все идет как положено. Вроде все как мечталось. А счастья нет. Одни ищут его на небесах, другие в земных удовольствиях. Но разве кто-то находит? Среди Асиных знакомых – никто. И что же делать? Неужели тянуть эту унылую ляжку беспросветности до самой старости, надеясь на просветление где-то в конце?

Ну уж нет, решила Ася. Друзья столько сделали для нее. Денис помог встать на ноги – долг ему она смогла вернуть лишь через семь лет! Инга поддерживала полгода, вытаскивала из депрессии, когда Асин жених погиб в аварии. Да всем близким она чем-то обязана. С какой радостью она преподнесла бы им драгоценный подарок – универсальный рецепт настоящего счастья! Получив его, каждый из дорогих ей лю-

дей вдруг расплылся бы в самой искренней улыбке, заблестел бы глазами и любой день встречал бы в предвкушении чудес. Ведь счастье – вот оно, греется в ладонках и никуда теперь не денется от человека, который знает его рецепт.

Какой стала бы жизнь, если бы люди точно знали секрет своего счастья?

Ася замерла. В комнате что-то изменилось. словно ветер пронесся сквозь комнату, зашевелил елочные ветви, зашуршал мишурой... Внезапно она услышала чудесную мелодию. Может, телевизор у соседей? Но нет, звук исходил от елки. Множество золотистых колокольчиков, украшавших концы еловых лап, вдруг ожили, зазвенели, наполнили комнату чистейшим перезвоном. И под этот звон Ася услышала шепот, будто кто-то прямо в ухо нежно протянул: «Пора в путь».

В тот вечер все разошлись рано, и только Ася с Дэном сидели за опустевшим столом. Ей было грустно и не хотелось возвращаться домой. А Дэн просто напился.

– Понимаешь, Ась, – откровенничал он, – живешь-живешь как надо, как правильно. А потом раз – и понимаешь, что живешь-то не для себя! Для галочки. Все эти мальдивы, гуччи, вся вот эта вот, – он очертил хмельной круг в воздухе, – светская жизнь, все это не для меня. Радости не приносит. Это даже не интересно. Куда я поеду в следующий отпуск? Да хоть куда, мне все равно! И жене моей все равно. И любовнице. Еду просто для того, чтобы потом бизнес-партнерам и друзьям-приятелям рассказать. Хотя мне кажется, –

он доверительно понизил голос, перейдя на пьяный шепот, – что и им всем тоже все равно. Всем все равно! – вдруг крикнул он. – Мы живем для галочки, шоб було! А нафига?

Он театрально развел руками, потянулся за бутылкой и в очередной раз наполнил рюмку, напевая «А нам все равно».

Ася вынырнула из воспоминаний. Ритмично перемигивались лампочки: зеленый плавно переходил в синий, красный превращался в оранжевый, а затем в золотой. И снова синий, зеленый, красный, оранжевый, золотой. За окном полыхнул салют, и снова воцарилась мирная тишина.

А в ушах еще звенел шепот: пора в путь.

Глава 2

Узкая дорога вилась вдоль линии прибоя. Слева лазурное море, утыканное частными причалами с белыми катерами. Справа изгороди, за которыми в гору поднимались сады с особняками и террасами. Ася шла в какой-то оглушительной тишине. Несмотря на плеск волн и шелест листвы, ей казалось, что весь мир задремал. Сонное безмолвие царило кругом. Пекло солнце. Горы заглушали звуки города. Она шла и шла, не сворачивая – да и некуда было сворачивать... Вяло текли мысли, в такт размеренным шагам. Как же тут спокойно. Надо раздобыть воды. Рюкзак тяжеловат, натирает плечо. Кто-то забыл на дороге мяч...

Внезапно в ее оцепенение врезался посторонний звук, довольно забавный. словно небольшой насос быстро-быстро накачивал велосипедную шину. Ася продолжала идти, медленно соображая, что же это может быть. Звук приближался со спины. Она притормозила и оглянулась.

Деловито переваливаясь и тряся складками на морде, к ней приближался толстый пес на кривых лапках. Мопс, подумала Ася. Или бульдог? Его натужное сопение – вот что за звук заставил ее остановиться.

Мопсобульдог доковылял до Асиной тени и тяжело сел. Его плоский нос явно не был рассчитан на снабжение кислородом столь тучного тела в жару. Из приоткрытой пасти

капала слюна.

– Привет, друг, – сказала Ася. – Если хочешь водички, то у меня нет.

Пес со стоном чихнул, тряхнул головой и снова устался на Асю. Морда растянута в улыбке, взгляд доверчивый. Ася присела на корточки, следя, чтобы собака оставалась в ее тени.

– Ну что ты, песик? Не понимаешь меня, небось? Ты же по-русски не говоришь. Да тут никто не говорит, в этой черногорской дыре...

Ася принялась поглаживать складчатую собачью спину. Гудели ноги.

– Ну что ж, давай посидим с тобой, – снова обратилась она к псу. – Я буду называть тебя монте-негритенком. Знаешь, почему? Смотри: мы в Черногории, по-английски это «Монте Негро», переводится как черная гора. А ты черно-горец, то есть монте-негритенок! Как я придумала, а?

Она гордо посмотрела на пса, и тот попытался завилить хвостом. Хвоста не было, да и встать ее новый друг не удостоился, поэтому виляние свелось к энергичному ерзанью по земле. Ася засмеялась.

Она слушала свою речь, русскую речь, пусть и обращенную к собаке, и все глубже осознавала, как сильно устала от своего путешествия. Она уже столько прошла, столько повидала. Первый восторг от странствий давно прошел. Она ощущала себя не путешественницей, а скорее бездомной. Бес-

приютность, отсутствие своего места – вот что тяготило ее все сильнее день ото дня. Чужие безразличные люди, череда безликих комнат в хостелах, пыльные кеды. А еще утомил транспорт. Билеты, давка, затекшая спина и гудящая от ночных рейсов голова, переодевание в привокзальных туалетах, многочасовые ожидания на станциях и местные дельцы, норовящие взять подороже, да еще и кошелек утащить...

Что и говорить, путешествие затянулось.

Очень хотелось домой. Зайти в московскую квартиру, набрать ванну, поставить в духовку пирог. И пусть за окном серая непогода, и пусть завтра по пробкам на работу – это ведь ее жизнь, хоть и не такая яркая, как средиземноморские курорты – но ведь своя. Родная.

Хотелось зайти в ближайший супермаркет, где всё по-русски, где цены в рублях. Купить знакомые продукты: батон, пельмени и селедку. Услышать на кассе русское «Пакет нужен?» И вообще везде вокруг слышать родную речь, просто идти по улице и слушать ее со всех сторон, словно любимую музыку...

Ася говорила с псом по-русски, а он смотрел и как будто даже кивал. А она просто не хотела вставать и идти дальше. Она рассказывала ему, как в Москве у пожилой соседки живет вот точно такой же мопс (или все же бульдог?), но ему не жарко, он не задыхается, ведь в России не бывает такой жары, как здесь. Тот мопс-бульдог сталкивается с другими проблемами, пострашнее: снег и сугробы! Да-да, песик, пред-

ставляешь? Это когда кругом все холодное, хрустит, скользит, а самый маленький сугроб тебе почти по шею... А иногда, когда совсем уж холодно, бабуля надевает на своего питомца зеленую попонку. Так они и идут: она в зеленом пальто, а он в такой же попоне, оба круглые, важные, ну умора! Но попона – это еще полбеды, потому что некоторые покупают своим собакам – угадай что? Ни за что не догадаешься: собачьи ботинки! И знаешь, зачем? Чтобы соль, которой мы посыпаем дороги от льда и снега, не разъедала подушечки на собачьих лапках! Только подумай: соль на дорогах! Лося бы были бы в восторге, если бы конечно забредали в центр Москвы...

Внезапно пес встрепенулся, и Ася осеклась на полуслове. К ним приближалась длинноногая женщина, тараторя на сербском. Наверно, зовет пса, догадалась Ася и встала. Пес тоже поднялся, виновато пошевелил задом и потрусил к хозяйке. Женщина недобро глянула в Асину сторону, наклонилась и щелкнула карабином на ошейнике своего питомца. Ася посмотрела им вслед, сморгнула, и все пропало: заснеженный московский двор, стайка голубей на теплотрассе, соседская бабуля с мопсом, увязающем в сугробе... Осталось равнодушное море, вечные горы, палящее солнце и извилистая дорога, с которой некуда свернуть.

Да, путешествие затянулось, хотелось домой. Но Ася была только в самом начале пути.

Глава 3

Самые страшные звонки раздаются среди ночи, это все знают. Асин телефон зазвонил в 8 утра, когда она пыталась нарисовать симметричные стрелки на глазах.

– Да! – нелюбезно рявкнула она, даже не глянув, кто звонит.

– Ась, привет, это я, – мужской голос звучал как-то глухо и совсем неэнергично.

– Дэн? – удивилась она и даже отстранила телефон от уха, чтобы посмотреть на экран. Не обозналась, это Дэн.

– Да, я... Привет, – поздоровался он после паузы и окончательно замолчал.

– Ты чего звонишь в такое время? Я на работу опаздываю.

– Ась, я это... Тебе еще никто не звонил, да?

– Нет, никто не звонил. Что случилось?

– Светка... Того...

Сердце ухнуло вниз и стукнуло прямо в желудке.

– Чего «того»?

– Ну того... Светка сегодня, ну это... – он снова замолчал.

– Дэн! – заорала Ася, не выдержав напряжения. – Что со Светой, говори быстро и внятно!

Трубка тяжело вздохнула: это Дэн набрал побольше воздуха. Иногда даже сильным волевым мужчинам, директорам, спортсменам и балагурам не хватает воздуха, чтобы сооб-

щить плохую новость.

– Ась, ты только не волнуйся, я сам в шоке, но все нормально. Света сегодня пыталась с собой того... счёты с жизнью свести. Но ее откачали, в больнице сейчас лежит. Живая.

Асю накрыла волна эмоций: горечь, чувство вины, ярость, облегчение. И миллион вопросов. Она была в смятении. Руки задрожали так, что о стрелках на глазах не могло быть и речи.

– Ужас какой... – прошептала она, прикрывая глаза. – Как же так, Дэн? Как же она так?

– А вот так, Ась. Взяла и порезала себя. Дура!

Дэн начал ругаться – значит, уже взял себя в руки. Разделил груз горя на двоих, и жить стало не так жутко.

– А кто же ее спас? Живет же одна... – к Асе тоже начал возвращаться рассудок, в голове роились практичные мысли: когда ехать в больницу, что привезти, кому сообщить, отпрашиваться ли с работы.

– Говорю же, дура. В три часа ночи выжрала полбутылки коньяка, врубила музыку и пошла в ванну вены резать. Соседи пришли жаловаться на шум – она дверь не открывает. А Инга же рядом живет, у нее ключи были, Светка ей оставляла на всякий пожарный. Там цветочки полить, хахалей водить, я не в курсе. Вот он и настал, этот «всякий пожарный». Открывают, заходят – а там наша русалка помирает. Ну, вызвали скорую, все дела. Инга с ней в больницу ездила, в семь

утра мне позвонила, я вот тебе решил сказать.

– Спасибо, что сказал... А почему она с собой это, ну, того... Тфу, от тебя заразилась этим «того»!

– Ну я понял, – хмыкнул в трубку Дэн. – Я думаю, мы все знаем, почему она это сделала.

– Развод? Да разве из-за такого можно счета с жизнью сводить? – растерянно спросила Ася.

– Видимо, кому-то можно. Ладно, побегу я, – на заднем фоне послышался протяжный женский голос «Дэнчик, ты скоро?»

– Беги, Дэн. Я заеду к ней сегодня, скинь адрес больницы.

– Скину. Сама не расклеивайся, Ась.

– Не буду, – пообещала она.

Тупо поглядела в зеркало на недорисованную стрелку. Медленно открыла стеклянную дверцу, достала ватный диск, смочила лосьоном и приложила к глазу. Сегодня обойдемся без макияжа.

Взгляд упал на маникюрные ножницы. Против воли, механически, открыла горячую воду. Струя забила в раковину, почти сразу повалил пар. Подставила палец под кран и отдернула: горячо! Всего несколько часов назад Светка, ее Светка, с которой в детстве закапывали во дворе секретики и спорили, чья кукла красивее, выпила полбутылки коньяка, включила музыку, залезла в горячую ванну и вскрыла себе вены. Всего несколько часов назад ее близкая подруга решила убить себя.

Почему она не позвонила? Почему не попросила помощи? Ведь у них целая компания друзей. Нашли бы врача, поддержали бы, отправили на острова развеяться. Почему она решила проблему именно так, таким страшным, безнадежным, не оставляющим вариантов способом?

Ася закрыла кран и протерла ладонью запотевшее зеркало. Света не просила о помощи, потому что знала: никто из ее взрослых и успешных друзей помочь ей не в силах. Ведь никто из них не знал, как перестать быть несчастной и вновь стать счастливой. Потому что никто из них уже давно не был счастлив. И каждый в глубине души склонялся к мысли, что горячая ванна и острые ножницы – не такой уж и плохой выбор.

Скорая привезла Свету в городскую больницу, но после оказания необходимой помощи пациентку перевели в платную клинику. Спасибо Инге, она всегда умела все хорошо устроить.

Света лежала в постели лицом к окну, за которым качались верхушки сосен. На подоконнике стояла пыльная искусственная елка. Ася положила дежурные мандарины на прикроватную тумбочку, взяла стул и села спиной к окну и соснам. Лицом к лицу со Светой.

– Привет, Светик, – сказала она.

Светик кивнула. У нее была растрепанная челка, синяки под глазами и очень усталый вид.

– Скоро домой?

Света вяло улыбнулась, и по ее щеке скользнула слеза.

– Не хочу домой, – тихо сказала она.

– Конечно, не хочешь! – бодро защебетала Ася. – Тут у тебя настоящий курорт! Отдельная палата, кормят еще небось три раза в день, да? На работу не ходи, ужин не готовь, спи – не хочу. Санаторий! Я б тут тоже недельку поотдыхала. А? Что скажешь? Поставим мне тут коечку по соседству?

Ася очень старалась. Но слезы по Светиным щекам стекали все чаще. Наконец, она скривилась и заплакала.

– Я не могу, Асечка, не могу так больше. Сил же больше нет терпеть это все, жить же так невозможно! – причитала она. Асе пришлось наклониться ближе, чтобы расслышать. Она легко гладила Свету по руке, избегая бинтов на запястьях.

– Как представлю, что выйду отсюда и все заново, по кругу – волком выть хочется! Ничего ведь не изменилось. Все эти врачи, психолог приходил... Швы наложили вот, таблетки дают. Заштопали меня, вот и все. А душу-то не заштопаешь!

Голос сорвался, и она зарыдала. Ася понимала, что Света во власти жалости к себе, эгоизма, уныния. Она знала, что нужно делать: встряхнуться, не раскисать, не сдаваться! Взять себя в руки, перестать упиваться своим горем, действовать!

Но эти советы значили не больше, чем рекомендации женских журналов или предновогодние зароки. Ни Ася, ни тем

более Света не знали, как именно нужно действовать, чтобы отпустило, прошло. Что предпринять, чтобы жизнь снова заиграла красками. Чтобы просыпаться по утрам было не тошно, чтобы влюбляться, а не «выбирать партнера», чтобы отдыхать, а не «расслабляться»...

Ася снова остро ощутила, как далеко все они ушли от себя самих. Как глубоко предали свои мечты. Как превратили свою жизнь в путь из точки А в точку Б, в театральное действие, пусть и по модному сценарию с роскошными декорациями.

– Ася, – позвала Света. Она уже успокоилась и снова смотрела усталыми глазами из-под спутанной челки.

– Да, Светик.

– Помнишь тот разговор? Мы говорили про секрет счастья, про того мудреца. Помнишь?

– Конечно, помню: он может ответить на любой вопрос, в том числе и о том, в чем секрет счастья, но никто не знает, где этот старик живет и существует ли он вообще.

– Ася, мне кажется, он существует. Найди его.

Ася опешила.

– Я? Где?

– Найди его, – настойчиво повторила Света. – Посмотри на нас. Нам нужны его ответы, иначе остается только один выход.

И она кивнула на сосны, равномерно качавшие лапами за окном больничной палаты.

Узнай для меня секрет счастья, попросила Асю почти умершая подруга.

А ее глаза дополнили: «Принеси мне рецепт счастья, либо я оборву свою жизнь, и остаток твоей пройдет под флагом Неисчерпаемого Чувства Вины».

Глава 4

– И что, пойдешь у Светки на поводу?

– А ты предлагаешь игнорировать ее просьбу?

– Эта просьба больше похожа на шантаж.

– Света так уверена, что старец расскажет, как обрести счастье... Для нее это действительно вопрос жизни и смерти.

Ася и Инга встретились во время бизнес-ланча. Был первый рабочий день после январских каникул. Москва бледнела за окном кофейни, сыпала мелким снежком из низких туч.

Инга выглядела великолепно и строго, как всегда. Она была важной шишкой в сфере аналитики, и ее должность называлась так мудрено, что никто из друзей толком не знал, кем она работает. Эта женщина вызывала страх и восхищение: умная, независимая, способная свернуть горы и при этом не повредить маникюр. Но сегодня ее синий офисный костюм дополнялся не только дизайнерским ожерельем, но и растерянным выражением лица.

– С ужасом ожидаю, когда Свету выпишут, – жаловалась она, хрустя огуречным салатом. – Вдруг она снова что-то сделает с собой. Мы же соседи. Мне придется не спать ночи напролет, прислушиваться, что у нее там происходит.

– Не бери на себя всю ответственность, – успокоила ее Ася. – Ты же соседка, а не нянька.

– Я в первую очередь ее друг!

– Мы все ее друзья. Но тем не менее она порезала вены, даже не позвонив никому из нас. Мы все тревожимся за Свету, но нельзя погружаться в чувство вины.

– Ой, – тихо, но язвительно ответила Инга. – Кто бы говорил.

Ася хотела было обидеться, но обижаться на правду не получалось. В свои почти тридцать лет Ася перенесла несколько потерь, и было всего две смерти, мамы и папы, в которых она себя не винила. Ведь родители умерли, когда она была совсем малышкой, и винить себя в этой утрате она не могла, даже если бы захотела.

Остальные трагедии она, сама того не желая, приписывала себе. Тетка, воспитывающая Асю после смерти родителей, померла пятнадцать лет спустя. Она страшно болела, при этом не желая отказываться от привычки выпивать, и, казалось бы, сама себя вогнала в гроб, но Асю не покидало гнетущее чувство вины. Она все думала, что надо было чаще навещать тетку, приставить к ней врача, самой стать сиделкой, в конце-то концов. А она уехала в столицу, прикрылась от стыдной родни миллионом срочных дел, не звонила, не приезжала. Кто знает, уделяй она родне больше внимания, может, тетка еще была бы жива?

Ася чувствовала вину и за несчастье с женихом, ведь это она настояла на роковой ночной поездке: он хотел отправиться утром, а она торопила его, заставила ехать в ночь.

И даже в смерти кота Ластика она винила только себя: недолечила, недосмотрела, недолюбила...

Наверно, вина была единственной стороной скорби, которую Ася могла принять. Думая об ушедших, она не плакала, не тосковала, не вспоминала светлые моменты с тихой улыбкой. Нет, она хваталась за голову и металась по комнате, раздираемая невыносимым чувством вины. Холодный голос в ее голове безжалостно перечислял все ее промахи и недоработки, все, что сделало усопших несчастными по ее вине. Этот голос рассказывал ей, как прекрасно все могло сложиться, поступи она правильно. И напоминал, что теперь ничего не исправишь, и жить ей с этим грузом всю оставшуюся жизнь. Ася знала, что так и будет: время не залечит ее раны, ведь годы шли, а чувство вины только крепло.

Официантка принесла супы. Подруги помолчали.

– Не могу взять в толк, почему она выбрала именно меня? – спросила Ася. – Я никогда не была заядлым путешественником. Не умею решать проблемы, как ты, например. Я даже иностранных языков не знаю!

Инга тепло улыбнулась.

– А я догадываюсь, почему Света отправила на поиски счастья именно тебя.

– Правда? И почему же?

– Ты самая нормальная из нас. Самая человечная, что ли... В тебе еще остался какой-то след из нашей бесшабашной молодости. Мы все так сильно погрязли в этой успеш-

ной жизни, что забыли себя... Ты только не подумай, я не хочу сказать, что ты не успешна. Конечно, успешна. Но ты меньше крутишься в этом водовороте современной жизни, ты словно отстранена.

Ася удивилась.

– По-моему, все мои дни подчинены рутине больше, чем у тебя, Дэна или самой Светки. Работа-дом, гулянки-спортзал. В моей жизни нет места приключениям!

– Но, тем не менее, Света выбрала тебя, – заметила Инга.

– Может, взять ее с собой? Развеемся. Лично спросит этого мудреца про секрет счастья.

– Да ты что, ни в коем случае! – запротестовала Инга. – Она и раньше-то плохо переносила неудобства, а сейчас и подавно. Будет тебе обузой. Станет ныть по поводу и без, а ты начнешь беспокоиться, как бы она не бросилась с горы из-за того, что ее укусил комар!

Ася усмехнулась, но тут же вернула скорбное выражение лица.

– Что? – заметила это Инга. – Нехорошо так говорить?

– Звучит не очень тактично.

– Но это чистая правда! Так что ехать тебе, подруга, в одиночку.

Ася пожала плечами.

– Пока что я даже не знаю, с какой стороны подойти к этой задаче. Есть только полумифическая история про мудреца, имеющего ответ на любой вопрос, да его имя.

– Ты знаешь его имя? Откуда? – удивилась Инга.

– Почитала в интернете. Этот мудрец родом откуда-то из Азии, зовут его Наохам. Хотя может это и не настоящее имя.

– Духовное.

– Что?

– У них всех есть тайные духовные имена, – с видом эксперта заверила Инга.

– Не такое уж оно и тайное, если я его в интернете нашла.

Они синхронно пожали плечами и потянулись к чашкам. У Инги и Аси так часто случалось: через полчаса общения они словно настраивались на одну волну, начинали одновременно говорить и неосознанно отражать жесты друг друга. Со стороны смотрелось забавно.

– Словом, этот Наохам прошел долгий жизненный путь и после 75 лет обосновался в Монголии у каких-то буддистов. Там он обрел просветление, узнал ответы на все вопросы и исчез.

– Исчез? – переспросила Инга.

– Ну не в прямом смысле исчез, а следы его теряются. Скорее всего, он странствовал по миру, хотя я не понимаю, зачем. Он не проповедовал, не выступал. Никого ничему не учил. Жил бы себе на одном месте и отвечал людям на их вопросы. Так нет же! Старик появляется то тут, то там, в совершенно разных уголках планеты: есть информация о его проживании в Африке, Новой Зеландии, где-то в Южной Америке и Китае. Все эти данные настолько противоречивы, что

построить его маршрут практически невозможно. И где он сейчас – неизвестно.

Ася расстроено вздохнула.

– Ну, ничего-ничего. Ты можешь повторить его путь, начиная с Монголии. В интернете полно вранья, зато на месте наверняка есть люди, которые знают, куда твой Наохам отправился.

– Повторить его путь? – засмеялась Ася. – Идея блестящая, но есть один нюанс. Наохам обрел просветление и уехал из Монголии в 1963 году. Прошло больше 50 лет! Представляешь, какой путь мне придется повторить?

– Стоп, – замотала головой Инга. – Ты же сказала, что к буддистам он пришел после 75 лет. И с тех пор прошло еще полвека. То есть ему 130 лет?!

– Примерно так. Может, больше, – кивнула Ася.

– Асенька, он же, наверно, помер давно!

Ася закусила губу и отвернулась к окну. Конечно, идея разыскивать по всему миру 130-летнего старика выглядит бесперспективной. Но на одной чаше весов лежала глупая затея найти рецепт счастья, а на другой – обычная Асины жизнь, и выбор для Аси был очевиден.

Она улыбнулась Инге:

– Если он жив, я найду его. Я получу ответ, как нам всем быть счастливыми. И все изменится, вот увидишь. В жизни ничего не бывает просто так!

Инга посмотрела на подругу и подняла бокал с минерал-

кой:

- Тогда выпьем за великое путешествие в никуда?
- За великое путешествие в никуда!

Глава 5

Буддизм в интернете – это густое варево из терминов и имен, сдобренное фотографиями медитирующих монахов. Асе потребовалось два дня, чтобы найти ниточку, ведущую к Наохаму. Продираясь через все эти «ринпоче», «сангхи» и «кагью», она вышла на давно заброшенный форум, где говорилось про мудреца. В сообщении от 2005 года обнаружилась ссылка на видеозапись с Наохамом. Это было самое свежее упоминание старика в сети.

«Великий мудрец Наохам даст ответ на любой вопрос», гласила подпись к ролику, и Ася нетерпеливо нажала play.

На экране – женщина на фоне пошарпанной стены. Волнуется, теребит бахрому шарфа и смотрит куда-то за камеру.

– Мой муж после крупной ссоры ушел из дома и пропал, – наконец говорит она. – Вот уже два месяца я не знаю, где он. Вы можете мне помочь?

Камера немного отодвигается, и в кадр попадает мужчина, сидящий к ней лицом – и спиной к зрителям. Лысая голова, оранжевая накидка. Неужели это Наохам?

– Я могу ответить только на один твой вопрос, – мягко отвечает он. Судя по интонации, ему действительно много лет, но дряхлым его голос не назовешь. – Только на один. Ты спрашиваешь, могу ли я тебе помочь – неужели это и есть твой вопрос? Подумай хорошенько.

Она размышляет.

– Вы знаете, где мой муж?

– Это действительно то, что ты хочешь узнать? – засмеялся мудрец. – Ответить тебе, знаю я, где твой муж, или нет?

– Ой, простите, я не то хотела спросить, – спохватилась женщина.

Помолчала еще. Было видно, что с каждой неудачной попыткой говорить ей все страшнее. Минуту спустя она решила:

– Где мой муж?

– И это тоже неверный вопрос. Разве ты это хочешь узнать?

Пауза. Женщина сначала кивает, потом отрицательно мотает головой.

– Нет... Мой вопрос такой: он жив?

Старик усмехнулся. Казалось бы, вот он, правильно сформулированный вопрос, но мудрец не спешит с ответом.

– Ты ведь и не за этим ко мне пришла, – говорит он. – Попробуй еще раз.

– Я... Мне... Мне его еще ждать? – наконец выдавливает она сокровенное.

Мудрец с удовлетворением откидывается. Еле заметно кивает своим мыслям. Затем снова наклоняется к женщине и проникновенно спрашивает:

– А ты разве можешь не ждать?

Из ее глаз брызнули слезы. Она кривит рот и резко отво-

рачивается.

Асе становится понятно: конечно, нет. Она не может не ждать. Ответ старика ничего не меняет. Вопреки всему она будет ждать своего мужа.

А когда сможет не ждать, ей уже будут не нужны никакие ответы.

На экране появляется заставка с текстом «Неправильный вопрос – это вопрос, ответ на который ничего не изменит», и ролик заканчивается.

Ася принялась нервно покачиваться в кресле. Наохама в ролике не показали. Это подозрительно. С другой стороны, его лицо ни о чем ей не говорит: в сети не нашлось фотографий мудреца, и она не знала, как он выглядит. Если бы кто-то хотел обмануть зрителей, смело мог бы заснять любого старика анфас, это придало бы ролику убедительности. Но в чем выгода от такого обмана?

Так что же: ролик фикция, и автор боялся разоблачения от тех, кто может узнать Наохама, или это подлинная запись? Может, потому и качество не очень: разве кому-то есть дело до качества, когда на экране живая легенда?

Или все же умелая подделка?

Ася прогулялась на кухню, включила чайник. Приятно было размышлять под его уютный шум.

Отгалкиваться больше не от чего, поэтому придется пойти по этому следу. 2005 год – последняя запись о Наохаме в интернете, новее нет. Благодаря ролику, Ася может пере-

скочить 42 года жизни старика, ведь предыдущая известная точка его пути пришлась на далекий 1963-й. Недурно.

Нужно найти место съемки и проследить путь мудреца за последний десяток лет. Монах стар, и оставалась вероятность, что много он не странствовал. Если Асе повезет, она найдет Наохама в том самом месте, где записали видео. Только вот где это место?

Ася схватила телефон и отправила сообщение Инге.

«Доверь это моим IT-спецам, – успокоила всемогущая подруга, получив ссылку на ролик. – Мертвого с того света достанут, если он успел наследить в интернете».

«Так, может, они и самого Наохама найдут?» – написала Ася.

Уведомление «Инга печатает...» появлялось и исчезало дважды. Наконец пришел короткий ответ: «Это несерьезно».

Ася поняла. Не может важная шишка в сфере аналитики просить коллег искать 130-летнего мудреца. Сразу пойдут слухи, сплетни, разговоры. Зачем это ей? Неужели наша супер-Инга верит во всякую эзотерику? Может, она вообще того, буддистка какая-нибудь? Или у нее настолько большие проблемы в жизни? Со здоровьем что-то? Муж пьет?

В общем, поиски всезнающего старца – удар по репутации.

Так же как и поиски смысла жизни. Не будет офисный планктон боготворить свою шефиню, зная, что она ищет бога. Ага, решит планктон, наверняка директриса из этих,

«добренских». Думает о спасении души, молится на коров и поет «ом» на рассвете. Можно и на шею сесть!

Грозный и справедливый начальник должен всем своим видом разделять идеалы общества. Стремиться к финансовому успеху и профессиональной независимости. Какой еще смысл жизни нужен?

А вот найти место съемки ролика – задача конкретная и мелкая. Ее даже обсуждать неинтересно. Нужно просто пройти от сервера к серверу, от пользователя к пользователю и выйдешь на первоисточник.

На самом деле, Ася понятия не имела, как решаются такие вопросы. Поэтому на всякий случай она отправила Инге уточнение:

«Если с местом съемки будут проблемы, пусть хотя бы узнают, что за женщина в кадре».

Утром Асю ждал отчет:

«Узнать место и что за баба, проблематично. Зато узнали, кто первым выложил этот ролик в сеть. То есть это может быть тот, кто снимал. Дальше сама!»

К сообщению прилагался номер телефона, e-mail, адрес и имя: Паршиков Сергей Вениаминович, город Кострома.

Пролетел еще один рабочий день, в Москве зажигались фонари и густели вечерние пробки, а Ася так ничего и не предприняла. Ломала голову: как подступиться к человеку, который больше десяти лет назад загрузил видео в интернет?

Написать письмо и мучительно ждать ответа? Застать врасплох и позвонить?

Она представила себя на его месте. Живешь себе в Костроме, в ус не дуешь, а тут раз – и телефонный допрос с пристрастием. Да не просто так, а о видеоролике десятилетней давности. Ася боялась, что душевного разговора при таком раскладе не получится.

Она выбрала смс. В спам, в отличие от письма, не попадет; время на размышление даст. К сожалению, Инга не сообщила возраст Паршикова. Но вряд ли это дремучий пенсионер, не знакомый с смс-ками, ведь десять лет назад его технической грамотности хватило для того, чтобы запостить ролик в сеть. Ася выдохнула и набрала текст:

«Сергей, здравствуйте, я ищу человека по имени Наохам. У вас есть видео с ним от 2005 г. Можете мне помочь?»

Через полчаса пришел ответ:

«Не пойму, о чем речь».

Ага! Живой и отвечает! Ася немедленно перезвонила. Дождавшись настроженного «Алло», она затараторила:

– Сергей Вениаминович, меня зовут Ася, мы только что переписывались по смс. – «Переписывались? – подумала она. – Не громко ли сказано?»

– Да, – ответил он, и Ася приободрилась.

– Я ищу человека по имени Наохам. Это старый мудрец, который может ответить на любой вопрос. В 2005 году вы выложили в интернет видеозапись, на которой женщина бе-

седует с Наохамом. Могу ли я узнать, автор ролика – вы?

Собеседник долго молчал. Ася даже аукнула в телефон, чтобы поторопить его с ответом.

– Да не знаю я никаких мудрецов, – раздраженно бросил он. – Вы ошиблись.

– Нет, стойте! – завопила она, пока он не успел повесить трубку. – Пожалуйста, помогите мне разобраться! Я могу выслать вам ссылку на ролик, про который я говорю. Может, вы его посмотрите и вспомните?

Он молчал и недоброжелательно сопел.

– Согласны, Сергей? Могу я скинуть ссылку?

– Кидайте, – пробормотал он и отключился.

Ася отправила ссылку и стала ждать. Но ответ так и не пришел.

На следующий день она перезвонила сама, особенно не рассчитывая на удачу. Но неожиданно трубку взяли.

– Опять вы, – проворчали на том конце.

– Да, доброе утро. Извините, что беспокою вас, но мне правда нужно разобраться с этим вопросом. Посмотрели ролик?

Трубка что-то пробухтела. В принципе, никто не обещал, что весь мир будет ей помогать.

– Так это вы снимали? – настаивала Ася.

– Ты из ментовки, что ль? – спросил он неожиданно.

– Нет! Что вы, я не из полиции! – горячо заверила она. – У меня чисто личный интерес!

– Это не я снимал, – подумав, сообщила трубка.

– А кто, вы знаете?

– Знаю, – ответили ей и замолчали.

Не дождавшись продолжения, она спросила:

– И кто же?

Пауза. Было слышно, как на кухне журчит незавернутый кран.

– Знакомый.

– Можно мне с ним поговорить?

Снова пауза.

– Нет.

– Почему?

– Нет его.

Ася села на стул, согнулась и опустила лицо на колени.

Разговор выматывал.

– И когда он будет? – из такого положения голос получался сдавленным, но ей было все равно. Собеседник тоже манерами не блистал.

– А его не будет!

Паршиков будто бы вошел в азарт и начал получать от диалога удовольствие.

Ася заподозрила, что он нетрезв: долгие детские годы у родственников, любивших заложить за воротник, научили ее угадывать выпившего человека по интонациям. Если она права, то пора менять тональность разговора.

– Слушай сюда, Паршиков, – громко сказала она. – Ты

мне диктуешь телефон своего знакомого, который снял то видео. Я его записываю, мы прощаемся, и ты возвращаешься к своей выпивке. Понятно?

– А что сразу к выпивке-то? – возмутился голос, но Ася уже четко поняла, с кем имеет дело. Ее догадка оказалась верна: Паршиков был пьян, причем не только сейчас, в десять утра, но и во время их вчерашней беседы.

– Давай телефон! – прикрикнула она.

– Не дам! – крикнул он в ответ.

– Почему же?

– Потому что денег стоит! – выпалил пьяница.

«Ах ты, прощелыга! – выругалась Ася про себя. – Вот за чем ты мне голову морочишь!»

– И сколько же ты хочешь? – возмущенно спросила она.

– Двести! – заявил Паршиков и напряженно притих.

Двести рублей за информацию. Эта смешная сумма говорила о том, что Ася связалась с настоящим алкашом. Увидит деньги или бутылку и сразу все расскажет. Единственная проблема заключалась в том, что Ася находилась в Москве, а этот прохвост – в Костроме. Не тащиться же за 400 километров только для того, чтобы пообщаться с алкоголиком! Ася с детства не боялась пьяниц, умела их усмирять, знала, как говорить, чтобы получить нужное. Почему-то они ее слушались. Но этот талант работал лишь при личном общении: по телефону ее сила, увы, не действовала.

– Быстро говори телефон, скотина! – прошипела она, но

не сработало.

– Триста! – вконец обнаглел пьянчуга.

Ася в сердцах нажала отбой и швырнула телефон на кровать. Она знала, что теперь мяч на ее стороне: Паршиков будет ждать ее звонка, можно больше не бояться спугнуть его. Было время на размышление.

В ту же минуту телефон завибрировал: входящий от Инги.

– Ася, привет, я только что от Светки, – докладывал немного запыхавшийся голос. – Она спрашивала, почему ты совсем не звонишь. Я сказала, что ты занята поисками Наохама, и ты знаешь, она так ободрилась! Глазки заблестели, щечки зарозовели. Как будто в нее жизнь вдохнули за секунду, ей богу. Так что ты, подружка, занимаешься нужным делом!

– Спасибо, конечно, – ответила Ася. – Но мои поиски почти не продвигаются. Этот Паршиков – забулдыга и требует денег за информацию.

– Много? – деловито поинтересовалась Инга.

– Триста рублей, но проблема в другом.

– В чем?

– В том, что для разговора с ним мне нужно ехать в Кострому!

– Разве это проблема? – фыркнула Инга. – Я думала, ты готова к путешествиям!

– К путешествиям готова, а тащиться в Кострому не готова, – пожаловалась Ася. – Да еще к незнакомому алкоголику.

– Не бойся, Асенька. В Костроме у нас филиал. Так что тебя там встретят и сопровождают, я все устрою.

– Да не боюсь я его!

– Вот и правильно. Давай заказывай билет и мчи в Кострому. Скоро Светку выписывают, надо подготовить хорошие новости!

Ася попрощалась и тоскливо понурилась. Поиски Наохама представлялись ей захватывающей гонкой по дальним странам, а тут – серая российская провинция.

Ночной поезд «Москва – Кострома-Новая» прибывал в адскую рань, около шести часов утра.

Ася выскочила на скользкий перрон и поспешила в здание вокзала. Парень, которого приставила к ней Инга, еще не подошел.

– Дичайше извиняюсь, – с акцентом сказал он в трубку. – Мне нужно буквально пару минут!

Асю колотил озноб: от раннего подъема и некрепкого сна, сыроватых кроссовок, ледяного ветра и чужого города. Она сидела в зале ожидания, обхватив себя руками, и пыталась согреться. Встречающий опоздал на двадцать пять минут.

Он подошел к ней с виноватой улыбкой и табличкой, на которой с ошибкой была написана ее фамилия.

– А я вас сразу заметил, – сказал зачем-то он.

– Удивительно, – саркастично протянула Ася, демонстративно оглядываясь на совершенно пустой зал. Но парень

иронии не понял, довольно разулыбался и представился Ашотом.

Ашот усадил ее в теплый салон «Опеля», привез к элитной новостройке и вручил ключи.

– Здесь арендована квартира для руководства из Москвы, – пояснил он. – Можно отдохнуть с дороги.

Отдохнуть так отдохнуть, смирилась Ася. Все равно к Паршикову еще рано: наверняка смертельно пьян. Чтобы поговорить, нужно подловить момент, когда он начнет трезветь, часов в восемь-девять утра.

Ася продиктовала Ашоту адрес и сказала:

– Мне нужно там быть через полтора часа. Вы меня отвезете?

– Конечно, – закивал он, – буду ждать вас у подъезда.

Опоздает на пятнадцать минут минимум, подумала Ася.

– Позвоните, как подъедете, – приказала она и вышла из машины.

Квартира оказалась на удивление приятной. Была кофеварка, свежие зерна, закуски. На окне стояли живые цветы, в ванной нашлись пушистые полотенца и одноразовый халат. И пахло здесь не пылью и пустотой нежилого помещения, а настоящим домашним уютом.

Ася погрелась в джакузи, разогрела круассаны и уселась около окна наблюдать за тем, как просыпается незнакомый город.

Паршиков жил в плохонькой панельной девятиэтажке. На лестнице пахло котами, в лифте перегаром. У нужной двери стоял хлипкий стул и литровая банка, забитая окурками. Ася нажала на кнопку звонка. Раздался резкий треск, и в квартире что-то грохнуло.

– Ну здрасьте, – сипло сказал хозяин, распахивая дверь.

Это был худой мужчина в бесформенной футболке и спортивных штанах. Правильные черты его лица уже поплыли, как бывает у алкоголиков: непроходящие отеки вокруг глаз, глубокие носогубные складки, пятна на щеках и седоватая щетина.

– Здрасьте, – передразнила его Ася и вошла в коридор.

Она бегло огляделась, отметила две пустые бутылки из-под водки, одинокий стакан и липкие пятна на полу. Вывод первый: Паршиков обходится без компании собутыльников. Похмельный запах, исходивший от алкоголика, позволил сделать вывод второй: традиционная утренняя рюмашка еще не выпита. «Как мы вовремя», – порадовалась Ася и щелкнула выключателем.

– Вы кто? – спросил он, моргая от света и косясь на Ашота.

– Сергей, мы говорили по телефону, помните? Про видеоролик.

Он мотнул головой, потом кивнул и снова мотнул. Был явно сбит с толку.

– Ладно, не помните и не надо, – покладисто прокоммен-

тировала Ася. Достала три сотки из кармана, помахала у него перед лицом. – Мне нужны контакты человека, который снял видео с Наохамом, а вы этот ролик потом выложили в интернет.

– С каким хамом? – растерянно спросил Сергей. – Не помню.

Ася была готова к такому повороту. Она достала телефон и запустила видео.

– Припоминаете? – спросила она, когда Паршиков досмотрел.

– Так это Ванек снимал! – вспомнил тот. – У нас тогда один комп на двоих был. Вскладчину приобрели.

Видимо, алчность была присуща Паршикову только в пьяном виде. Он присел на скрипучую тумбу и без всяких денег выложил все, что помнил.

Ванек, или Иван Кропоткин, жил по соседству с самого детства. После средней школы парень пошел в ПТУ, где сильно выделялся среди других студентов задумчивым взором и любовью к тонким материям. В пятнадцать лет Иван интересовался оккультизмом, НЛЮ, тайнами телепортации и ясновидения. В семнадцать переключился на религиозные культы. Плясал с кришнаитами, рисовал мандалы и не пропускал Крестный ход. Он курил траву, читал веды и рассуждал о реинкарнации да царстве божьем. Паршиков любил слушать «эти бредни», но не придавал им значения.

Когда в Кострому приехал популярный в те времена цели-

тель, Иван прибился к группе сопровождения и покинул город почти на полгода. Вернувшись, он основал «кружок просветления», как это называл Паршиков: сообщество странноватых людей, собиравшихся по четвергам и воскресеньям, чтобы обсудить новости эзотерики и попеть религиозные гимны. Иван пытался развивать свое детище, однако дальше комнаты в Доме Пионеров его дело не разрослось.

А потом появился старец Наохам. Кропоткин носился с ним, как курица с яйцом. Печатал сотни листовок, писал на тематических форумах, докучал знакомым, агитируя прийти на прием к мудрецу. Он утверждал, что Наохам обрел высшую мудрость и готов дать ответ на любой вопрос, и никак не мог понять, почему люди не пользуются такой уникальной возможностью.

Кипучая деятельность приносила свои небольшие плоды. Вокруг Наохама сплотилась команда преданных, а также появились «клиенты»: люди, приходящие за своими ответами. Плату Наохам не брал, но некоторые посетители вносили добровольные пожертвования. После неожиданно крупной суммы от местного бизнесмена Ивану окончательно крышу и снесло. То ли он понял, что может хорошо заработать, то ли просто радовался, что люди постигают истину с его помощью. С упорством и слепотой фанатика он нес в массы знание о Наохаме. Каждый день выкладывал ролики в интернет, либо с Наохамом, либо с собой в главной роли, эдакие записки приближенного к Свету. Он рьяно служил своему

кумиру, отдавал этому служению все силы, деньги и время. Иван был похож на сектанта, с одним исключением: он сам создал свою секту и занял в ней самую низкую ступень.

Видимо, вскоре старику надоела вся эта суета. В один прекрасный день кружок закрылся, а Наохам исчез вместе со своими последователями. Иван тоже пропал, и долгое время Паршиков ничего о нем не слышал.

Увы, следующая, и последняя, новость о соседе была печальной.

– Мертвецом он вернулся. Ох, как же мать его убивалась! – грустно вспоминал Паршиков.

– И больше вы ничего о нем не знаете?

– А что еще знать-то, – ответил Сергей. – Умер Ванек. Лежит теперь на Галичском кладбище.

– Где? – встрепенулась Ася.

– Здесь, на Галичском.

– В Костроме? – уточнила она.

– А то ж, конечно, в Костроме, где же еще.

Ася приободрилась. В истории об Иване не обнаружилось подсказок о том, где искать Наохама, но его смерть может стать указателем.

– Правильно ли я поняла, что Иван уехал из города вместе с Наохамом и другими последователями, какое-то время о нем не было вестей, а затем он умер, и его тело привезли сюда, домой?

– Получается, что так, – согласился Паршиков.

– Кто его привез, вы знаете?

– Откуда мне знать.

– Он же не мог сам прилететь. Наверняка его тело кто-то сопровождал! – Ася в ажиотаже зашагала по коридору под удивленными взглядами Сергея и Ашота.

– Наверняка, – угрюмо подтвердил Паршиков.

Было видно, что ему резко стало хуже: пальцы задрожали сильнее, лицо налилось кровью. Похмелье набирало обороты. Для нормальной беседы у Аси оставались считанные минуты.

– Мать Ивана должна знать подробности, – заторопилась она. – Вы же соседи? В какой квартире она живет?

– Померла она тоже, – буркнул Сергей.

– Как же мне узнать, кто сопровождал тело Ивана... – размышляла Ася вслух. Затем ее осенило: – Сергей, вы случайно не были на похоронах?

– Ну, был, – бросил тот и тяжело поднялся. С каждой секундой Паршиков становился все более злым и усталым.

Ася заговорила быстро-быстро.

– Вспомните, кто там присутствовал? Кроме мамы, кто еще? Родственники? Жена, девушка, близкие друзья?

Паршиков открыл дверь и ответил:

– Сто лет прошло, не помню. Я рассказал все, что знал. Вам пора уходить.

Ася задержалась на пороге и вручила ему деньги.

– Вы говорили, что ваша информация столько стоит. Дер-

жите. Спасибо вам.

Уже закрывая дверь, он вдруг вспомнил:

– Телка была, точно.

– Имя назвать можете? – без надежды спросила Ася.

– Имя не могу. Но ее по телеку показывают.

Ася недоверчиво уставилась на Паршикова.

– Вы уверены, что это она? Сами говорите, много лет прошло.

– Точно она. Татухи помню. «Привет, атлет» ведет, – ответил Сергей и поспешно захлопнул дверь.

Ася вздохнула и вызвала лифт.

– «Привет, атлет» я тоже смотрю, – вмешался Ашот. Ася и забыла о его присутствии.

– Правда? – вяло спросила она.

– Да, и у ведущей действительно запоминающиеся татуировки. На щеке такая змея, уползающая по шее.

– Отлично, – обрадовалась Ася и распорядилась: – Тогда поехали туда, где тепло и есть интернет!

Ашот привез ее в свой офис. Там действительно было тепло, и работал вайфай. Асю заботливо усадили в зоне отдыха, угостили чаем с вафлями. Быть лучшей подругой крупной шишки из главного офиса Асе определенно нравилось.

На сайте местного телеканала Ася легко нашла ведущую спортивной передачи «Привет, атлет» и тут же связалась с ней на Фейсбуке. Узнав в чем дело, девушка без лишних вопросов дала Асе свой номер и добросовестно ответила на

все вопросы. Даже по телефону она говорила четко и связно, будто читает закадровый текст перед телекамерой.

– Я познакомилась с Ваней здесь, в Костроме, когда он организовал кампанию в поддержку Гуру. Так мы называли Наохама. Я помогала Ване во всем, мы были близки, и когда он решил отправиться за учителем, я, конечно, тоже все бросила и уехала вместе с ним. Мы обосновались в Тунисе, построили ашрам на берегу моря. Жили коммуной из дюжины человек. Наохам часто посещал нас. Это было золотое время. Но потом произошел несчастный случай, и Ваня погиб. Я чувствовала себя раздавленной горем. Ведь я никогда не была, что называется, идейной. В то время мне было искренне плевать на поиски истины и все эти йогические практики. Конечно, было весело так жить, но все веселье для меня держалось лишь на Ване. Он был единственной причиной, по которой я уехала из России и превратилась в «хиппи». И когда его не стало, я вернулась домой. Остальным я сказала, что Ваню нужно похоронить на родине, что он об этом просил, но на самом деле мне просто нужен был весомый повод уйти из ашрама. Я забрала тело и прилетела в Кострому. Вот и все.

– Как давно это было? – спросила Ася.

– Мы похоронили Ваню в 2008 году. Десять лет прошло, надо же...

Ася тактично помолчала, а затем спросила:

– Как вы думаете, та коммуна еще существует?

– Если это ваша единственная зацепка в поисках Наохама, то стоит проверить. Мы жили без связи с миром, никаких телефонов и интернета. Может быть, сейчас они обзавелись кое-какой техникой, но тогда ашрам был закрыт для посторонних людей. Поэтому вы вряд ли сможете связаться с ними из России, придется лететь в Тунис. Я помню, как туда ехать. Чтобы вы не потерялись, найду то место на карте и пришлю вам координаты.

Через несколько минут Ася рассматривала неясные прямоугольники на Google Maps. С виду обычные дома, никаких пометок на карте нет. Остался ли там еще ашрам? Навещает ли его до сих пор Наохам?

Как сказала девушка с татуировкой змеи, была единственная возможность проверить это. Ася отправляется в Тунис.

Глава 6

Весь полет Асю путали с соседкой. Это была американка с по-славянски размытым лицом и сильным насморком. Скрючившись, она дремала в кресле и даже пропустила обед. Видимо, Ася в черной водолазке и с модным каре больше соответствовала представлениям персонала о жителях США. Стюард с особой вежливостью подносил ей напитки и обращался к ней исключительно на английском. Ася забавлялась этой игрой. Правда вскрылась, когда стали раздавать миграционные карты, и американка достала свой звездно-полосатый паспорт.

Тунис встретил неприветливо: пронизывающим ветром и хмурыми тучами. Ася застегнула куртку, надела капюшон и отправилась на поиски метро.

Не смотря на детальное изучение маршрута, ей было сложно сориентироваться на месте. Пришлось долго разбираться с позонной оплатой проезда, никак не получалось найти нужную станцию на схеме метро. Ася отчаянно ругала себя за глупость, ведь линий на карте было всего семь.

«Подземка» оказалась похожей на трамвай, поезд шел прямо по городу, названия станций не объявлялись. В вагон зашла и села рядом беспокойная старушка. Поерзав, полезла в карман, долго шерудила в нем и извлекла мятую оранжевую салфетку. Стала обстоятельно сморкаться. Закончив,

закопошилась в сумке. Нашла конфету, шуршала обёрткой, неловко пытаясь открыть непослушной рукой. Открыла, отправила леденец в рот и тут же подавилась сладким. Натужно закашляла, стараясь потише, но получалось погромче. Второй раз достала салфетку, промокнула глаза. Затем начала прилаживать свои сумки к клюке, чтобы висели на ручке. Наконец все стало хорошо, и старушка заскучала. Долгим взглядом принялась оглядывать пассажиров с головы до ног, придиричиво изучила Асину прическу. Не найдя ничего выдающегося, посмотрела на свои руки, обнаружила нитку на лацкане, стала ее счищать. Едва успев, подхватила сумки с клюкой и кинулась к выходу: прибыли к ее станции.

За окном плыл красивый чужой город. Мечети перемежались с современными бизнес-центрами, мелькали пальмы и вывески на арабском. Улицы стояли в пробках и желтели от такси. Ася никогда не была в этой стране, но ее совсем не привлекали туристические развлечения. Она не любила мегаполисов и тесных базаров, ее не интересовали мусульманские традиции и восточная архитектура. Из местных удовольствий ее могло привлечь разве что море. Но в январе в Тунисе купаться холодно, да и прилетела она сюда не для отдыха.

Добравшись до другого конца столицы, Ася пересела на поезд и спустя два часа была в нужном городке. Найти дорогу здесь не составило труда: она знала, что ашрам строили у самого моря, и потому смело зашагала к синеющему гори-

зонту. Выйдя на берег, Ася сверилась с картой и дошла до нужного места. Все оказалось близко, и это обрадовало бы ее, если бы не пронизывающий морской ветер.

Вместо коммуны открылся пустырь с недостроенными особняками. Забора не было. Она бесцельно побродила среди заброшенных зданий. Присела на пыльные ступеньки и уставилась на море.

Итак, никакого ашрама тут нет. Накатило разочарование.

Ася, конечно, не могла и мечтать, что поиски мудреца будут столь короткими. Но она надеялась застать здесь кого-то, кто мог бы подсказать, куда двигаться дальше. Но на берегу не было ни души.

Нужно было обойти окрестности: вдруг они ошиблись с координатами? В отдалении виднелись изгороди и крыши. Но вокруг царила такая мертвая тишина, что Ася засомневалась, живет ли тут вообще хоть кто-то.

Сквозь джинсы она почувствовала прикосновение и опустила глаза. Урчащий кот терся о ее ногу. Ася погладила его, и кот вскочил ей на колени. Ну что ж, решила она, почесывая кошачью шею, надо устроиться в отеле, пообедать, помыться и позвонить Инге. Вот кто никогда не теряет присутствия духа и всегда предложит решение!

Найти работающий отель было непросто. Небольшие гостиницы закрылись до начала туристического сезона, а в шикарном Palm Extra Hotel номер стоил неоправданно дорого. Многие дома пестрели объявлениями о сдаче в аренду, и Ася

принялась методично обходить частный сектор. Ей не везло: большинство домов пустовало, а по указанным на вывесках номерам не брали трубку. Несколько вариантов Ася отмела сама: хозяева окидывали ее подозрительным взглядом и заламывали слишком высокую цену.

Ася как раз попрощалась с очередным жадным арендодателем, когда ее окликнул пожилой мужчина.

– Нужна комната? – спросил он, сильно коверкая английские слова.

– Да! – с надеждой ответила Ася. – Только не очень дорого.

– Не дорого! – заверил дед, достал сигаретную пачку, карандаш и написал сумму.

Оказалось и вправду совсем недорого.

– Это за сутки? – уточнила Ася, не веря своему счастью.

– Да, да, – закивал старик, радостно улыбаясь. Было видно, что английский он знает плохо.

Ася перешла на французский.

– Я пока не знаю, на сколько дней остановлюсь. Сначала заплачу только за одну ночь, но возможно, останусь дольше.

Она учила французский в школе всего пару лет и сейчас удивлялась, насколько легко ей дается разговор. Дедуля согласно закивал.

– Нет проблем, дочка, – сказал он. – Живи, сколько надо.

Затем подумал, сложил пальцы в знак «Ок» и снова расплылся в довольной улыбке. Ася засмеялась. Ей сразу стало

легко и хорошо: ночлег нашелся, хозяин добряк, скоро она сможет отдохнуть и собраться с мыслями.

Дед указал на пикап и пояснил:

– Дом не в центре, придется проехать.

– Далеко? – насторожилась Ася.

– Близко. Садись. Меня зовут Низар, – представился он.

Ехали минут двадцать. Выехали из города, за окном замелькал густой кустарник и редкие деревянные постройки.

– Сюда транспорт ходит? Как мне добираться до города без машины? – заволновалась Ася.

– Ходит, – успокаивающе ответил дед. – Такси, автобусы.

Вон как раз остановка. Приехали!

Они свернули с шоссе, проехали сотню метров по ухабистой дороге и затормозили у забора. Дом оказался добротным, современным. На крыше спутниковая антенна, автоматические ворота, солнечные батареи.

Низар показал Асе ее комнату.

– Отдельный вход, своя ванная. Телевизор. Ты откуда, из России? Есть русский канал!

Он гордо шелкнул пультом и указал на плоский экран на стене. Шел арабский фильм с русским переводом.

Ася заплатила за сутки, и довольный старик ушел. За окном шумел ветер, начал накрапывать дождь. Хорошо, что в такую непогоду она не осталась без крыши над головой!

Ася прилегла поверх покрывала. Впереди столько проблем! Нужно понять, куда двигаться дальше, чтобы найти

Наохама. Может, спросить о нем этого деда Низара? Хотя лезть с расспросами к первому встречному – нелепая идея. Разумнее вернуться на место бывшего ашрама и опросить людей, живущих поблизости. Вдруг удастся найти тех, кто помнит коммуну и знает, где ее жители сейчас?

Долгая дорога вымотала, мысли путались, и Ася сама не заметила, как уснула.

Глава 7

Утро выдалось ясным. Ася накинула куртку и выскочила на улицу. Ей всегда нравилось жить «на земле», когда можно встать с кровати и сразу выйти на природу, походить босиком по росистой траве, размяться под лучами утреннего солнышка. В Москве, прежде чем выйти из дома, приходилось одеваться, обуваться, ждать лифта или отсчитывать сотню ступенек, и все для того, чтобы постоять не на земле, а на асфальте.

Она подняла лицо и зажмурилась, прислушиваясь, как свистит в кустах птица.

– Доброе утро! – услышала она и обернулась.

Дед Низар в садовом комбинезоне махал ей рукой и приглашал на завтрак. Она наскоро умылась и пошла в гости к хозяину дома.

В светлой гостиной был накрыт стол: вазочки с печеньем, ломти хлеба, банки с джемом, яйца, сыр, оливки и финики.

– Я ждал, – радушно сказал Низар, усаживая Асю и ставя перед ней горячую чашку. Она принялась и ахнула. Какао!

– Пей, дочка, – предложил он, уселся напротив и завел монолог.

Хрустя крекерами, Ася расслабленно слушала Низара. Его французский отдавал арабским акцентом, и она улавливала только общую канву рассказа. Дед прыгал с темы на те-

му, сначала вспоминая свою семью, а затем какую-то давнюю рыбалку на горном озере. Ася быстро отвлеклась и, регулярно кивая, втихаря составляла в уме план на день. Итак, надо найти людей из коммуны и спросить их о Наохаме. Откуда же начать поиски? С соседей?

– Вы давно здесь живете? – спросила она невпопад, и дед Низар обиженно умолк. – Простите, я вас перебила.

– Давно, – коротко ответил он и резко встал из-за стола.

– В 2008 году, десять лет назад здесь была коммуна. В ней жили русские ребята и один старый мудрец по имени Наохам. Вы помните это?

– Не было тут никакой коммуны, – пробормотал Низар и стал убирать со стола.

Злится.

– Я имею в виду, не прямо здесь, на месте вашего дома, а в городе. На противоположном его конце, у моря. Сейчас там только недостроенные дома и какие-то лачуги. Но десять лет назад там был ашрам.

– Может, и был, я в чужие дела не лезу. Пора мне, – сказал дед и многозначительно замер у двери. Мол, выметайся.

– Спасибо за завтрак, – поблагодарила Ася. Было стыдно, хотелось загладить неловкость. – У вас замечательный дом, мне досталась очень хорошая комната. Я хотела бы остаться еще как минимум на ночь. Когда заплатить, прямо сейчас или завтра утром?

От теплых слов Низар немного смягчился.

– Не обязательно платить каждый день. Заплатишь, когда будешь выезжать.

Ася улыбнулась и распрощалась с дедом. Надо повнимательнее слушать людей, корила она себя, одеваясь и собирая рюкзак. Паспорт, телефон, блокнот с ручкой, банковская карта и немного наличных. Вот и все: Ася любила перемещаться налегке.

Она обошла несколько домов в окрестностях бывшего ашрама, но никто не слышал о Наохаме. Дверь ей открывали в основном испуганные женщины, за юбки которых цеплялись черноглазые малыши. Туниски только мотали головами и захлопывали дверь, не сказав ни слова. Ася уже засомневалась в правильности своего французского – вдруг она говорит что-то не то? Но выбора у нее не было: вероятность встретить здесь кого-то англоговорящего сводилась к нулю, и начинать беседу на незнакомом для местных жительниц языке было бы вдвойне неэффективно.

Хотя эффекта и так ноль, горько усмехнулась Ася, отходя от очередных ворот с пустыми руками. Дело не в произношении. С ними хоть по-русски говори, толку не будет. Нужно было другое решение, но Ася никак не могла его найти.

В этой части города совсем не было магазинов, от сухого ветра Асю мучала жажда. Повсюду был песок. Казалось, он набился не только в одежду и волосы, но и в глаза, и в нос. От этих мыслей в горле сильно запершило, она начала кашлять

и никак не могла прекратить.

Ася попыталась остановить рефлекс, чтобы лишний раз не травмировать пересохшую глотку. Кашель на секунду стих, от натуги потекли слезы. Некстати вспомнилась недавняя бабуля в метро, подавившаяся конфетой. К горлу подобрался новый приступ, и она, не совладав с ним, согнулась в удушающем кашле.

– Пей, пей! – вдруг услышала она рядом.

Ася подняла слезящиеся глаза. Молодой парень в полосатой рубашке протягивал ей бутылку с водой. Ася глотнула, и кашель немного отпустил.

– Вы меня просто спасли, – сказала она и сделала еще несколько глотков.

– Не за что, – ответил парень, завинчивая крышку. – Подавилась?

– Проклятый песок, – пожаловалась она. – Здесь совсем негде купить воды, а у меня с собой нет.

Он предложил ей свою бутылку насовсем, но Ася протестующе замахала руками. Пить не хотелось, но дышать все равно было тяжело. Как будто у нее в горле намело целую песчаную дюну.

Они стояли рядом со стеной дома, близко к окну, где тревожно мелькало женское лицо. Ася посмотрела туда, и женщина тут же забарабанила по стеклу, знаками прогоняя их.

– Почему здесь все такие недружелюбные? – пробормотала Ася, отряхивая рюкзак от пыли.

– Так это же Нордик Шамба. Плохой район. Лучше тут не ходить, тем более одной, – предупредил пареньь.

Он поднял с земли велосипед и собрался уезжать. Она окинула взглядом пустую улицу. Дул пронизывающий ветер. С моря быстро надвигалась сизая туча.

– Стойте, – взмолилась Ася. – Я тут уже два часа хожу, и ни одного такси. Даже попутку не поймать! А мне нужно вернуться в центр. Не могли бы вы меня подбросить? Я так сильно натерла ноги...

Она продемонстрировала сбитые пятки. Он неприязненно посмотрел. Крутить педали за двоих ему явно не улыбалось.

– А сюда ты как попала?

– На автобусе, но я уже довольно далеко ушла от остановки.

– Ну да, до остановки отсюда полчаса пилить...

– Я заплачу вам! – она достала несколько купюр. – Столько хватит?

Он усмехнулся.

– В этом месте деньгами лучше не размахивать. Ты сказала, ходишь тут два часа? Странно, что с тобой еще ничего не случилось.

К багажнику велосипеда был примотан сверток. Парень начал его отвязывать, освобождая место для пассажирки.

– Мне в центр не надо, могу до шоссе довезти, так и быть. Там автобус поймаешь. Залезай.

Ася рассыпалась в благодарностях и уселась над скрипучим колесом.

– Как тебя сюда занесло? – спросил ее водитель, с усилием нажимая на педали.

– Долгая история, – устало сказала Ася. – Ищу кое-кого.

– Нашла?

– Нет.

– Да не может быть! – иронично воскликнул парень.

– Что такое? – растерялась Ася. – Это закономерно?

– То, что ты никого тут не найдешь? Да, это закономерно!

Говорю же, Нордик Шамба, тут все повязаны.

– Что это значит? – спросила она.

Парень хмыкнул и сплюнул на дорогу.

– В этом районе живут бедняки. Проститутки, воры, вот такое общество. Промышляют в городе, обманывают туристов в основном. Но своим никто ничего не делает, понятное дело. Тут же все как на ладони, ничего утаить нельзя. Украдешь у соседа – он тебе дом подожжет. А эти люди и без того плохо живут, чтобы еще между собой воевать. Поэтому прикрывают друг друга. И никто тебе не выдаст того, кого ты ищешь. Надо быть просто дурой, чтобы прийти сюда и вынюхивать. Удивляюсь, как тебя с твоими расспросами еще не побили!

Ася оторопело молчала. Оказывается, последние два часа она ходила по острию ножа. А еще она пыталась вспомнить, откуда ей известно слово «дура» по-французски. Кажется, в

школьную программу оно не входило.

– Но я не ищущу никого из местных! – сказала она в свое оправдание. – Меня интересуют люди, которые жили здесь десять лет назад!

– Правда? – обернулся парень, и велосипед вильнул. – И кто же?

– В 2008-м здесь была коммуна. В ней жила группа русских и один азиатский старик.

– Ты очень, очень чудная женщина, – расхохотался вдруг парень. – Десять лет назад тут все было по-другому. Люди, которых ты расспрашивала, обосновались здесь гораздо позже! Никто про твоего монаха слышать не мог. Долго бы ты тут пороги обивала!

И он залился веселым смехом. Ася насторожилась.

– С чего ты взял, что я ищущу монаха? Я назвала его просто стариком!

– Потому что я знаю твоего старика. Ну, не лично, разумеется. Моя семья жила здесь в те времена. Мать должна помнить этого... напомни-ка его имя?

– Наохам, – подсказала Ася, и ее сердце замерло. Неужели ее новый знакомый говорит о том самом мудреце? Может ли быть, что решение проблемы пришло вот таким совершенно случайным образом?

– Точно, Наохам.

Они остановились, не доехав до шоссе.

– Фу, устал, передохнуть надо, – сказал парень, отдуваясь.

Ася принялась рассуждать вслух.

– Давай с самого начала. Меня зовут Ася, я прилетела в Тунис из России, чтобы найти Наохама. Последнее место его пребывания, о котором мне известно, это ашрам вон там, рядом с территорией теперешнего района Нордик Шамба. Я надеялась, что кто-нибудь вспомнит коммуны и расскажет, куда переехали ее жильцы. Или что кто-то знает, где сейчас Наохам. Но никто не хотел со мной разговаривать, и вдруг я встречаю тебя. Выясняется, что твоя семья помнит Наохама. Удивительное совпадение, ты не находишь?

Парень хмыкнул и пожал плечами.

– Всякое бывает. Из самой России, надо же. Отличный французский для русской! – поддел он ее.

– Спасибо. Ты тоже неплохо строишь фразы для выходца из преступного района, – съязвила Ася, и зря.

Парень помрачнел и грубо толкнул Асю с велосипеда.

– Пошла ты! Сама дойдешь, – злобно процедил он и попытался уехать.

Ася вцепилась в руль и заковыляла рядом.

– Нет, не уезжай! Прости, пожалуйста! Я зря это сказала, я раскаиваюсь!

Парень грозно сдвинул брови и ругнулся по-арабски.

– Можешь бросить меня здесь, не нужно меня никуда везти, только скажи адрес твоей мамы, – взмолилась Ася. – Мне очень нужно найти Наохама, и вы – единственная ниточка к нему!

– Да иди ты, – отпихнул он Асю, и она упала на каменистую дорогу.

Освободившись от ее хватки, велосипедист резво покати́л прочь. Ася смотрела ему вслед и глотала слезы. Ну кто ее тянул за язык? Даже в России не каждый мужчина потерпит иронию в свой адрес, а здесь, в мусульманской стране, такое поведение вообще недопустимо. Неудачной шуткой она нанесла парню настоящее оскорбление! Он мог ее побить, и никто бы не пришел на помощь.

Ася с трудом поднялась, саднили ладошки. Надо быть осторожнее. Мир не подыгрывает ей. Никто не идет ей навстречу. Удача с дешевой комнатой у деда Низара окрылила, заставила поверить, что все пойдет гладко. Но это ошибка.

Всем плевать на Асю и ее поиски. Она в чужой стране, и никто не станет ей помогать. Никто не будет терпеть ее глупые шутки, невнимательность при беседе, нескромное заглядывание в окна.

Все живут своими жизнями, и никому до Аси дела нет. Она стояла на огромном пустыре: за спиной – район, страдающий от нищеты и безысходности, впереди – шоссе, по которому проносятся равнодушные машины. Она могла бы сейчас исчезнуть, и мир вокруг даже не дрогнул бы.

Ася вздохнула, поправила ляжку рюкзака и похромала к автостраде.

Зато появилась хоть какая-то ясность. Опрашивать жителей дальше смысла нет: район появился после того, как ис-

чезла коммуна. Искать по всему городу тех, кто в давние времена жил по соседству с Наохамом? Ася не представляла, с какой стороны подойти к этим поискам.

Оставалось одно: попытаться найти паренька, которого она только что обидела. Но он даже не представился. Ася знала только то, что он ехал из Нордик Шамба куда-то не в центр. Вернуться и попытаться понять, что он делал в неблагополучном районе? Вряд ли она получит ответ. Бродить по городу в надежде, что случай вновь сведет их? И сколько ей ждать такой удачи? Дни, недели, месяцы?

Она вышла на шоссе и с надеждой посмотрела на дорогу: вдруг мелькнут яркие полосы на его рубашке. Но парень испарился, не оставив ни одной зацепки. Как будто его и не было.

Ася присела прямо на землю. Мимо промчался грузовик, обдав ее черным вонючим облаком.

Зацепок может парень и не оставил, а вот следы, скорей всего, найдутся. Ася вскочила и ринулась обратно.

На пыльной дороге отчетливо виднелись отпечатки велосипедных шин.

Глава 8

– Да, жили там какие-то наркоманы. Заняли пустырь, построили хибару. Жгли костры, пели песни. Потом их прогнали и начали строить отель, да только не заладилось там со стройкой. Наверняка сектанты эти наколдовали что-то. До сих пор место брошенным стоит, а рядом трущобы разрослись.

Фатима сидела в темной комнате перед телевизором. На коленях тазик, рядом на газете разложено тесто. Она отщипывала кусочек теста, молниеносным движением пальцев скручивала его в форму рисового зернышка и бросала в таз. За одну секунду она успевала накрутить с десятков таких рисинок, при этом не забывая следить за развитием событий на экране и поддерживать беседу.

Ее сын Мухаммед, тот самый велосипедист, которого Ася отследила по отпечаткам шин, смиренно сидел рядом. Он был поражен, увидев Асю у своего дома, но, видимо, обида уже прошла, и парень как ни в чем не бывало представил ее своей матери.

– Десять лет назад там погиб парень. Вы помните об этом? – спросила Ася о судьбе Ивана, автора того самого видеоролика.

– Да, помер кто-то, было дело, – безразлично ответила Фатима. – Говорю же, наркоманы. Их век короткий.

– А что насчет монаха?

– Был монах, – кивнула женщина, не отрывая глаз от телевизора. – И люди к нему ходили, паломники ездили. Поговаривали, что Наохам знает ответ на любой вопрос. Вот и ездили к нему со всего света. Спрашивали.

– А вы сами не спрашивали? – полюбопытствовала Ася.

– Шайтановщина это все, – отмахнулась та. – Один Аллах все знает. А эти даже намазы не совершали. Только костры жгли, чадило жуть! О чем их спрашивать-то? Зато дед наш с Наохамом общался. Спроси его, он больше знает.

Фатима отставила тазик и повернулась к сыну.

– Отведи её к деду.

Он кивнул и знаком пригласил Асю следовать за ним. Только полминуты спустя Ася осознала, что поняла реплику женщины, сказанную на арабском.

– Чей это дед? – спросила она Мухаммеда по-французски.

– Общий, – усмехнулся он. И резко остановился: сообразил.

– Ты говоришь по-арабски?!

– Нет, я не знаю ваш язык. Но твою мать я почему-то поняла.

Он посмотрел на нее с благоговением и недоверием. Быстро что-то пробормотал на своем языке и поднял вопросительно бровь. Мол, и это поняла?

– Нет, – покачала головой Ася. – Не поняла. Не расслышала...

Он дернул шей и повел ее дальше.

Они вошли в сумрачный сарай, заставленный старой мебелью. На обшарпанном диване возлежал пожилой араб. Смятые пивные банки валялись на перевернутой коробке из-под бананов. В пепельнице дымился окурок.

Дед приподнялся и указал на табуретку. Ася с опасением села: одна из ножек качалась, сидение выглядело липким.

– Что с ней? – спросил араб Мухаммеда.

– Ее не надо лечить. Ей нужен совет.

Дед без стеснения рассматривал Асю. Она поставила рюкзак на колени: джинсы тут казались слишком обтягивающими, майка откровенной, стрижка вызывающей.

– Есть у меня для вас один совет, молодежь, – грубо захотел дед и тут же закашлялся, харкнул куда-то за диван.

Пошлые намеки и отсутствие уважения к женщине Ася решила списать на особенности местного менталитета. Нужно учиться держать себя в руках и выбирать выражения, чтобы добиться своего.

– Я понимаю ваш язык, – спокойно сказала Ася по-французски. Потом немного подумала и медленно повторила то же самое на арабском. Слова словно появлялись сами собой.

Дед осекся и вопросительно уставился на Мухаммеда. Тот пожал плечами, скрывая усмешку: видно, давно приелась грубость старика, и приятно было видеть недоумение на этом надменном лице.

Ася спросила про Наохама. Старик прищурился.

– Наохам был великим человеком. Все ходили к нему за ответами, а ведь он мог больше, гораздо больше. Он мог исцелять людей, видел их насквозь со всеми болезнями. Он поделился этим даром и со мной!

Дед замолчал и важно покивал головой.

– Кому попало он не передал бы такой талант, – отметил он. – Он избрал меня. А ведь мы не были друзьями! Я ничего у него не просил. Наохам выбрал меня сам. Он наградил меня этим даром перед самым своим уходом.

– Перед уходом куда? – нетерпеливо спросила Ася.

– Перед тем, как уйти, – глубокомысленно сказал старик. – Наохам ушел, а его дар живет во мне. Тебя, к примеру, жуки покусали. И твое тело их не принимает. Дышать больно?

Ася опешила. И вправду, после недавнего приступа удушья дышать было все еще сложно. Ася списывала этот дискомфорт на песок в носу, жажду и общую усталость.

– Помрет часа через четыре, – равнодушно махнул на Асю старик и принялся чиркать зажигалкой, прикуривая сигарету.

– Как помрет, дедушка? – встревожился Мухаммед. – Ты сейчас всерьез говоришь или шутишь?

– Таким не шутят, – рассудительно ответил дед.

Ася растерянно моргала и глядела на Мухаммеда, пытаясь понять, верно ли она перевела разговор.

– Он сказал, что я больна? – уточнила она у парня, не веря в происходящее.

Удушье нарастало.

Тот мрачно кивнул, отошел в темный угол сарая и загремел там коробками.

– Дед, не молчи! – крикнул он оттуда. – Ты вылечить ее сможешь?

– Ты сможешь, – насмешливо ответил старик.

Мухаммед споткнулся о перевернутый стул, выругался и подбежал к Асе.

– На, проглоти, – сказал он, протягивая три таблетки.

– Что это? – спросила Ася. От страха дышать было еще сложнее.

– Дед сказал, что у тебя аллергия на укусы насекомых. Это обычное антигистаминное средство.

– Дед не говорил ни слова об аллергии! – возразила Ася, не решаясь принять незнакомый препарат. Она ведь только что решила не рисковать, сохранять осторожность и быть начеку, а тут незнакомцы в грязном сарае подсовывают ей безымянные таблетки.

Мухаммед опустил перед ней на корточки и заглянул в глаза.

– Послушай, я понимаю, ты боишься и не доверяешь нам, но тебе лучше сделать, как я сказал. Я знаю деда, у него нет медицинского образования, да и вообще никакого образования, по-моему, нет. Но он действительно обладает даром видеть болезни у людей. Исцелять он их не может, хоть и уверен в обратном, но диагност из него вышел классный. По-

верь, если он сказал, что у тебя аллергическая реакция, из-за которой ты можешь умереть, то так и есть.

– Но я нормально себя чувствую! – не соглашалась Ася.

– Если и так, от таблеток хуже не будет. Их можно принимать даже для профилактики аллергии. Выпей, они могут спасти тебе жизнь.

Ася прислушалась к своему телу. В горле першило и словно распирало. Ничего не болело, но она ощущала каждый вдох. Было очень душно.

– Уговорил, – решила она и проглотила лекарство.

С минуту Мухаммед выжидающе смотрел на нее, а она в страхе следила за своими ощущениями. Дышать было так же трудно, но ничего плохо не произошло. В сон не клонило, голова не кружилась, галлюцинаций не появлялось.

– Спасибо, – сказала Ася.

– Да не за что! – крикнул с дивана старик. – Мухаммед, веди следующую!

– Он что, пьян? – догадалась Ася.

Мухаммед дернул шейю и шепнул:

– Поспешите со своими вопросами. Тебе нужно к врачу.

Ася запротестовала, но он успокаивающе положил ей руку на лоб. От этого взрослого жеста она притихла и кивнула.

– Это хорошее лекарство, но все равно лучше показаться доктору. Я не специалист, мог что-то пропустить.

– Ты отлично среагировал, – похвалила Ася.

Парень засмутился:

– Это все практика. Я не медик, но в паре с дедом получилось спасти многих. Вместо того чтобы идти в больницу, люди приходят к нему. Он ставит диагноз, а я помогаю медикаментами или советами. Приходится держать здесь целую аптеку.

– Но почему больные идут к вам, а не к доктору?

– Доктор – дорого, – пояснил Мухаммед. – В Тунисе очень хорошая медицина, но нашим соседям она не по карману. Особенно когда ты не знаешь, что именно у тебя болит. Большой комплекс обследований влетит в копеечку! А наш дед берет немного и ставит довольно точный диагноз. Я говорю, какие лекарства могут помочь, а в сложных случаях советую конкретного доктора. Хотя на моей памяти до врачей никто из наших пациентов так и не дошел.

И, увидев испуганные глаза Аси, дополнил:

– Не потому, что все умерли, нет! Просто занимаются самолечением, смотрят в интернете названия лекарств и глотают таблетки по инструкции. У вас не так?

– В России? Боюсь, что так, – кивнула Ася. – Думаю, люди нигде не любят лечиться по правилам.

Вмешался старик.

– Врачи выкачивают деньги и лечат так, чтобы люди приходили снова и снова. Не лечат, а калечат!

– А Наохам лечил хорошо? – спросила Ася.

– Наохам не лечил, он исцелял. Но вместо здоровья люди выбирали ответы на дурацкие вопросы. Ну не чудаки ли?

Ася промолчала. Выбирая между рецептом настоящего счастья и своим здоровьем, она без сомнений выбирала первое. Ведь здоровье только для тебя, а секретом счастья можно поделиться, и это способно изменить весь мир!

Но хорошо рассуждать, когда у тебя ничего не болит. Будь Ася калекой, выбрала бы она счастье для других взамен собственного исцеления?

На улице громыхнуло. Надвигался шторм. Пора было брать быка за рога.

– Вы знаете, где сейчас Наохам? – прямо спросила Ася.

– Эта женщина слишком бодра для умирающей, – сказал старик Мухаммеду. – Я устал, уведи ее. И не приводи больше.

– Нет! – вскочила Ася. – Я уйду только после того, как вы расскажете мне все, что знаете о Наохаме!

– Я не буду с ней говорить, – капризно протянул дед. – Выгони эту девку!

Ася бессильно опустила руки, но неожиданно за нее вступился Мухаммед.

– Она прилетела с другого конца планеты, прошла долгий путь, чуть не умерла. Здесь у нее открылся дар, и теперь она понимает все языки мира. Разве это не знак, что ты должен помочь ей? А как же послание Наохама?

– Что еще за послание? – насторожилась Ася.

Дед неодобрительно крикнул и сел. По железной крыше забарабанил дождь, совсем стемнело. Мухаммед зажег лам-

пу.

– Наохам оставил послание для тех, кто будет его искать, – наконец произнес старик. – Только я знаю, в каком направлении нужно двигаться, чтобы найти Наохама. Он четко указал, кто может следовать за ним, а кому это не удастся. Наглых девок в первом списке точно не было. Так что пусть уходит и не забудет оплатить мои услуги!

– Это несправедливо, – проговорила Ася. – Разве вы должны решать, кто найдет мудреца, а кто нет?

– Дед, проверь еще раз. Открой послание, – поддержал ее Мухаммед.

– Оно еще и на бумаге? – поразились Ася, но парень цыкнул, и она умолкла.

Дед поднялся со скрипучего дивана и побрел к этажерке. Все вокруг было завалено мусором, затянута паутиной. «Неужели он тут живет? – мысленно удивлялась Ася. – Понятно тогда, почему он такой сердитый!»

Старый араб повернулся со шкатулкой в руках, и в этот миг полыхнула яркая молния, осветив его силуэт. Зрелище оказалось настолько кинематографичным, что Ася приснула.

Дед дошаркал до дивана, придвинул лампу и развернул небольшой свиток. Это была старая бумага, покрытая арабской бязью. Только что открывшийся Асин дар полиглота распространялся лишь на устную речь, и она даже не пыталась прочесть послание. Араб бормотал себе под нос, про-

сматривая записи.

– Ага, вот, – пробубнил он, тыча пальцем в ровные строчки. – Только тот, кто преодолеет все преграды, кто твердо намерен получить Ответ, кто придет не по своей прихоти, а в служении другим, тот, кого ведет сам Бог, тот, кто смиренно сносит все тяготы пути – вот кто достоин найти меня.

С торжественным видом он закрутил свиток и перевязал его ленточкой.

– И?.. – выжидающе протянула Ася. – А что там про направление, в котором Наохама искать?

– Девке хватит и этой части, – отмахнулся старик, упрямо продолжая говорить о ней в третьем лице.

– Почему же?

– Потому что она не подходит.

– Почему же я не подхожу? – горячилась Ася. – Я преодолела преграды, намерена получить ответ и делаю все это не для себя, а для моих друзей!

– Смирненно сносит тяготы пути – это точно не про нее, – захохотал дед.

Ася разозлилась. С чего это мерзкий пьяница решает, кто дойдет до мудреца, а кто нет? Как Наохам мог выбрать такого низкого человека? Ведь было ясно видно, что дед не помогает ей только из вредности. Ася просто не понравилась, и плевать на свиток и послание мудреца. Дед возомнил себя господом и упивается властью, которая попала в его руки совершенно случайно. Наверняка Наохам торопился и просто

не нашел поблизости более подходящей кандидатуры!

– Послушайте, – встала Ася и запнулась. Что она могла сделать?

Просьбы и мольбы не сработают. Было видно, что старик только этого и ждет, чтобы поиздеваться, насладиться своим влиянием, так и оставив Асю ни с чем. Угрозы? Но что она может сделать этим людям? Здесь, в далекой мусульманской стране, в чужом городе, в этом грязном сарае у нее было не больше прав, чем у бездомной кошки, которую сердобольные жильцы угостили сметаной на пороге.

Может, стоит пустить в ход деньги? Ася снова окинула взглядом помещение. Грязь, бедность, разруха. Но среди мусора и хлама этот старик, кажется, чувствует себя вполне комфортно. Нужны ли ему деньги? Или власть – единственное, чем он дорожит?

Старик презрительно посмотрел на Асю. Он явно радовался ее безвыходному положению.

– Что я могу сделать, чтобы вы мне помогли? – в отчаянии спросила Ася.

Дед цокнул языком и развалился на диване.

– Когда курица кукарекает как петух, ее режут, – надменно проговорил он.

– Ладно, пошли, – тихонько сказал Мухаммед.

– Может, я должна заплатить? – обратилась к нему Ася, но парень лишь покачал головой.

Раунд был проигран.

Они направились к выходу и замешкались в проходе. На улице бушевал настоящий ураган. Потоки воды низвергались на землю и неслись бурлящими ручьями, сметая все на своем пути. Ветер срывал огромные ветви, с силой бросал их на землю, комья грязи и сучья разлетались от ударов в разные стороны. За стеной дождя было почти не видно дома, который стоял всего в нескольких метрах от сарая.

– Дед, мы переждем бурю здесь! – крикнул Мухаммед.

– Уходите! – ответил старик. – В доме переждете!

– Но там настоящий ураган, – возразил было парень.

– А мне плевать! – гаркнул тот и запустил в них старым ботинком.

– Не стоит ссориться, – примирительно сказала Ася. – Я уйду.

Она на секунду застыла на пороге, не решаясь ступить под проливной дождь. Не хотелось мокнуть, но удерживало не это. Жалко было уйти с пустыми руками! Возможно, старый араб был единственным человеком в городе, который мог указать дальнейший путь. Но беседа не задалась, и теперь дед ни за что не поможет ей.

Оставалось вернуться в Москву и начать поиски в каком-то другом направлении. Может, как советовала Инга, отправиться в Монголию, где полсотни лет назад жил Нао-хам? Перспективы этого направления представлялись ей туманными. Столько лет минуло! Со времен ашрама прошел всего десяток лет, и то ей очень трудно найти хоть кого-то,

кто помнил бы живших там людей. Что уж говорить про события пятидесятилетней давности!

Как же поступить? Плюнуть, махнуть рукой, сдаться? Ася сглотнула слезы. Обидно было уходить не солоно хлебавши, но она сделала глубокий вдох и шагнула в грозу.

Внезапно раздался оглушительный треск, и она инстинктивно отпрыгнула назад. Что-то огромное упало с неба прямо на то место, где только что стояла Ася.

Вход перегородил большой металлический ящик. Он буквально заблокировал дверь, и выйти теперь было невозможно.

– О боже, что это такое? – истерично воскликнула Ася.

– Судя по цвету, это старый грузовой прицеп с соседского двора, – упавшим голосом прокомментировал Мухаммед. Обернулся и крикнул вглубь комнаты: – Эй, дед! Нам теперь не выйти! Мы тут заперты до окончания бури!

Старик поспешно встал и подошел к двери. Они с Мухаммедом начали бурно обсуждать происшествие, стучать по железным бортам прицепа, цокать, качать головами, удивляться силе ветра, который смог поднять такую массу, а затем высчитывать эту самую массу. Пришли к выводу, что одним ветром тут не обошлось, наверняка колеса были плохо закреплены, и прицеп сам прикатился к сараю. Ася попыталась сказать, что видела, как он прилетел прямо с неба, но на нее страшно закричали и продолжили мужской разговор. Перешли на обсуждение соседей, которым давно следовало

бы избавиться от этой консервной банки.

Ася слушала оживленную арабскую речь и смотрела в маленькое окошко под потолком, где ураган нещадно рвал пальму на фоне унылой однотонной стены.

Она достала мобильный: сеть на удивление была. Ася посмотрела на мужчин. Судя по жестикуляции, теперь говорили про нее.

Ася отошла в дальний угол и позвонила Инге. Она кратко изложила произошедшие события, но большее впечатление на подругу произвело другое.

– Так ты говоришь на всех языках мира?! У тебя дар какой-то открылся, что ли? Может, ты еще что-нибудь умеешь? Мысли читать? Предметы двигать?

Трубка захлебывалась энтузиазмом. Да Ася и сама была окрылена новыми возможностями. Несмотря на все сложности, мысль о том, что теперь она без усилий понимает чужую речь, ободряла.

Ведь иначе как чудом Асин дар не назвать. Можно ли считать это знаком, что Ася движется в верном направлении? Расценивать ли как помощь свыше? Безусловно.

Если господь перемешал языки на вавилонской башне, чтобы помешать людям в их планах, то сделать человека полиглотом – несомненно, акт помощи.

– Увы, мысли я читать не умею, так же как и будущее, – ответила Ася. – Сейчас я заперта в сарае с двумя арабами, один из которых меня терпеть не может. И я даже не пред-

ставляю, чем это все закончится!

– Это же прекрасный шанс все наладить! – воодушевленно говорила подруга. – Ты милая, всем нравишься, и этот дед обязательно полюбит тебя.

– Ой, Инга, здесь все совсем не так, – вздохнула Ася. – Все равнодушны ко мне или даже испытывают неприязнь. Наверное, я что-то неправильно делаю, может, говорю как-то не так. Они мусульмане, и их представления о женщинах сильно отличаются от наших. Так что если в России меня любили за прямоту и чувство юмора, то здесь это скорее недостатки.

– Видишь, как глубоко ты уже разбираешься в тунисцах! – воскликнула Инга. – Раз ты все про них поняла, то просто стань такой, какой они хотят тебя видеть. Вот увидишь, у тебя все получится!

Ася помолчала, напряженно прислушиваясь к звукам в трубке. Хотелось послушать Москву. Но шум ветра и грохот ветвей по жестяной крыше все заглушали.

– Как вы там? – тоскливо спросила она. – Светку выписали?

– Мы тут хорошо, – весело ответила Инга. – Светку выписали. Ты уехала всего два дня назад. Так что никаких новостей.

– Мне кажется, я не была дома уже несколько недель... – протянула Ася.

– Это от смены впечатлений, – заверила Инга и попроща-

лась.

Ася посмотрела на часы и вздохнула. Буря не собиралась утихать, а она уже чувствовала голод, жажду и настойчивое желание принять горячую ванну.

Мужчины наконец наговорились и вернулись к дивану. Старик занял обычное свое место, закурил, открыл очередную банку пива. Мухаммед выудил с темных полок пыльную книгу, уселся поближе к лампе и погрузился в чтение.

Ася вышла из своего угла. Как себя вести? Она несмело подошла поближе, присела на табуретку. Дед ее словно не замечал. Ася откашлялась.

– Такая сильная буря. Никогда такого не видела.

Никто ей не ответил. На старика она и не надеялась, а Мухаммеду, видимо, надоело ее спасать. В конце концов, их знакомство тоже нельзя назвать безоблачным.

– Как считаете, ураган скоро утихнет? – спросила она.

Мужчины помолчали, затем Мухаммед буркнул, не отрывая взгляда от страниц:

– День или неделя. Сложно сказать. Нам даже неба не видно.

– Неделя? – ужаснулась Ася. – Так бывает?

– Здесь бывает, – отрезал парень и демонстративно уткнулся в книгу.

– А ведь я помню ураган длиною в четыре недели, – сказал вдруг старик.

– Целый месяц? – переспросила Ася. – Невероятно! Где

же это было?

– В Австралии, – он назвал незнакомый Асе город.

– Ничего себе! – восхитилась она. – Это же другая сторона земли! Вы там жили?

Но, видимо, она перегнула палку в своей заинтересованности: дед резко замолчал. Осознав свою промашку, она решила помолчать тоже. Посидели в тишине.

– Как горло? – спросил вдруг Мухаммед.

– Спасибо, все прошло, – заверила Ася и продемонстрировала глубокий вдох.

– Хорошо. Через три часа нужно принять еще одну таблетку.

– Как скажете, доктор, – ответила она.

Хотелось в туалет. Ася поерзала. Старик курил, глядя в потолок, Мухаммед читал. Она не решалась снова заводить разговор, и постепенно проваливалась в заторможенный покой под мерный гул дождя. День был таким изматывающим! Долгий путь с одной окраины города до другой, двухчасовой поход по преступному району. Смертельно опасный приступ аллергии, отслеживание Мухаммеда – дорога сюда заняла полтора часа! А теперь еще эта гроза, отрезавшая путь домой. Сейчас все начало болеть: костяшки рук, сбитые от постоянного стука в двери, натертые ноги, ладони, стесанные после падения с велосипеда.

Ася уставилась в одну точку и замерла.

Прошло около получаса, и она вздрогнула, когда старик

тронул ее за плечо. Ася и не заметила, как он встал. Совсем стемнело, ураган все так же бушевал. Она что, заснула?

– Мухаммед уверяет меня, что тебе можно открыть секрет Наохама. По большому счету ты и вправду подходишь под описание. По крайней мере, больше, чем все остальные. Те, кто приходил до тебя. Это, – он махнул рукой в сторону перегороденного входа, – Сильно смахивает на помощь всевышнего. В твой фокус со знанием языков я, конечно, не верю, но когда судьба в прямом смысле не дает тебе уйти – на такое сложно закрыть глаза. Как думаешь, ты стоишь того, чтобы узнать настоящую тайну?

Ася все еще находилась в сонном оцепенении. Она равнодушно пожала плечами:

– Это ваша тайна, так что вам решать, кто ее достоин.

Дед как будто даже обрадовался такому ответу.

– Вот и смирение подоспело! – сказал он, обернувшись к Мухаммеду. Тот отвлекся от чтения и заинтересованно слушал.

– Ладно, я расскажу тебе все, что знаю. Но только после того как закончится ураган, когда мы останемся наедине. А то вон видишь, шпион тут уши развесил!

Мухаммед вспыхнул и снова схватился за книгу.

– Больно нужны мне ваши секреты, – проворчал он.

– А раз не нужны, давай, поухаживай за гостьей! Чайник ставь и рукомойник покажи, – скомандовал старик.

Рукомойник и правда был, скрывался за пыльной шир-

мой. А вот туалета не было.

– Он тут живет? – спросила Ася про деда, умываясь под тонкой струйкой воды.

– Нет, ночевать и есть в дом приходит. Хотя иногда и здесь спит. Мать приносит ему ужин, мы с братьями пиво возим. Не думаю, что здесь есть нормальная еда, разве что орехи и консервы. Ты голодна? – заботливо спросил он.

– Мне нужно в уборную... – прошептала Ася, опасаясь насмешек.

Но парень, казалось, растерялся. Его брови поползли вверх, он издал смущенный смешок, дернул шей и, указав на ведро в углу, выскочил из закутка.

В ведре плескалась мутная жидкость. Пованивало. Рядом на стене сидел солидных размеров паук и неодобрительно сверкал глазами. Ася поежилась и решила потерпеть.

Мухаммед возился с банкой растворимого кофе, рядом на электрической плите шипел чайник.

– Повезло, что свет еще есть! – радостно крикнул он ей. – Тебе с сахаром?

– С сахаром, – кивнула Ася. «И активированным углем», добавила она про себя, глядя, как Мухаммед дует в грязный стакан и протирает его краем рубашки.

На стеллажах действительно нашлись консервы, а также чипсы и крекеры. С лихим видом старик высыпал на импровизированный стол несколько леденцов. Хрустя печеньем, Мухаммед поинтересовался:

– Зачем ты ищешь Наохама? У тебя к нему вопрос?

– Да, – кивнула Ася. – Но ответ нужен не мне, я принесу его своим друзьям. Может, от него даже зависит жизнь кое-кого...

Парень хмыкнул и отхлебнул горячий кофе:

– И что за вопрос?

Деликатностью он явно не отличался. Ася помедлила, но затем решила и рассказала свою историю.

Под грохот североафриканской бури, держа в ладонях немытую кружку с мутным напитком, она рассказывала двум арабам из глубинки о том, как несчастливо живет богачам в далекой России. Ася вспоминала, какими они были в детстве и юности, и описывала, как изменились сейчас. Сокрушалась, что погас огонь в глазах и исчезло желание жить. Сетовала на то, как шаблоны и стереотипы подменили настоящую мечту.

Ася рассказала о болезни Светы и о том, что только рецепт настоящего счастья уберет ее от гибели. Закончив, она посмотрела на своих слушателей: поняли ли?

– То есть у вас всех есть деньги, работа, дома и семьи, но вам не нравятся ваши жизни? – уточнил Мухаммед, и Ася почувствовала себя Бриджит Джонс, жалующейся на своего бойфренда женщинам в азиатской тюрьме.

– Наши жизни подтверждают, что ничего из материального мира не сделает тебя счастливым, – пояснила она.

– Но без еды и жилья ты тоже будешь несчастен! – возра-

зил Мухаммед.

– Конечно, – согласилась Ася. – Но еда и дом лишь временно принесут тебе радость. Они облегчат твою жизнь, но не смогут поселить в твоём сердце настоящее, глубокое счастье!

Парень конфузливо глянул на деда, будто Ася рассказывала о непристойных вещах. То ли ему была непонятна глубина трагедии, то ли Ася сказала что-то не то.

– Ты строишь фразы так, будто насмотрелась сериалов! – наконец не выдержал и рассмеялся он.

И в этот миг Асю осенило:

– Точно, сериалы!

Прошлую ночь она проспала с включенным телевизором. Показывали арабские программы с русским переводом. Ася понятия не имела, что произошло с ее мозгом, но ее память словно впитала все услышанное, и теперь Ася может строить разговор из звучавших по ТВ фраз!

Это не было волшебством. Произошел какой-то сдвиг в ее умственных способностях, и теперь для того, чтобы выучить язык, ей не нужно зазубривать правила и слова: достаточно включать телепередачи, где хорошо слышна оригинальная речь и русский перевод. Можно даже их не смотреть, а просто находиться в помещении, где телевизор работает в фоновом режиме!

То же самое, вероятно, произошло и с ее французским. Асину память как будто окатили ледяной водой: она словно

проснулась, исчез налет забвения, и все знания стали свежими и яркими.

Ася мысленно чертыхнулась. «Исчез налет забвения», передразнила она себя. Опять этот киношный язык!

– Значит, рецепт счастья, – резюмировал старик.

А Асе казалось, что он их не слушает.

– Да. К сожалению, я не могу объяснить вам, почему это настолько важно. Но я чувствую, – Ася прижала руки к груди, – Что это один из самых главных вопросов, который стоит задать Наохаму. Вы так не думаете?

Старик промолчал. Мухаммед отошел к двери, пытаясь разглядеть что-то на улице. Асе было немного обидно, что эти люди не воспринимают ее миссию всерьез. Поэтому она продолжила:

– Неужели вы не задумываетесь о счастье? Не ощущаете, что без него жизнь пуста, что бы вы ни делали? Или, может, вы уже нашли свой секрет счастья? Так поделитесь с нами. Совершите милосердный жест!

Мелодраматические реплики никак не оставляли ее в покое. Но дед не заметил патетики.

– Ты спрашиваешь, счастливы ли мы, – сказал дед и крикнул Мухаммеду: – Эй, пацан, ты там счастлив или как?

– Ни зги не видно! – отозвался тот, видимо, не расслышав.

– Он еще слишком молодой, – пояснил старик. – В шестнадцать лет не думаешь о таких вещах.

«Шестнадцать лет?!» – поразилась Ася про себя. Мухам-

мед выглядел на все двадцать два.

– Давай, я расскажу тебе свою историю, – предложил старик. – А ты скажешь мне, счастлив я или нет.

Ася смотрела на него во все глаза. Старика словно подменили! Не верилось, что это он недавно издевался над ней, прогонял под дождь и брезговал даже смотреть в Асину сторону. За несколько часов дед изменил свое отношение к ней кардинально. Неужели Инга права, и, чтобы расположить к себе человека, Асе нужно просто подольше побыть с ним?

Да уж, держи карман шире, сварливо ответила Ася сама себе. Скорее, это очередная банка пива сделала старого араба таким покладистым.

Не замечая Асиного недоумения, дед закурил и погрузился в воспоминания.

Глава 9

Моя жена родом из Австралии. Мы познакомились в Европе, пару месяцев крутили роман, а затем наши дорожки разошлись. Прошло десять лет, в моей жизни было слишком много всего. Хорошего, но больше плохого. И спустя столько времени я вдруг понял, что ничто не приносит мне счастья – прямо как тебе сейчас. Я все чаще вспоминал прекрасные венецианские вечера и теплые ночи, проведенные с моей Лаурой. Десять лет прошло! Но мне казалось, что тогда и только тогда я был счастлив, и если не разыщу ее, то в моей жизни больше не будет света и тепла. Позже я встречал такое в книгах. Отличная завязка для любовного романа, да?

Словом, я начал поиски и отправился в Австралию. Моя Лаура была уже вдовой. Она не узнала меня, более того, она вообще меня еле вспомнила! Когда я показал ей фото с наших каникул, она начала так хохотать, так удивляться моему приезду, что я сразу понял: за эти десять лет она не думала обо мне ни единого раза.

Но она осталась такой же милой и бойкой, как в юности. Я устроился в ее городе, начал ухаживать за ней и вскоре сделал предложение, которое она на удивление приняла. Мы переехали в Тунис, на мою родину.

И здесь она начала чахнуть.

Тунис жестокая страна, и в те времена смелым прогрес-

сивным женщинам здесь было особенно нелегко. Лаура отказывалась носить паранджу, не принимала мусульманство, мечтала выйти на работу. Конечно, об этом не было и речи: мы жили в провинции с очень строгими порядками. Лауру кидало из одной крайности в другую. То она пыталась быть мне образцовой женой, следовала всем правилам, затем срывалась и страдала депрессией, чувствами вины и своей ничемности. То, наоборот, пыталась идти против устоев: ходила в европейских платьях, высказывала смелые суждения при мужчинах.

Еще в Австралии я предвидел все это. Я не был глупцом и знал, что Тунис – не для нее. Почему же я привез Лауру сюда, зная, что обрекаю ее на мучения?

Очень долго я боялся ответить себе на этот вопрос. Страшно было посмотреть в зеркало и увидеть человека, который нарочно изводит любимую женщину. Может показаться, что я не любил ее, но это не так: я любил, но темные желания были сильнее.

Во-первых, меня терзала жажда мщения. Я никак не мог простить Лауре то, что она меня не помнила все эти десять лет, в то время как я видел в ней ту самую, единственную.

Во-вторых, меня мучал скрытый страх. Я никак не мог признаться себе, что просто боюсь свою жену. Боюсь ее энергии, успешности, красоты. Живи мы в Европе, она была бы весьма успешной женщиной. Реализовалась бы в работе. Зарабатывала много денег, мужчины увивались бы за ней. Кем

бы я выглядел рядом с Лаурой? Ничтожеством.

Но не здесь. В Тунисе я был не только единственным кормильцем семьи, я был ее защитником, и между нами не было и быть не могло никакой конкуренции.

Я точно знал, что будь мы в равных условиях, я бы ей проиграл. Настолько потрясающая и талантливая это была женщина! Я боялся упасть лицом в грязь. А потому запер свою жену в мусульманской стране, где у нее не было другого выхода, кроме как терять свою привлекательность и ум, деградировать и, в конце концов, превратиться в ничем не примечательную, забитую клушу.

В течение года мой план работал. Лаура стремительно менялась. Исчез блеск в глазах, все реже звучали феминистские высказывания. Она совсем перестала выходить из дома. И когда я решил, что моя жена окончательно сломлена, она удивила меня.

Лаура купила яхту.

Когда я обрел дар речи после этого известия, стал добиваться, где она взяла столько денег. Выяснилось, что она имела сбережения еще от первого брака. Сумма была не так велика, чтобы изменить мир, но на яхту вполне хватило.

Я пришел в ярость. Первой причиной моей злобы было то, что Лаура скрыла от меня свои деньги. Вторая причина заключалась в ее своеволии: жена сделала крупную покупку, не посоветовавшись со мной. Третьей, и единственно значимой, причиной являлся крах моего замысла. Оказывается,

Лаура совсем не сломлена, она просто затаилась и играет по моим правилам! Она способна принимать решения и до сих пор считает себя хозяйкой своей жизни. Неслыханно!

Надо отметить, что Лаура преподнесла яхту как подарок для меня. Покупка была совершена в аккурат к годовщине свадьбы. Весь свой тайный капиталец моя жена потратила на то, чтобы порадовать меня! Это бесило меня еще больше: Лаура оказалась не только несгибаемой, но еще и святой.

Я раскричался и прогнал ее. Была ночь и сильный ураган, почти как сегодня. И Лаура ушла. Сначала я думал, что она просто отсиживается в саду или на крыльце, и полчаса спустя пошел на поиски, но Лауры нигде не было. Шкаф с ее одеждой был пуст. Должно быть, она перенесла свои вещи на борт заранее, надеясь, что я приму ее подарок, и мы отправимся в морское путешествие. Пригибаясь от штормового ветра, я шел к пристани, до последнего надеясь увидеть там новенькую яхту.

Но пристань была пуста.

Лаура ушла в море, несмотря на ненастную погоду.

Прошла неделя, вестей не было. Никто не находил обломки нашей яхты, но и Лаура не писала и не звонила мне. Я не знал, жива она, или я уже вдовец. С горя я запил и закрутил интрижку с соседской девчонкой, она забеременела, и ее отец, крупный чиновник, быстро освободил меня от брака с Лаурой. Я женился повторно, стал отцом, много пил и наслаждался той семейной жизнью, в которую пытался втянуть

мою первую жену. Разумеется, наслаждался – это сарказм.

Мой сын вырос и стал военным. Он нес службу на флоте недалеко от Келибии. Однажды он чуть не умер: катер, на котором он плыл от базы, взорвался прямо на ходу, и Фарух, мой сын, без сознания упал в воду. Подводным течением его несло прямо в открытое море, в опасную зону с водоворотами и острыми скалами. На счастье, его удалось спасти.

Тогда я не знал, что спасительницей моего сына стала Лаура. Фарух попал в военный госпиталь, быстро оправился и вернулся на службу. Они продолжали общаться: Лаура жила недалеко от военной базы моего сына, в то время как наш дом находился в пяти часах езды. Короткие выходные Фарух проводил у Лауры, ведь у нее был большой дом и красавица-дочь, а к нам приезжал только в отпуск. Так сложилось, что сын не называл имени женщины, которой был обязан жизнью, а мне и в голову не приходило спросить.

Отслужив, Фарух вернулся к нам с будущей женой – дочкой своей спасительницы. После свадьбы они отправились путешествовать. Я так и не видел мать моей невестки. Мы встретились с Лаурой только два месяца спустя, на торжестве по случаю дня рождения Фаруха.

Для Лауры наша встреча не была удивлением: она давно знала, что Фарух мой сын. Только я, вечно пьяный идиот, не догадывался о том, что породнился со своей первой женой!

Вскоре я стал дедом, а Лаура бабушкой: у Фаруха родился сын. Я смотрел на внука и никак не мог осознать это волшеб-

ное сплетение генов и случайности. В этом младенце были частицы Лауры и меня, но при этом он не был нашим ребенком. Кроме нас, в нем текла кровь моей жены и мужа Лауры, моего сына и ее дочери. Но и это было не все. Сколько чудесных совпадений таится в моих генах? И в генах каждого из нас? Сколько поколений назад нужно отмотать, чтобы увидеть, что у нас с Лаурой – один предок? Вдруг не так много, как мы привыкли думать? Может, нас объединяет не древний человекоподобный орангутанг, а более свежие связи?

И если так, то где заканчиваюсь я и начинается другой человек? Где границы моего и чужого? Есть ли она вообще, моя персональная жизнь, или она растворяется в общем потоке, который мы называем реальностью?

Помню, эти мысли чуть не свели меня с ума. Я бросил пить в надежде, что мой ум перестанет так пугать меня. Но без алкоголя ясное понимание того, что все связано, только усилилось. Для меня исчезало понятие отделенности. Границ больше не было. Я съедал яблоко, и оно становилось мной, и я никак не мог уловить момент, когда исчезало яблоко и появлялся новый я. Выдыхаемый мной воздух содержал молекулы меня и отправлялся в странствие по миру, и тот, кто вдыхал его, на микрочасть становился мной. Я знал, что все вокруг состоит из одних и тех же атомов, и получалось, что я есть скала, а скала это я.

Я ни с кем не делился своими наблюдениями, а просто жил в новом безграничном мире, и это было хорошо. По-на-

стоящему хорошо. Лаура действительно принесла мне счастье, как я и ожидал много лет назад, когда отправлялся в Австралию на ее поиски.

Ностальгически улыбаясь, старик умолк.

– И-и-и? Как всё закончилось? – нетерпеливо спросила Ася после затянувшейся паузы.

– Что закончилось?

– Ну, ваша история.

– А она не закончилась, – развел руками старик. – Это не кино, в котором свадьба и титры. Жизнь продолжается.

– Но ведь... – она замялась, подбирая тактичную формулировку. – Но ведь ваша жена уже...

– Умерла? – помог он ей. – Да, моя жена умерла. Или ты про Лауру? Она тоже умерла. Но даже на этом наша история не заканчивается. Ведь я-то ещё жив. Со мной жива и наша история. Вот я ее рассказываю тебе, это ещё одно звено, ещё один поворот этой истории. И кто знает, что с ней будет дальше. Как она повлияет на тебя, или на того, кому ты ее передашь...

Они помолчали немного.

– Каждая судьба живая, она не умирает вместе с человеком. Она словно вплетается в общий узор. Нет отдельно тебя и отдельно меня, мы все – одно целое, один мир. Ты, я, Мухаммед, Наохам, эта буря – все мы штрихи на одном полотне. Понимаешь?

Ася неуверенно кивнула.

– Понимая это, невозможно быть несчастным, – продолжил старик. – Точнее, перед тобой больше не стоит вопрос о твоём личном, единичном счастье. Ты просто есть и все. Существоешь как частица гигантской жизни. И никакого персонального рецепта счастья тебе не нужно.

Это было красиво и глубоко. То, что открыл ей старый араб, походило на абсолютную истину, на сокровенное знание.

Правда, Ася не понимала, как это можно применить к жизни. Хорошо было сидеть здесь под шум ветра и рассуждать о безграничной вселенной. Но разве все это применимо к реальности? Разве это сделает Асю счастливой каждый день?

Нет, Ася искала такой рецепт счастья, который работал бы на практике. Ей не нужны были умные мысли и философские речи. Ей нужен был ответ, который покрыл бы все вопросы в обычной жизни. Ася искала такой секрет счастья, который выжил бы при столкновении с обидами, тоской, несправедливостью.

Но, конечно, она вежливо покивала и сделала восхищенные глаза. Откровенность деда глубоко тронула ее.

Буря бушевала всю ночь. В сарае нашлись старые матрасы и несвежие покрывала, и, несмотря на холод, дискомфорт и храп старика, Ася довольно быстро уснула. Ей снился мудрый Наохам в сиреневых одеждах с белоснежной головой: он раскачивал небесные качели, на которых счастливо сме-

ялись маленькие Ася и Света.

Глава 10

К середине следующего дня, когда ураган утих и выход из сарая был расчищен, Ася наконец осталась со стариком наедине.

– Я отвез Наохама в Пакистан, – сообщил он.

– Куда именно? – спросила Ася.

– В Исламабад. Но Наохам не собирался там задерживаться, планировал двигаться вглубь страны.

Отлично, подумала Ася. Ценность информации зашкаливает.

– Давно это было?

– Зришь в корень! – пришел в восторг араб. – Давно. Когда еще ашрам стоял.

– И вы думаете, Наохам все еще в Пакистане?

– Не думаю, – радостно ответил он.

– Супер, – пробормотала Ася устало.

Провести сутки в пыльном сарае, чтобы получить неточные данные десятилетней давности.

– Но я знаю, через кого можно это узнать! – с сияющим видом сообщил дед.

– Правда? И через кого?

– Я сам все выясню, – горделиво сказал он. – Тебе нужно подождать. Я свяжусь с нужными людьми в Пакистане, и мы точно узнаем, там сейчас Наохам или нет. И если уехал, то

куда.

– Это было бы здорово... Но откуда у вас такие связи в Пакистане? – недоверчиво спросила Ася.

– А, не веришь, – досадливо отмахнулся старик. – Думаешь, дряхлый дед, сидит в своей норе, связь с миром потерял?

– Нет, что вы! – испугалась Ася. – Я ничего такого не имела в виду! Просто вы рассказали мне историю своей жизни, и там не было ни слова про Пакистан...

– Там много про что не было ни слова, – пробормотал араб. – Так узнавать для тебя про Наохама или нет?

Ася почтительно склонила голову.

– Узнайте, пожалуйста.

– Тогда оставь свой телефон Мухаммеду и жди от меня звонка.

– Спасибо, – поблагодарила Ася и направилась к выходу. У дверей обернулась и решила уточнить:

– А долго ждать?

– Сколько надо, столько и жди, – процедил старик. Он снова превратился в злобного ворчуна, с которым Ася познакомилась сутки назад.

Она поспешила уйти.

От свежего воздуха закружилась голова. Фатима, хозяйка дома, приглашала обедать, но Ася отказалась, продиктовала Мухаммеду свой номер и отправилась домой. Ее ждал горячий душ, свежая одежда и долгие дни ожидания.

Глава 11

Ася сидела в лобби Palm Extra Hotel и меланхолично просматривала фотографии московских знакомых в соцсетях. Окруженная роскошью пятизвездочного отеля, утопая в кресле, она совсем размякла. Здесь было спокойно, комфортно и хорошо. Рядом на столике остывал мятный чай, фланировали нарядные пожилые дамы и арабы в ослепительных одеждах. Конечно, Ася не была постоялицей Palm Extra: неоправданно дорого, да и недавно снятая комната у добрейшего старика вполне отвечала ее запросам. Но никто не запрещал ей воспользоваться местным вайфаем и просто отдохнуть среди зеркал, цветов и перламутра.

Шли пятые сутки, а новостей о Наохаме все ее не было.

– Большое спасибо, – вдруг услышала она русскую речь и обернулась.

От стойки ресепшн отошел мужчина в белой футболке, джинсах и с рюкзаком. Ничего примечательного, разве что пара крупных татуировок на руках. Скорпион и что-то более масштабное, частично прикрытое рукавом. У мужчины был заостренный нос, очень правильная осанка и такой уравновешенный вид, что Ася никогда не приняла бы его за русского. Почему-то все русские, которых она встречала за рубежом, выглядели либо смущенными и беспомощными, либо нарочито уверенными, высокомерными.

Он заметил, как Ася засмотрелась на него: проходя мимо, подмигнул шутливо. Она засуетилась, отвернулась, уткнулась в свой стакан с чаем.

Но мужчина уверенной походкой прошел мимо и скрылся в дверях ресторана.

«Подумаешь, – решила Ася, – не такая уж это и редкость, встретить здесь кого-то из России. Поди, не какой-нибудь Мадагаскар».

Ася вернулась было к ленте новостей, но фото друзей уже не увлекали. Потянуло прогуляться до наступления темноты.

Они столкнулись у выхода.

– Русская? – спросил он, глядя ей в глаза, и Ася кивнула. – Отличная встреча. Настолько стосковался по родной речи, что уже местного бармена русскому учить начал. В это время года здесь мало русскоговорящих. Меня Дмитрий зовут.

– Ася, – представилась она и пожала его горячую руку.

Общение складывалось само собой. С Димой было легко, Ася много смеялась и была рада отдать кому-то бразды правления хотя бы на вечер. Она с облегчением доверила своему новому знакомому выбор заведения для ужина и радостно болтала обо всем на свете, шагая рядом с ним по набережной. Они прыгали с темы на тему, и дойдя до ресторана обнаружили, что последние пять минут обсуждают любимые серии «Ну, погоди!»

– Ты же не в Экстре живешь? – догадался он.

– О нет, – махнула рукой Ася. – Предпочитаю более бюджетные варианты. А ты?

– Я дом арендовал. Люблю простор!

– До-о-ом? – протянула Ася. – Как шикарно! Так ты здесь давно, что ли?

– С чего ты взяла? – удивился Дмитрий.

– Потому что, во-первых, ты уже стосковался по родной речи и начал учить бармена русскому. Вряд ли ты только приехал! Во-вторых, арендовать большой дом на несколько дней не экономично, мне кажется.

– Ей кажется, – передразнил он. – А мне вот кажется, что каждый день имеет значение. И каждый день стоит провести достойно!

– Это было бы отличным тостом, если бы мы выпивали, – засмеялась она.

– Так давай выпьем! – воскликнул он и заказал розового вина.

Как всегда в этих широтах, стемнело быстро.

Они сидели на открытой веранде, за столиком прямо у выхода. Было прохладно, но хотелось свежего воздуха. Прервав своего нового друга на полуслове, Ася доверительно наклонилась к нему и сказала:

– Либо я совсем пьяна, либо та ворона что-то замышляет.

Она указала на темный силуэт птицы, сидящей в отдалении на перилах. Ася наблюдала за этой вороной уже минут двадцать, и ее все сильнее охватывало параноидальное чув-

ство слезки. Было видно, что птица совершенно не боится людей. Все это время она бесцеремонно разглядывала Асю.

– Да это же Гоша, – неожиданно ответил Дима и выставил вверх ладонь.

Ворона неторопливо поднялась и вальяжно подлетела к его руке. Усевшись, она склонила голову и с любопытством принялась рассматривать накрытый стол.

Дмитрий отломил кусок мягкого лаваша, поднес к вороньему клюву.

– У тебя ручная ворона? – вытаращила глаза Ася.

– Не то чтобы ручная... Мы дружим, скажем так. Гоша попал в передрагу, и я его вытащил. С тех пор он за мной присматривает. А я за ним.

Ася разглядывала птицу. Хитрые глаза, блестящие перья.

– А можно погладить? – она было потянулась к гладкой спинке, но ворона встрепенулась и широко раскинула крылья.

– Эй-эй, полегче! – непонятно кому сказал Дима. – Надо же сначала познакомиться, разве нет?

Ася предложила Гоше дольку помидора. Птица придиричливо покрутила головой.

– Не возьмет?

– Не знаю, – пожал плечами Дима. – У Гоши на все свое мнение.

Так проходил их удивительный вечер. Асю расслаблял вкусный ужин, ей было чудно и весело в компании русского

парня и его умной вороны.

Стаканы пустели. Склевав хлеб, Гоша благодарно каркнул и вылетел на темную улицу.

– Птица меру знает, – прокомментировал Дима. – Пора и нам уходить! Холодает.

Они расплатились и вышли на улицу. Дмитрий начал звать Асю в какое-то «волшебное место, в котором подают волшебный эль», но она решила отправиться домой.

– А где ты живешь, кстати? – спросил Дмитрий, когда они вышли на улицу.

– Сняла комнату у одного старичка, в районе Сит-Бу.

– Это же у черта на куличиках, простите мой французский! Ближе к городу не нашла? Ну, пойдем провожу, что ли!

И они не спеша зашагали по темной дороге.

Ася рассказывала, как тепло относится к ней ее арендодатель. Как ей посчастливилось найти отличную комнату по цене в два раза ниже, чем у других. Как трогательно хозяин дома готовит для нее какао по утрам, и хоть она живет здесь меньше недели, такое чувство, что знакома с дедом Низаром с самого детства!

– Как ты сказала? – переспросил вдруг Дмитрий. – Низар?

– Да, старичка так зовут.

Дмитрий остановился.

– Низар в Сит-Бу? Ты у него живешь?

– Да, а в чем дело-то? – забеспокоилась Ася.

– Ну... Ты видела, что у него на заднем дворе?

– У нас есть задний двор?! – поразились она.

Дмитрий бросил сочувственный взгляд.

– М-да, подруга, тебе стоит тщательнее проверять места своих ночевок. Даже до меня доходили нехорошие слухи об этом твоём старичке.

– Какие слухи? – испугалась Ася.

– Нехорошие, – задумчиво повторил Дима. – Странный он, говорят. Хотя вот ты у него прожила несколько дней и ещё жива, это факт. Так что будем считать слухи простой болтовней.

– Конечно, – закивала Ася. – Он такой милый.

– Чикатило тоже милый был.

– Зачем ты меня пугаешь? – жалобно спросила Ася. – Мне же сегодня там ночевать!

– Переночуй у меня, не проблема, – предложил Дмитрий.

– Так ты что же, специально нагнетаешь, чтобы заманить меня к себе? – возмутилась Ася.

– Больно надо, – спокойно пожал плечами Дмитрий, и ей стало стыдно.

Они немного прошли в молчании, и Ася спросила:

– А что там, на заднем дворе?

– Коллекция деревянных фигур.

Ася не поняла.

– Деревянные фигуры? Что же в них страшного?

– Это не страшно, а подозрительно. Фигуры изображают

разные уродства. Висельник, мальчик с отрубленной головой в руке и все в таком духе.

Ася поежилась.

– И что же, он сам их делает?

– Может, и не делает, зато хранит. Живет рядом с этой кунсткамерой, ухаживает за ней. Не очень вписывается в твой радужный портрет безобидного старичка, а?

– Да уж, – расстроилась Ася. – Сегодня переночую, и завтра же уеду.

– И правильно, – кивнул Дима.

– Эх, а такой милый дядька! Какао мне варил...

Попрощавшись с новым другом, Ася села в последний автобус и поехала домой. Тихонько открыла ворота и прошмыгнула в сад. Дом, казалось, спал. Тускло светилась лампа от комаров. Ася вознесла благодарность небесам за то, что ее комната имеет отдельный вход, и хозяин не услышит ее возвращения. Если, конечно, не притаился где-то в темных кустах с гигантским резакон по дереву.

Ася приказала своему воображению уняться, юркнула в комнату и заперлась. Кроме замка, на двери стоял надежный железный засов. Ася поспешила задвинуть и его. Стараясь не ступать на скрипучие половицы, добралась до кровати, прислушалась. Тихо.

Фантазия, подогретая страшными историями и двумя бокалами вина, принуждала ее собрать вещи и убежать из этого дома немедленно. Здравый смысл призывал успокоиться

и не доверять местным байкам: за семь дней старик не показался ей странным, так почему она готова верить первому встречному?

Фигуры, вот почему, подумала Ася. Будь она героиней фильма ужасов, немедленно отправилась осматривать задний двор. Но Асе совсем не хотелось проверять, существует страшная деревянная коллекция или нет. Ей хотелось, чтобы поскорей настало утро. Она бы собрала рюкзачок, выпила на прощание какао и навсегда ушла из этого гостеприимного дома, оставив его тайны нераскрытыми.

Шла бы по залитой солнцем улице в сторону моря, купила свежие плюшки в пекарне. Может, встретила бы Диму...

Ася стала засыпать. Ленъ было даже раздеться. Она скинула кеды и спросонья удивилась, с каким оглушительным шумом они упали.

Ася проснулась, когда шум повторился. Никакие это не кеды. Кто-то двигал шкаф.

Она резко села на постели. Колотилось сердце, сбилось дыхание. В темноте почти ничего не было видно, но она не хотела выдавать себя и зажигать торшер. Сначала было очень тихо, а затем раздался скрежет медленно передвигаемой мебели. Звук исходил из темного угла, от стоявшего там комода. Она включила фонарик на телефоне и посветила туда.

В тот же момент комод немного подвинулся, издав натужный скрип, и пластиковая вазочка на его полке закачалась из стороны в сторону, как ванька-встанька. Стало очень страш-

но. Ася еле дышала, в голове застучало.

Как будто немного передохнув, комод рывком сдвинулся опять. Вазочка подпрыгнула, громко свалилась на пол и, подпрыгивая, покатила к центру комнаты. Заледеневшая от ужаса Ася проводила ее взглядом, мечтая проснуться, чтобы все оказалось просто сном. Но тут на боку комода появилось что-то светлое. Четыре жирные полосы. Она отметила это боковым зрением и несколько мгновений боялась, не хотела поворачиваться и смотреть. Пока не смотришь, все страшное еще может исчезнуть, еще может оказаться галлюцинацией.

Полосы зашевелились, и ей пришлось взглянуть на них.

Это же пальцы. Пальцы, уцепившиеся за край комода, чтобы было удобнее его двигать. Пальцы старика, который освобождал себе путь в Асину комнату через какой-то одному ему известный потайной ход.

Она завизжала и кинулась к двери.

Дрожащими руками отодвинула засов, дернула – но дверь не поддалась. Не понимая, дернула еще раз, сильнее. Не в ту сторону? Толкнула изо всех сил, надавила плечом. Заперто! Проклятый Низар закрыл ее снаружи!

Воя, чертыхаясь и матерясь со всем русским искусством, она кинулась было к окну, но вспомнила: решетки. К комнате прилежала ванная, окон в ней не было, лишь узкое вентиляционное отверстие. Попытаться пролезть? Но вдруг застрянет?

Было еще одно решение! В ярости, смешанной с отчаяни-

ем, она бросилась к комоду. Навалилась всем своим весом, пытаясь задвинуть его обратно. Тяжелая мебель поддалась и придавила руки старика к стене. Раздался крик, и пальцы исчезли.

Держать комод, думала Ася. Во что бы то ни стало держать. Она сильнее этого хлипкого старика. Она удержит.

И в этот же миг раздался оглушительный удар, комод задрожал и упал плашмя, полочками и дверцами вниз. Старик решил не мелочиться: зачем двигать, когда можно повалить?

Ася взвизгнула и отскочила. Стал виден проем в стене – вторая дверь, до поры прикрытая комодом, – в который, потирая пальцы и кряхтя, пролезал старик. В темноте она заметила в его руках мешок и веревку. Что-то блеснуло. Вооружен ножом?

Низар неловко, но неотвратимо перебирался через баррикаду. Комната стала ловушкой. Ася судорожно обшаривала помещение в поисках оружия, но маньяк все предусмотрел и не оставил ничего опасного. Вот он перелез через комод и, примериваясь веревкой, с недоброй ухмылкой стал подкрадываться к ней.

Ася подбежала к окну, открыла створки и стала звать на помощь. Старик схватил ее, она начала отбиваться. Но Низар оказался на удивление сильным. Он скрутил ее и накинул на голову мешок. Ася закричала, пыталась брыкаться, но чувствовала, что ее душат. Душат!

У Аси не было злых старших братьев, да и школьные хули-

ганы в детстве обходили ее стороной. Поэтому она не знала, как это, когда тебя душат. Она задыхалась скорее не от пальцев, сжимающих шею, а от ужаса, возмущения, собственных рыданий. Разве это возможно, чтобы сегодня, в наш прогрессивный век, не на страницах приключенческого романа, а в настоящей жизни ее, москвичку, умницу, красавицу, серьезного работника и искателя смысла жизни поймали и стали без всякой причины душить?!

Мешок вонял смертью, и в первую очередь хотелось даже не вздохнуть и освободиться от хватки старика, а скинуть с лица смердящую ткань, увидеть хоть что-нибудь вместо этой мерцающей темноты.

Ася всхлипывала и пыталась освободиться, слышала сопение старика и с содроганием чувствовала, как капли его пота падают на ее голые плечи. Борьба длилась вечность. Невыносимо болела шея, никак не получалось вдохнуть. Ася закрыла глаза и увидела черные наплывающие круги. Мутило. Она была готова сдаться.

Промелькнула жалостливая мысль, что никто никогда не узнает, как она погибла, что она просто канет в небытие в этом мрачном доме, просто исчезнет в чужой стране. Московские друзья спохватятся о ней дня через два, да так и не найдут... Она хотела зареветь, но для этого не было воздуха.

Вдруг раздался громкий мужской голос, и старик замер. Кто-то звал Асю по имени. Звал на русском языке.

– Ася, это я! – кричал Дмитрий. – Я иду, держись! Ася!

И тут же сбился, выкрикнул ругательство и затих. Увидел их? Или что-то случилось? Вдруг в доме все напичкано ловушками, и Дмитрий угодил в одну из них?! Вдруг ее спаситель теперь и сам нуждается в помощи?

Ну уж нет, теперь старик – в меньшинстве!

Ася собрала последние силы и двинула локтем. По Низару не попала, но хватку он ослабил. Будь она героиней боевика, непременно угодила бы мерзавцу в живот или пах, несмотря на мешок на голове и тошнотворную слабость. Но она совсем не умела драться.

Нож, вспомнила Ася. Пока Низар держит ее за горло, не может воспользоваться ножом. Она подняла руки и изо всех сил вцепилась в его пальцы: уж где находятся его пальцы, она сейчас точно знала! Старик закричал: видимо, руки еще болели после удара об комод, но она давила все сильнее, впибалась ногтями в кожу. Сначала Низар вырывался, но вдруг резко затих, стал падать, тяжело потянул ее вперед. Ася тоже стала падать, все сжимая и сжимая его кисти в своих.

Она была оглушена собственным дыханием и не воспринимала ничего вокруг. Из-за мешка она не соображала, где пол, где потолок. Но чтобы избавиться от мешка, нужно было выпустить старика, а она никак не могла решиться сделать это. Вдруг он притворяется, выжидает, чтобы напасть снова?

Царила оглушительно-мертвая тишина.

И в этой тишине Ася снова услышала Диму.

– Я снимаю мешок, – сказал он совсем близко, прямо за

спиной.

Мешок исчез, она глубоко задышала, как будто вынырнула из бездны.

– Да отпусти ты его.

Ася разжала пальцы, медленно поднялась, выпрямилась. Тело старика безвольно лежало у ее ног. Руки исцарапаны, лысина в крови.

– Я его вырубил, – сказал Дима.

Ася огляделась. Повсюду следы борьбы, на полу нож и капли крови. Дед Низар казался мертвым. Напряжение электрической волной окатило все Асино тело, с макушки до пяток. Ноги стали ватными. Охватило оцепенение.

– Ладно, – безучастно ответила она.

Тяжело дыша, без единой мысли в голове, вяло побрела к кровати.

– Эй, – позвал Дима. – Старик еще живой, может очнуться в любой момент.

– Ладно, – повторила она и прилегла.

Ей было нехорошо. Надо было поспать. Она прикрыла веки.

– Ася, – потряс он ее за плечо. – Ты что? Вставай! Пошли! Надо уходить!

– Вызови полицию, я им все расскажу. А пока они придут, давай поспим. Ложись рядышком, – и она ласково потянула его к себе.

– У тебя шок, что ли? – возмущился Дима.

– Наверно... – промурлыкала она с закрытыми глазами. – На меня всегда от стресса нападает эта... снотворность...

Так сложно было шевелить языком, подбирать слова. Все было таким тяжелым, неповоротливым.

– Сонливость?

– Угу... – пробормотала она и на мгновение провалилась в сон.

Дима поднял ее на руки и понес к выходу. Дернул запертую дверь, выругался.

– Закрыто, – хихикнула Ася, обхватив его за шею. – Было бы открыто, не было бы всей этой кутерьмы.

Дима опустил ее на пол.

– Пошли, – скомандовал он.

У Аси подкосились ноги, и ему пришлось поддержать ее.

– Надо перелезть через шкаф, выбраться из дома, дойти до машины и уехать отсюда. Я не понесу тебя. Ты можешь идти сама.

Она замотала было капризно головой, но неожиданно пришла в себя. Осознание происходящего вернулось так же внезапно, как и покинуло ее. Ася кивнула.

– Идти могу, – сказала она своим обычным голосом. – Спасибо тебе.

Дима хмыкнул и помог ей перебраться через комод. Они попали в комнату, где еще сегодня утром дед Низар угощал Асю какао. Здесь было все, как всегда, только резная ширма стояла не на месте. Она-то обычно и скрывала запасную

дверь в Асину комнату.

– А как же мои вещи? – вдруг вспомнила Ася.

– Точно, – Дима хлопнул себя по лбу. – Видишь, я тоже не очень соображаю. Сможешь быстро собраться? Только самое важное, окей?

Он развернулся к потайной двери, намереваясь вернуться в комнату, и в эту секунду раздался выстрел. Дмитрий рухнул на пол, Ася в ужасе закричала.

– Ложись! – замахал он ей. – У этого говнюка откуда-то ружье!

Прогремел еще один выстрел, и Ася грохнулась рядом с Димой. Стреляли из ее комнаты. Поваленный комод служил отличной баррикадой.

Отсюда, из укрытия, было видно старика с ружьем наперевес. По его лицу была размазана кровь, но для раненого он вел себя слишком бодро. Щелкнув затвором, Низар выдал длинное злобное ругательство и пошел прямо на них.

– Бежим, твою мать! – крикнул Дима, вскочил, схватил Асю за руку и потащил прочь.

Грохнул третий выстрел. Отлетевшая от стены щепка больно ужалила в нос. Ася шептала, словно заклинание: «Бежим, твою мать. Бежим, твою мать. Бежим, твою мать», натываясь на стулья и спотыкаясь о пороги, пытаясь выбраться из бесконечного лабиринта комнат.

Наконец они добрались до выхода. Только бы не заперто! Дима толкнул дверь, но она не поддавалась.

– Предусмотрительный урод! – выкрикнул он. – Ничего, выйдем через задний двор!

– Да не знаю я, где тут этот задний двор! – испугалась Ася.

– Я знаю! Через него сюда и попал!

Они понеслись по темному коридору, впереди Дима, за ним Ася, и чуть не угодили в распахнутый подвальный лаз. Оттуда пахло сыростью, крысами, жжеными тряпками. Ася на секунду зависла над этой черной пропастью. Зачем держать вход в подвал открытым? Не для нее ли? Наверняка старик подготовил ей местечко в своей преисподней!

– Пошли же, Ася! – поторопил Дима.

Они рванули дальше.

Вдруг Дима встал, как вкопанный, и Ася врезалась в его спину.

– Что? – тревожно спросила она, выглядывая из-за его плеча.

– Ничего, – озадаченно ответил он. – Совсем ничего. Тупик.

Коридор действительно оканчивался глухой стеной. В потолке была дверца, вероятно, на чердак. Ничего похожего на выход.

– Так, – Дима закрыл глаза и стал рассуждать. – Я не спускался и не поднимался. Попал в дом через дверь на заднем дворе и шел сквозь комнаты.

– А коридор там был? – спросила Ася.

– Может, и был. Темно было. А потом ты закричала, и я

побежал на звук. Но я точно не спускался и не поднимался. Никаких лестниц и чердаков. Значит, нам не сюда.

Они задумались.

– Получается, есть ответвление из коридора. Должна быть дверь, которая ведёт в комнату с выходом. Чертова головоломка! – Дмитрий в сердцах сплюнул на пол. – Идём обратно.

– Обратно?! – испуганно переспросила Ася. – Навстречу старику?

Дима крепко взял ее за руку и сказал:

– Пошли.

В темном коридоре, казалось, была сотня дверей. Они толкали все подряд и никак не могли найти нужную. С каждой ошибкой они приближались к старику, бредущему навстречу с ружьём наготове. Как будто сам дом не хотел отпустить свою добычу.

– Вон она, та дверь! – наконец воскликнул Дима, заглядывая в одну из комнат. – Нам туда, быстрее!

Ася немного замешкалась и услышала, или даже почувствовала, что старик уже совсем рядом. Она ощущала его вонь – словно Низар спал в курятнике, слышала шаркающие шаги и бормотанье. Против воли, она остановилась, наклонила голову и попыталась разобрать слова. «Доченька», «спать», «деревянная душонка», уловила она.

– Давай же! – гаркнул Дима так, что Ася подпрыгнула. Мотнула головой, отгоняя ужас, и бросилась к хлипкой за-

стекленной двери, ведущей на свободу.

Дверь распахнулась, и беглецы оказались на большом дворе. Вдоль глухого забора росли невероятных размеров сорняки. Но главное – здесь были они. Фигуры.

Деревянные изваяния тянули свои крючковатые руки к светлеющему небу. Тут был и мальчик с оторванной головой, и висельник с выпученными глазами и струйкой крови, тщательно подрисованной на подбородке. Привалившись к валуну, расслабленно сидел деревянный пьяница: с бутылью в одной руке и кинжалом в другой. Кто-то проковырял в его груди огромную дыру, и его деревянное сердце валялось тут же, блестящее той же ярко-красной краской.

Ася старалась не смотреть на этот парад монстров, но взгляд то и дело цеплялся за уродливых младенцев, деревянных мертвецов и людей с ногами вместо рук и вилами вместо лиц.

Вдруг одна из фигур ожила и с лаем бросилась на Диму. Пес!

Ася никогда не боялась собак, поэтому закричала:
– Просто иди мимо! Не бойся, и он тебя не тронет!

Но пес яростно кидался на чужака, пытаясь повалить, достать до горла.

– Беги к машине, – крикнул Дима, отбиваясь. – Она за воротами! Хотя нет, стой! Помоги мне! А-а-а!

Собаке удалось вцепиться в Димино плечо. На белой футболке быстро расплывалось кровавое пятно, но Дима, кри-

ча и пытаюсь сбросить с себя зубастую тварь, упрямо ковылял по направлению к воротам. Ася ухватилась за одну из деревянных фигур и с хрустом оторвала какую-то конечность. Замахнувшись, ударила дубиной собаку по спине, но пес только зарычал, не разжимая челюстей.

– Он мне сейчас руку откусит! – вопил Дима. – Боже, это невыносимо!

И вдруг грохнул новый выстрел.

Ася обернулась: старик выбрался из дома и явно решил не отпускать их живыми. Глядя прямо на нее, он стал наводить ружье. Убедившись, что Ася на мушке, дед Низар удовлетворенно покивал и перевел прицел на Диму. Тот был занят борьбой с собакой, да и разве можно убежать от пули, когда твою плоть раздирают острые клыки?

Ася в ужасе кричала Диме, чтобы он бежал, прятался, спасался, что его сейчас застрелит долбаный псих в своем деревянном саду... От страха ей на мгновение почудилось, что все эти уродливые скульптуры – бывшие жертвы старика, и, умерев, Дима займет свое место среди них. Прямо так, с собакой на плече, весь в красной краске, бьющей из раны...

Старик прицелился и наконец пальнул. Ася зажмурилась. Прятаться не было смысла: старик не хотел ее сейчас убивать. Ему нужно было разделаться с Димой, а потом завершить свои планы насчет нее. От громкого выстрела невыносимо звенело в ушах, и кроме этого звона, ничего не было слышно.

Собравшись с духом, Ася открыла глаза. Обнявшись, Дима и пес неподвижно лежали на темной земле. Под ними разрасталась лужа темной крови. Старик ликующе забормотал и, наставив на Асю ружье, стал бодро приближаться.

У нее не было сил бежать.

Она никогда не видела, как убивают. Она надеялась, что никогда не увидит этого. Но увидела. Как жить теперь с этим? Или не жить? Сдаться прямо сейчас и не жить?

Ася тоскливо уставилась на своего друга, своего спасителя. Малоизвестного человека, который бросился ей на выручку, рискуя жизнью.

Слезы наполнили глаза, все задрожало: рассветное небо, человекоподобные деревяшки, – все вокруг, и она не сразу разглядела, как Дима зашевелился.

Он сбросил с себя тушу собаки, рывком поднялся и сел, оглядывая разодранное плечо.

– Долбаный псих застрелил свою собаку, – сказал он.

Повторил эту фразу трижды и залился нервным смехом. Хихикая, он поднял глаза на Низара: тот растерянно опустил ружье, глядя на мертвого пса. От этого зрелища Дмитрий расхохотался еще громче. С искаженным досадой лицом, старик резко передернул затвор и спустил курок. Но пуль больше не было. Старик полез в карман за новыми.

– Пошли, пошли, вставай! – истерично закричала Ася, подбегая к Диме и хватая его за здоровую руку.

Давя нервные смешки, он тяжело поднялся, захромал к

воротам, сильно наваливаясь на Асю. У самого выхода остановился, обернулся и вытянул руку, подняв средний палец.

– Эй, псих! Смотри, что у меня для тебя есть! – заржал он. – Фак! Отличный русский фак, мать твою!

Новая пуля свистнула прямо у Аси над головой. Это было отрезвляюще.

Ася и Дима бросились за ворота, к машине. Ключ оказался в замке зажигания, и они стартовали за секунду. Старик продолжал палить, пытаясь попасть по колесам. В заднем зеркале отражалась его беснующаяся фигура. Вильнув, машина выскочила на дорогу и понеслась в сторону города.

Дима был на пределе.

– Обалдеть! – кричал он, буквально подпрыгивая за рулем и забрызгивая кровью салон. – Ты видела? У него ружье! Он по нам стрелял! Долбаный псих!

Его шок проявился в крайнем возбуждении, и это было им на руку: уйди он в апатию, как Ася после нападения в комнате, вряд ли они смогли бы выбраться.

– Когда, когда он успел очнуться, подняться, сбежать за ружьем? – выкрикивал Дима. – И, главное, как он мимо нас не прошел? У тебя в комнате, что, было ружье?

– Там же есть еще одна дверь, обычная, через которую я входила. Наверно, Низар открыл ее и сходил за ружьем, пока мы через комод перелезали.

– А. Ну да, – кивнул Дима. – Пока ты пыталась вздремнуть до приезда копов.

– Нет, пока я пыталась вздремнуть, старик был еще в комнате. Лежал в отключке. Чем ты его приложил?

– Кочергой какой-то, – беспечно ответил он. – Что под руку попало, то и взял. Еще когда в дом вошел. А как крики твои услышал, так и побежал с этой кочергой.

Ася глядела в окно, за которым с бешеной скоростью проносились деревья и заброшенные сараи. Место было глуховатым.

– Если бы ты не приехал, я была бы уже, наверное, мертва, – сказала она.

– Знаю! Интуиция! – отрывисто выкрикивал Дима. – Я как чувствовал, что что-то не так! Лег спать, да не спалось. Как будто что-то толкало вот тут, – он показал на сердце. – Езжай, проверь! Только туда и обратно! Вот я и поехал! Ворота были закрыты, так я через задний двор. В свете луны эти фигуры такие бр-р-р... отвратительные!

– У тебя рана. Едем в больницу?

– Я отвезу тебя в свой дом, а сам в больницу. – Ася запротестовала, но он пояснил: – Все равно домой надо. Глотну обезболивающих. Документы возьму.

Лихорадочное напряжение понемногу отпускало его.

– Тебя же будут спрашивать, что произошло, – сказала Ася. – Давай я поеду с тобой, чтобы все подтвердить.

– Да не буду я рассказывать про все это, – отмахнулся он. – Скажу, собака покусала. Заштопают меня, и будем жить дальше.

– Как же так? – заволновалась она. – Этого маньяка нужно арестовать! Вдруг он еще на кого-то нападет? Он же нас чуть не застрелил!

– Хочешь, иди в полицию, – сказал Дима. – Лично я пас.

– Но почему?

– Я в этой истории предстаю не в очень хорошем свете. Если взглянуть на ситуацию объективно, я незаконно пробрался в чужой дом, а хозяин просто защищал свою собственность. Он стрелял? Ну что ж, наверняка у него есть разрешение на оружие.

– Я свидетель, – горячо убеждала Ася. – Даже больше, я жертва! Я расскажу, как все было!

Дмитрий пожал плечами.

– Ну, привлекут его, заведут дело. Начнут нас с тобой таскать на допросы. Лично мне это все не в кайф. К тому же, в этой стране власти обычно на стороне своих, а туристов типа нас с тобой недолюбливают. В лучшем случае уйдем ни с чем. В худшем – привлекут.

– За что?!

– Найдут за что, – уверенно ответил Дмитрий.

Ася сидела, глотая слезы. Дорога шла на подъем, и впереди сияла пустота, какая бывает, только когда подъезжаешь к морю.

– Не плачь, – сказал Дима. – Все позади.

– Это от напряжения, – заверила она. – Ну и еще немножко от того, что все мои вещи остались в доме.

Дмитрий сбавил скорость и поехал ровнее.

– А вот это проблема. Вернуться мы не можем. Застрелит. Псих тот еще. Я бы вообще из этого города постарался поскорей свалить.

И, помолчав, спросил:

– Что там осталось?

Ася порылась в карманах, выудила паспорт и телефон.

– С ума сойти! Ты что, с паспортом спишь?

– Уснула в одежде, – пояснила она.

– Повезло, – кивнул Дмитрий. – В голом виде тебя было бы сложнее спасти.

Она сконфуженно улыбнулась и показала на босые ступни. Надо же, все это время она бегала без обуви, а заметила только сейчас. А раньше даже по газону босиком ступить не могла: все кололось и царапалось.

– Кеды остались в доме. И вся одежда. Зарядка для телефона, – перечисляла она. – Записи, косметика, лекарства. Рюкзак.

– Ничего страшного, вроде все восполнимо.

– И карточка же! – ахнула Ася. – Банковская карта с деньгами! Ее ведь отсюда не восстановить, да?

Слезы снова выступили на глазах. Теперь от отчаяния.

– Ладно, не паникуй. Самое важное – это паспорт, и он у тебя. Насчет карты уточним. Телефон ты не потеряла, это хорошо. Во-первых, дед мог бы им как-нибудь воспользоваться. Кто его знает, он же сумасшедший. А во-вторых, ты мо-

жешь позвонить домой, попросить денег на обратную дорогу. А кеды я тебе подарю, так уж и быть. Легко отделалась, подруга!

Он подмигнул и свернул в переулок.

– Приехали, принцесса! Остаток ночи, точнее, утра вы проведете здесь.

Дмитрий впустил ее в дом, взял паспорт, проглотил лекарство и попрощался:

– Я в больницу. Надеюсь скоро вернуться. Клянусь не приставать, шкафы не двигать и не тревожить твой сон.

Ася осталась одна и осматривала новое убежище. Она не сказала Диме, что не собирается возвращаться домой. Несмотря на безумные события, приключившиеся этой ночью, в обратный путь ей еще рано. Все только начинается.

Глава 12

Ася проснулась от пристального взгляда. Открыла глаза, ожидая увидеть Диму, и вскрикнула. Ворона!

Недавний знакомый по имени Гоша сидел прямо у ее лица. От Асиного возгласа птица каркнула и отлетела, уселась на люстру. Ася поднялась и, стыдливо прикрываясь от любопытного наблюдателя, прошла в ванную. Умывшись, пошла по дому.

В комнатах было пусто и тихо. Телефон почти разрядился, сообщений и пропущенных звонков не было. Никаких известий о Наохаме. Ася выглянула во двор: машины нет. У входной двери стоял большой пакет. Ася заглянула в него и ахнула: подарки для нее! Кеды, рюкзак и футболка! Она с радостью стянула вчерашнюю майку и примерила обновки. Все так удивительно подошло! И когда только Дима успел все купить?

В холодильнике нашлись овощи и сыр. Она приготовила салат, перекусила, угостила Гошу булочкой. Но тот отказался от хлеба. Деловито порхнул по кухне и вернулся с конфетой. Ловко орудуя лапой и клювом, развернул фантик и принялся клевать шоколад, поглядывая на Асю. Казалось, он хвастался своими умениями и ждал похвалы.

– Вот это да! – восхитилась Ася. – Какой ты проворный. Проворная ворона, отличный каламбур!

Доев, птица деловито прошлась по столу, перелетела на подоконник и стукнула клювом по стеклу.

Муху нашла, решила Ася и взялась за мытье посуды. Но ворона нетерпеливо каркнула и, когда Ася обернулась, клюнула стекло еще несколько раз.

– Выпустить тебя? – осенило Асю.

Она открыла окно, и Гоша выпорхнул на улицу. Ася вздохнула. Мало того, что она уже неделю бездействует, дожидаясь информации о Наохаме, так теперь еще и заперта в чужом доме. Она даже не может выйти на прогулку, ведь Дима не оставил ей ключ.

Что ж, решила она, будем расценивать вынужденное безделье как отдых после прошлой ночи. Ася завалилась на диван, позвонила Инге, рассказав про свои приключения и попросив денег, и включила телевизор. Нашла русский канал и принялась совершенствовать свои знания арабского языка.

Правда, удивительные лингвистические способности проявлялись лишь в ее памяти, но никак не помогали правильно говорить. Копирование интонаций и произношение не давались Асе. Точнее, ей казалось, что она прекрасно изъясняется, но окружающие зачастую понимали ее с трудом. Ей удавалось понятно говорить лишь по-английски и французски – видимо, школьные занятия не прошли даром. Но слова на новых, недавно схваченных языках никак не поддавались. Она слышала в своей голове отчетливый перевод нужной фразы, но повторить его не могла. Поэтому приходилось

изъясняться короткими предложениями.

Тем не менее, Ася была безмерно благодарна за свой дар и старалась углублять его. Интуиция подсказывала, что арабский – не единственный язык, который ей предстоит освоить в этом путешествии.

К вечеру разыгралась непогода. Дима вернулся, когда уже стемнело.

– Привет! – бросилась она на звук открываемой двери.

– Привет, привет, – пробормотал он, стряхивая промокшую куртку. И добавил ворчливо: – Тоже мне, Африка.

– Замерз? – радушно спросила Ася. – Хочешь, чаю заварию?

Он окинул ее взглядом, кивнул на новую футболку.

– Подошла?

– Да, спасибо тебе огромное! Скоро мне пришлют денег, я верну.

– Да ладно, это подарок, – махнул он.

Хозяин дома явно был не в настроении.

– Дим, – робко позвала Ася. – А сколько я могу здесь оставаться?

Он хмуро глянул на нее.

– А сколько тебе надо?

– В Тунисе я пробуду еще некоторое время. Но в любой момент могу снять новое жилье, ты только скажи.

– У тебя ж денег нет.

– В ближайшие дни я их получу. Не хочу быть тебе в тягость.

– Вот когда получишь, тогда и поговорим, – отрезал Дима. – Я пошел спать. Отдохнуть надо.

Ася проводила его взглядом. В стекло настойчиво постукали, и она вздрогнула. На подоконнике маячила взъерошенная воронья фигура.

– Что, налетался, дружок? – спросила Ася, впуская птицу. Гоша недобро каркнул и пролетел мимо нее в темную гостиную.

– Какие все необщительные, – грустно прокомментировала Ася.

Итак, день прошел вхолостую. От Мухаммеда и старика уже давно не было вестей, и она начала беспокоиться. Забыли о ее просьбе? Или не удалось ничего выяснить, вот и не звонят? В любом случае нужно было напомнить о себе. Ася решила завтра же навестить старого араба: пора двигаться дальше.

Дмитрий выспался и был в отличном настроении. Он вручил Асе дубликат ключей от дома, выдал один из своих теплых свитеров и повел завтракать в кафе на набережной.

Соленый ветер перебирал салфетки и листки меню. Ася отпила ароматного какао и блаженно закрыла глаза.

– Как же это вкусно, – пробормотала она.

– Соскучилась по деду Низару? – поддел Дима.

– Вот уж нет, пусть готовит свои завтраки кому-нибудь другому! – воскликнула Ася.

– Я проезжал мимо того дома. Пикапа нет, дом выглядит пустым.

– Хорошо, – кивнула она. – Значит, не заманил больше никого в свои сети.

Она вспомнила бездонную черноту подвала, вонючий мешок на голове, деревянных истуканов.

– Но ведь может, Дим, – добавила она. – Низар еще может навредить другим людям. Может замучить и убить кого-то. Неужели мы будем молчать?

– В полицию не пойду и точка, – отрезал Дима.

– Наверное, мне стоит сходить? – размышляла Ася.

– Как знаешь, – он передернул плечами. – Но про меня ни слова, понятно? Не втягивай меня. Я слышал миллион историй об отношении местной полиции к русским туристам. Поверь, мы не в выигрыше.

– Ладно, – послушно кивнула Ася. – Донесу на него, когда вернусь в Россию.

– Что, это очистит твою совесть? – насмешливо спросил Дима.

– Может быть, – ответила она. – Не хочу оставаться равнодушной. Хочу менять этот мир по мере своих сил.

– Менять мир? – засмеялся он. – К лучшему, я полагаю? Только учти, что делая хорошее одним людям, ты вредишь другим. И никогда не знаешь, чего от твоих добрых поступ-

ков будет больше, добра или зла!

– Ладно, ладно, – примирительно сказала Ася. – Не будем спорить. Лучше скажи, ты никому в последнее время не насолил?

– Вроде нет, а что? – удивился он.

– Вон та женщина уже дважды сфотографировала нас.

Дима вскочил со стула и бросился в сторону, указанную Асей. Там, у входа в кафе, стояла пухлая девушка в очках. С деловитым видом она совершенно спокойно фотографировала стремительно приближавшегося к ней Диму. Ася видела, как он схватил ее за локоть и стал что-то раздраженно говорить. Девушка вырвала руку, с достоинством поправила очки, коротко ответила и удалилась.

Дима обернулся и, заметив, что Ася наблюдает за ними, скорчил шутливую гримасу.

– Кто это? – спросила Ася, когда он вернулся за стол.

Дима задумчиво помолчал и все же признался.

– Репортер.

– За тобой охотятся журналисты? – поразилась Ася. – Ты что, суперзвезда?!

– Нет, – пожал он плечами. – Настало время признаться. Моя фамилия Уткин. Дмитрий Уткин.

– Бонд, Джеймс Бонд, – передразнила Ася, но он не улыбнулся. – Разве твоя фамилия должна мне о чем-то говорить?

– Так ты ничего не слышала обо мне? – как будто обиделся он.

– Прости, я не любитель эстрады, – пояснила Ася. И добавила: – А также современного кино, спорта, ток-шоу и всего, где ты мог засветиться.

– Хорошо тебе, наверное, живется! Спокойно, – рассмеялся Дима.

– Не могу не согласиться! – кивнула она. – Я сторонник информационных диет. Стараюсь ограничивать количество всякого хлама в своей голове. И всем советую!

– Да, превосходный совет. Особенно от девушки, которая сидела на фейсбуке в день, когда мы познакомились.

Ася вспыхнула.

– Какой ты глазастый! Заметил же! Но это другое...

– Да, да, конечно, у всех зависимость от соцсетей, а у Аси – совсем другое. Как же иначе!

Они снова вернулись к комфортному стилю общения. Эти упражнения в остроумии, дружеское подтрунивание, веселое словоблудие расслабляли Асю и делали ее такой свободной. С Димой она чувствовала себя в своей тарелке. Даже когда он гнал больше ста километров в час и без умолку тараторил, брызгая на нее кровью из разодранного плеча, Асе все равно было спокойно. Такой это был человек, и ей было неважно, почему им интересуются папарацци. Она не хотела разрушать идиллию расспросами: раз Дима умалчивает, то зачем лезть ему в душу или искать информацию в интернете? Какая разница, чем он прославился?

Асе достаточно было просто Димы, такого, каким она его

уже узнала. Она радовалась, что именно этот мужчина встретился ей на пути здесь, далеко от дома, когда нужно все решать самой и ни на кого нельзя рассчитывать. Ася была благодарна ему за крышу над головой и теплую дружбу. В конце концов, она тоже не была полностью откровенна: ни разу не упомянула о своих поисках мудреца.

– У тебя сегодня есть дела? – спросила Ася, когда они закончили завтрак.

– Я весь день свободен, так что давай гулять и тратить деньги, которые тебе прислали.

– Давай, только мне нужно будет отлучиться ненадолго, – призналась Ася.

– Куда?

– Заглянуть к знакомым.

– Темнишь, подруга, – он погрозил ей пальцем. – Хочешь, я тебя подвезу и подожду в машине? Обещаю не совать нос в твои дела!

Ася согласилась. Они домчались до дома Мухаммеда меньше, чем за десять минут. Оставив Диму возиться с радио, Ася вошла в знакомые ворота.

Часть забора была все еще повалена, двор пересекали глубокие следы от прицепа. Навстречу вышла Фатима. Узнав Асю, махнула в сторону сарая: мол, иди сразу туда.

Старик возлежал на диване, как и прежде. Он даже не обернулся, когда Ася поздоровалась.

– Что, не хватило терпения? – съязвил он.

Ася подошла ближе, чтобы оказаться в поле его зрения.

– Я буду ждать, сколько нужно. Просто зашла проведать, все ли у вас хорошо.

– Не ври мне! – сказал старик. – Тебя волнует, не помер ли я, только пока тебе что-то от меня нужно. И не спорь!

Ася присела на ту самую табуретку. Судя по всему, ее с тех пор никто не трогал.

– Вы знаете, что мне нужно, – честно сказала она. – Я не могу впустую тратить время. Как ускорить поиски? Вы только скажите, я все сделаю. Ведь это моя проблема, а вы, занимаясь ею, оказываете мне огромное одолжение.

Но дед был не в духе.

– Пообещал, значит, сам выполню! – разбушевался он. – Подождать надо. Давай, иди отсюда! И не ходи больше! Сказал же: я позвоню!

Ася вышла. Хорошо бы найти Мухаммеда и хотя бы взять у него телефон, чтобы изредка узнавать о ходе дела. Но ни парня, ни его велосипеда поблизости не было.

– Фатима, где Мухаммед? – крикнула она.

– Кто ж его знает, носится где-то, – равнодушно отмахнулась женщина.

– Пожалуйста, передайте ему, что я заходила. Пусть свяжется со мной, как сможет, – попросила Ася.

Она вернулась в машину.

– Ты расстроена? – спросил Дима, взглядываясь в ее лицо.

– Нет, – улыбнулась она. – Все в порядке. Просто мне при-

дется задержаться в этом городке.

– Поверь, подруга, я найду, чем скрасить твое пребывание в этой тунисской заднице, – заверил он.

Пролетело еще два дня. Они гуляли, готовили ужины, ходили по магазинам, осмотрели ближайшие достопримечательности.

Мухаммед не звонил. Информации о Наохаме не поступало.

Было солнечное утро: с каждым днем температура росла, и недели через две можно будет купаться. Ася возвращалась с рынка с миндальной самсой и сладостями к завтраку, когда ее окликнули. Та самая журналистка.

– Доброе утро, – приветливо поздоровалась она.

– Доброе, – настороженно ответила Ася.

– Да! Я так и знала, что вы русская! – обрадовалась девушка и протянула Асе руку. – Меня зовут Саша, будем знакомы.

– Ася, – представилась она. – Вы репортер?

– Да, – улыбнулась Саша. – Вам про меня Дмитрий рассказал?

– Он просто ответил на мой вопрос, почему вы его фотографировали.

– И как же он ответил?

– Что вы журналистка.

– И все?

– Послушайте, – напряглась Ася, – У нас странный разговор. Вы подошли узнать, что мне про вас сказал Дима?

Саша привычным жестом поправила очки, взяла Асю под руку и потащила куда-то в кусты.

– Давайте свернем с улицы, тут настоящее пекло. Вот тут, под пальмами, тенек, хорошо. Присядем и переговорим пару минут.

– О чем? Я ничего не знаю, – запротестовала Ася.

– Совсем-таки ничего? – в Сашином голосе зазвенели профессиональные нотки. – Но ведь личность Дмитрия Уткина вам знакома?

– Я знаю, что так зовут моего друга, вот и все.

– Seriously? – недоверчиво взглянула на нее журналистка. – И вы ничего не слышали про взрывника по имени Царь Горы?

– Что? Нет... – растерялась Ася. – Не слышала.

– Царь Горы – серийный убийца, на счету которого минимум тринадцать жертв. Это те, о которых известно наверняка. По более смелым прикидкам полиции он виновен в смерти по меньшей мере тридцати человек. Потому его так и прозвали: Царь Горы, имея в виду гору трупов, которую он оставляет за собой. Он появился летом прошлого года в Оренбурге, об этом писал весь интернет – неужели вы не слышали?

– Нет, я не интересуюсь криминальной хроникой.

– Это больше, чем криминальная хроника, – неодобрительно заметила Саша. – Царь Горы держал в страхе весь город и окрестности, ведь он, играя в свои игры, не жалел случайных людей. Семь из известных тринадцати жертв – обычные пассажиры маршрутки, которые просто ехали по своим делам субботним утром. Ему нужно было взорвать автобус, и он это сделал, не задумываясь о ни в чем не повинных людях. Двое мужчин, пожилая пара, молодая женщина с ребенком и водитель.

«И водитель, – повторила Ася про себя. – Отдельная категория ни в чем не повинных людей».

– Какой ужас, – пробормотала она. Ей даже стало стыдно, что в Оренбурге умирают люди, а она и не слышала об этом. – Но при чем здесь я?

– Царь Горы – не простой убийца. По одному ему известному критерию он выбирал себе жертву и начинал ее загонять. Тщательно изучал свою мишень и принимался играть с ней в игру. Анонимные звонки, письма, запугивания, проникновения в квартиру, шантаж. Затем в ход шли похищения членов семьи и убийства с применением взрывных устройств. Все это не бесцельно, а для того, чтобы вынудить жертву совершить определенные действия. Царь Горы не требовал денег или каких-то привилегий для себя. Ему просто нравилось заставлять свою мишень играть по его правилам и вынуждать человека делать то, чего бы он никогда не сделал. Из страха человек часто готов на многое.

– Я смотрела один фильм с похожим сюжетом, – вспомнила Ася.

– Да, вы правы, такой сценарий не нов и часто используется в кино. Полиция тоже обратила на это внимание и изучила не один десяток триллеров в поисках совпадений. Они надеялись, что Царь Горы копирует определенный фильм, и на основе этого можно было бы уточнить его психологический портрет, а также предупредить новые преступления. Я так думаю. Я не имею доступа к материалам следствия и сейчас опираюсь только на свой профессиональный опыт и мнение моих знакомых специалистов. Но фильмы оказались ни при чем. Поймать преступника не вышло.

Саша перевела дыхание, утерла пот со лба и продолжила.

– Жертвами становились видные люди, например, крупные чиновники. Царь Горы вынуждал их признаваться в своих финансовых махинациях и других «грешках». Но, получив свое, не останавливался, а все равно расправлялся со своей жертвой. Убийство Валерия Шишканцева – его рук дела. Как, тоже не слышали?

Ася отрицательно помотала головой.

– Вы из Москвы, что ли? – догадалась журналистка.

Ася смущенно кивнула.

– Тогда понятно.

Ася хотела было возмутиться, и Саша успокоительно хлопала ее по руке.

– Что вы, что вы, я ни в коем случае не порицаю вас. Я

даже завидую, как многие люди живут вдали от грязи и горя, которое творится вокруг. Мне по роду службы такая роскошь недоступна.

– Так и все же, при чем здесь я?

– Царь Горы властвовал над городом до октября, он повернул свою «игру» с тремя жертвами. Возможно, были и другие, менее видные мишени, которые либо побоялись обратиться в полицию, либо их дела не связали с нашим маньяком. Затем внезапно преступления прекратились. А в декабре он объявился в Петербурге. И тут началось настоящее веселье: полиция не знала, кого искать. Дело в том, что материалы дела быстро стали достоянием общественности, в прессу просочилось слишком много деталей, и у маньяка вполне могли появиться подражатели. Более того, один не вполне адекватный учитель химии разместил в интернете подробную инструкцию, как из подручных средств приготовить такие бомбы, которыми пользовался Царь Горы. Конечно, видео быстренько изъяли, химика допросили, но дело уже было сделано. Информация о популярном убийце и его методах разлетелась по интернету со скоростью света.

– То есть в Питере орудует не Царь Горы? – уточнила Ася.

– Может, он, а может, и нет. Полиция пока затрудняется ответить, ведь у Царя Горы не было однотипного сценария. Да, повторялись детали – травля, бомбы, но само развитие действия всегда зависело от мишени. Маньяк продумывал индивидуальную пытку под каждую жертву.

– И сколько таких жертв было в Петербурге? – спросила Ася.

– Одна, – ответила Саша. – Угадайте, кто.

– Кто? – повторила Ася и похолодела от внезапной догадки. – Дима?!

Журналистка кивнула.

– Да, Дмитрий Уткин. Последняя жертва Царя Горы и единственный человек, которому удалось избежать смерти.

– Так убийцу поймали? – обрадовалась Ася.

– Увы, нет. Дмитрий не побоялся угрозы своего мучителя и отправился в полицию, как только Царь Горы начал его терроризировать. Уткин активно помогал следствию, и это, видимо, разозлило маньяка. Он пошел против собственного сценария и раньше времени расправился с родителями Уткина, подорвал их машину. А два дня спустя взорвал квартиру, в которой мирно спали супруга Дмитрия и его маленький сын.

Ася потрясенно молчала.

– Какой ужас, – наконец, прошептала Ася. – И это случилось в декабре? Всего два месяца назад?

– Немного меньше двух месяцев, – уточнила Саша.

– Кошмар...

У Аси не было слов. Образ жизнерадостного балагура и здоровяка никак не вязался с только что услышанной историей. Неужели Дмитрий – сирота, вдовец и безутешный отец, потерявший единственного ребенка от рук сумасшед-

шего взрывника?

Саша понаблюдала за произведенным эффектом и продолжила.

– После этой трагедии Уткин плюнул на помощь следствию и скрылся. Вообще-то ему нельзя было покидать страну, но в полиции, насколько я понимаю, просто закрыли на это глаза. Наверняка чувствуют свою вину за то, что не уберегли четырех человек.

Они помолчали.

– И вот я встречаю его здесь, – закончила Саша.

– Вы что же, освещали это дело в прессе? Следили за Дмитрием?

– Нет, нет, что вы, – замахала руками журналистка. – Я давно живу в Тунисе и пишу для русской диаспоры. У меня, конечно, остались связи в российских СМИ, я читала об этом громком деле, общалась с репортерами, которые им занимались. Но прямого отношения к делу Царя Горы не имею.

– Тогда как же вы нашли Диму?

– Совершенно случайно. В Тунисе не так много происшествий, которые могли бы заинтересовать мою аудиторию, поэтому у меня свои люди в больницах. На случай огнестрельных ранений и других событий, из которых может выйти горячий материал.

Асино лицо неодобрительно исказилось, и Саша быстро добавила:

– Пресса должна держать руку на пульсе. Словом, я узнала о мужчине, на которого напала собака. Не бог весть что, конечно, но на заметку тянет. Я зашла в больницу и увидела Уткина. Проследила за ним, сделала несколько снимков, чтобы сравнить фотографии и убедиться, что это именно он. Я оказалась права: Дмитрий Уткин здесь, в Тунисе.

– И? Что теперь? Собираетесь докучать ему вопросами? Или напечатать в своей газете, что нашли, где скрывается жертва Царя Горы? А может, полиции его хотите выдать?

– Конечно, нет! – усмехнулась Саша. – Если бы за мной охотился маньяк, я бы тоже убралась из страны. Думаю, Дмитрий не собирается возвращаться в Россию. И я не буду афишировать его местонахождение, ведь от этого зависит его безопасность.

– Тогда что вам от нас нужно? – нервно спросила Ася. После всего услышанного хотелось бежать домой и обнять Диму, подарить ему хоть частицу тепла взамен той гигантской утраты, которая выпала на его долю.

– Вы меня невнимательно слушали, – встала Саша. – Я понимаю, эмоции и все такое. Наверное, вы сейчас не способны воспринять все, что я говорю. Но, пожалуйста, прислушайтесь хотя бы к одному моему совету: будьте крайне осторожны.

– Что вы хотите сказать? – побледнела Ася. – Что Царь Горы может найти нас здесь?

Журналистка помолчала.

– Я не хочу вас пугать своими домыслами. Но больше бдительности не помешает. И я бы не стала на вашем месте рассказывать Уткину о нашей встрече. Это может его расстроить.

Саша оставила свою визитку и ушла. Ася растерянно ощупывала выпуклые цифры на картоне. Раз Дима сам не рассказал о своей трагедии, может, действительно лучше не демонстрировать осведомленность? Человек решил уехать от кошмара, который ему пришлось пережить. Почему бы не помочь ему забыть все, что произошло?

Ася решительно поднялась, бросила визитку в рюкзак и направилась к дому Димы. В конце концов, этот мужчина рисковал собой ради ее спасения, и она будет уважать его желание сохранить свою историю в тайне.

«Жду там, где толкнул тебя. В то же время. Завтра. Не отвечай. М.»

Ася потеряла глаза, зажгла лампу и перечитала сообщение еще раз. Смс от Мухаммеда, наконец-то осознал ее сонный мозг. Ася взглянула на часы: полчетвертого утра. Она потушила свет и поворочалась.

Мальчик и дед так трогательно охраняют тайну Наохама! Вся эта конспирация, старинные свитки, тщательный отбор счастливых, которым можно доверить информацию о мудреце. Вот теперь и завтрашняя встреча. Неужели нельзя поговорить по телефону? Беседа заняла бы пару минут. Так

нет же, нужно тащиться в трущобы. Еще и смешная приписка «не отвечай». Насмотрятся шпионских фильмов, ворчала Ася про себя.

Она пыталась сообразить, в котором часу познакомилась с Мухаммедом. Точно вспомнить не получалось, плюс-минус час, поэтому Ася пришла на встречу заранее.

Нашла тот самый дом, возле которого с ней случился приступ удушья, и побрела от него в сторону шоссе. Вот место, на котором Мухаммед согласился подвезти ее. Не проехав и полпути, остановился передохнуть, Ася съязвила по поводу его происхождения, Мухаммед толкнул ее и уехал. Это произошло здесь. Ася стояла в чистом поле. Впереди проносились машины, сзади шелестело море. Все, как в тот день. Она чувствовала себя как на ладони и удивлялась, почему парень выбрал такое открытое место для секретной встречи.

Ася услышала рев двигателя и обернулась. Со стороны дороги в облаке пыли мчался мотоциклист. Лицо скрывал шлем. Мотоцикл лихо затормозил прямо возле Аси, обдав горсткой мелких камней. Она закашлялась.

– Это я, – сказал Мухаммед, не поднимая визор.

– Я уж поняла, – ответила Ася, отряхиваясь от пыли. – Не знала, что ты еще и байкер.

Парень гордо приосанился, но тут же сник, бегло огляделся и скомандовал:

– Надень шлем и садись!

Они вернулись на трассу и полетели прочь от города. Свернули на второстепенное шоссе, проехали немного и остановились на обочине. Дорога была пустынной, машин не встречалось.

– Жаль, я не знаю, как по-французски будет паранойя, – пробормотала Ася на русском, снимая шлем.

– Не понял? – переспросил Мухаммед, но Ася лишь махнула рукой.

– Рассказывай, что вы узнали о Наохаме и к чему такая секретность.

– К сожалению, я знаю совсем не много. Наохам сейчас в Израиле, город Эйлат. Это точная информация. Буквально неделю назад он был там. Наверняка там ты его и найдешь. У меня есть номер его клиентки.

– Клиентки? – удивилась Ася.

– Женщины, которая общается с ним, – пояснил Мухаммед. – Она тебя к Наохаму и проведет. Как я понял, к нему просто так, с улицы, не попадешь. Он станет с тобой разговаривать, только если тебя приведет кто-то из своих.

– Странно, – задумалась Ася. – Мне казалось, мудрец дает ответы любому, кто к нему придет. Никогда не слышала, что к нему требуется провожатый.

– Я не знаю, почему все так сложно, – ответил Мухаммед. – Но это же неважно, да? Важно, что теперь ты точно знаешь, где искать Наохама. Осталось позвонить по этому номеру и встретиться с ним.

– Да, ты прав, – кивнула Ася.

Парень дал ей листок: телефон и подпись «Белла». Ася для верности сфотографировала записку и убрала ее в карман.

– Спасибо, Мухаммед. Вы с дедом мне очень помогли. Чем вас отблагодарить?

– Ничем, – отрезал парень. Он так и не снимал шлем. – Ты получила, что хотела, так что просто заверши свое дело и оставь всех в покое.

Ася немного растерялась. Речь Мухаммеда звучала грубо и не вязалась с тем, что он делал для нее.

– Я обидела вас? – уточнила она. – Если так, то я не со зла. Просто ваш менталитет для меня все еще загадка.

Мухаммед дернул головой и вдруг сказал:

– Дед в больнице. Мне нельзя с тобой видеться.

Ася оторопела. Не столько от неожиданного известия, сколько от странной связи между болезнью старика и запретом на общение с Мухаммедом.

– Какое несчастье, я вам сочувствую.

– Правда? – спросил вдруг Мухаммед.

– Конечно, правда! – заверила Ася.

– Моя семья другого мнения. Случился пожар, и дед угорел в сарае. Мать считает, что это ты приносишь нам несчастья. Когда ты пришла, начался ураган, а теперь, когда дед решил тебе помочь, с ним произошло несчастье.

Ася онемела от несправедливых обвинений.

– Но это же ересь чистой воды! – воскликнула она.

– Дед оклемается и расскажет, что произошло на самом деле. Если оклемается, – грустно добавил Мухаммед.

– Постой. Ты что, думаешь, это моих рук дело? Думаешь, я устроила пожар?

Парень молчал, и Ася начала горячо убеждать его.

– Но зачем мне это нужно? Ваш старик должен был найти информацию для меня, разве мне на руку его смерть?

– Мать сказала, ты приходила на днях.

– Да, приходила. От вас не было вестей, я решила напомнить о себе! – оправдывалась Ася.

– Мать сказала, что дед прогнал тебя.

Ася вспомнила общий тон беседы и не нашла ответа.

– Он тебя прогнал, ты рассердилась и решила отомстить, – продолжил Мухаммед.

– А ураган, что, тоже моих рук дело? – иронично заметила Ася.

– Ураган, конечно, пришел сам.

– Спасибо хоть на этом! – облегченно сказала Ася.

– Но вот к прицепу большие вопросы, – заметил парень. – Очень уж удачно он скатился и застрял прямо у нашего входа. Тебе крупно повезло пробыть с дедом так долго, иначе он бы не проникся к тебе доверием и не стал помогать в поисках Наохама.

– А вот это уж слишком! – возмутилась Ася. – И с этими мыслями ты готовил мне кофе и развлекал беседами в тот

вечер?

– Конечно, нет, – спокойно ответил Мухаммед. – Мы доверяли тебе. Только после беды с дедом начали закрадываться сомнения.

Ася замолчала. Информацию она все равно уже получила, можно было больше не объясняться. Пусть эта арабская семья считает ее исчадием ада. Все равно Ася вряд ли когда-нибудь вернется в Тунис. Но все же желание всем нравиться и зависимость от чужого мнения не позволяли уйти просто так.

– Если ты считаешь меня такой злодейкой, то зачем помог мне сейчас? – спросила она.

– Я просто выполняю обещание, данное тебе дедом. Если ты виновата в наших несчастьях, то, получив этот номер, оставишь нас в покое. Я не хочу, чтобы еще кто-нибудь пострадал.

Ася кивнула. Логично.

– Но к чему тогда все эти предосторожности? – спросила она.

– Потому что если ты ни в чем не виновата, а пожар не случаен, значит, в опасности не только мы, но и ты. Все, мне пора. Прости, придется оставить тебя здесь. Через пять минут автобус до города, ты успеешь.

Он уехал, а Ася осталась размышлять. Разве не смешно упрекать человека во всех бедах, обрушившихся на твою семью? Что за темная страна! А еще говорят, Тунис прогрес-

сивен. Мрак и невежество в умах этих людей!

Мухаммед так резко стартовал, что пыль висела в воздухе плотным столбом. Ася сплюнула песок и снова укорила себя за сериальный жаргон. «Мрак», «невежество», передразнила она себя.

Может, и так, но логика парня была безупречной. Как же обманчива бывает внешность: обидчивый недотепа на скрипучем велосипеде может оказаться талантливым врачом и тайным защитником своей семьи. Еще и мотоцикл где-то раздобыл, конспиратор!

Автобус прибыл вовремя, и всю дорогу Ася высматривала фигуру Мухаммеда на мотоцикле. Но его не было на дороге. Она почувствовала, как случайны все встречи, как люди попадают в твою жизнь, недолго плывут рядом, а потом их навсегда уносит в другую сторону, и скорее всего, ты уже никогда не узнаешь, как сложилась их судьба после вашего знакомства. И с каждым днем этот интерес к человеку угасает, и спустя несколько дней или лет лица забываются, события путаются, образы смешиваются, и ты уже точно не знаешь, был ли это Мухаммед из Туниса или Вася с первого курса института.

Она вспомнила откровения старика в сарае. О том, как крепко вплетены наши судьбы друг в друга и сколько счастья может дать осознание того, что ты не отделен от всего мира, ты – часть целого...

И снова, как в ту ночь, Ася не понимала, как философские

тезисы можно применить к реальной жизни. Почему-то этот мир, в котором все так взаимосвязано и который является чуть ли не единым организмом, совсем не спешит помогать своей частице по имени Ася. Если все так, как говорил старик, почему она чувствует себя такой одинокой, такой брошенной, оторванной?

Телефон Беллы долго не отвечал. Ася собралась повесить трубку, когда услышала прерывистое «Алло».

Белла оказалась очень радушной собеседницей. С живым любопытством она выслушала Асину историю о поисках Наохама, прерывая рассказ громкими восторгами: «Добрались до самого Туниса, подумать только!» и «Ради дружбы проехать полмира, вы просто герой!»

Ася представляла эту женщину полной, румяной и почему-то похожей на союзмультифильмовскую Фрекен Бок. Белла подтвердила, что виделась с Наохамом несколько дней назад.

– Ваши поиски завершились, гарантирую вам! Я сейчас вам объясню, как к нему добраться.

Белла не знала точный адрес, помнила лишь дорогу и как раз собиралась открыть карту, чтобы легче сориентироваться. Однако связь прервалась, и Ася никак не могла позвонить повторно. Абонент недоступен, твердил автоответчик.

Разрядилась батарея или сеть плохая, решила Ася. Нужно

будет перезвонить.

Ася вернулась в Димин дом. Ковер был измазан чем-то липким. Ася зажгла свет и ахнула: ее новенькая помада, которую она бог весть зачем купила в шопоголическом угаре, была в клочья растерзана и размазана по полу. Повсюду валялись обрывки бумаги. Похоже, кто-то разодрал еще и блокнот, в который она с недавних пор полюбила заносить информацию о Наохаме и путевые заметки.

Послышался топоток, и из кухни важно вышел Гоша. Алые следы на клюве сразу выдали воришку.

– Ах ты, разбойник! – воскликнула Ася. – Ну ладно, насчет блокнота я еще могу понять. Рвать бумажки бывает и вправду весело. Но чем тебе помада-то не угодила?

Гоша покосился и подошел поближе. Увидев, что она сердится не по-настоящему, подлетел совсем близко, сел на стол и доверительно показал хвост. Несколько пушистых перышек тоже оказались измазаны помадой.

– Клевал и топтал, – догадалась Ася. – Клевал, топтал и влип. Не стыдно?

Гоша попробовал очистить клювом липкое перо. Не получилось.

– Дай я, – сказала Ася, попыталась оттереть липкую помаду и случайно дернула за нежный пух.

Птица подскочила и больно ударила Асю клювом.

– Еще и клюешься? – возмутилась она. – Ну и ходи с крас-

ным задом!

Ася демонстративно ушла в душ, долго мылась, пела и старательно показывала свое равнодушие к Гошиным проблемам. Но, вернувшись в комнату, она обнаружила, что вонючки нет.

– Улетел, – сказала Ася сама себе, глядя на приоткрытое окно. – Но обещал вернуться.

Вспомнив эту фразу из сказки про Карлсона и Фрекен Бок, она снова позвонила Белле. Соединения так и не было.

Ася вздохнула и принялась за уборку. Хоть все это безобразие навел пернатый хулиган, но помада и блокнот были Асины, а здесь она чувствовала себя гостем. Поэтому ей захотелось, чтобы Дима застал дом в порядке.

Ася внимательно просматривала обрывки своих записей, боясь выбросить что-то ценное. Она расправила очередной клочок и увидела чужой кривой почерк.

«2 > 1. Теплеет. Горячо. Огонь! Будет жечь, пока 2 не станет 1».

Бессвязный бред, от которого почему-то похолодели ладошки. Это точно не из ее блокнота. На обороте был другой текст, выведенный теми же каракулями:

«Люди будут гореть, пока ты не останешься один».

Асе стало нехорошо. Кажется, она догадалась, чьи это записи.

Дрожащими пальцами она нашарила в рюкзаке визитку журналистки.

– Это Ася, знакомая Дмитрия Уткина, помните меня? – затараторила Ася, как только Саша сняла трубку.

– Помню. Что случилось?

– Мне нужно кое-что узнать о Царе Горы. Скажите, он отправлял своим жертвам записки?

– Отправлял, – осторожно ответила Саша.

– И что он в них писал? – спросила Ася.

Журналистка секунду помолчала.

– Давайте-ка встретимся, – внезапно предложила она. – В центре есть хорошая кофейня, сейчас я пришлю вам координаты. И записку прихватить не забудьте.

Саша ждала на диване за угловым столиком. Здесь и вправду было спокойно и уютно. Людей мало, приглушенная музыка, воздух пропитан ароматами сдобы и шоколада.

– Показывай, – перешла Саша на ты.

Ася достала скомканную бумагу.

– Как думаешь, это Царь Горы? – спросила она.

Саша поправила очки и включила стоявший на столе ноутбук.

– Царь Горы действительно грешил записочками, – пояснила она, пока шла загрузка. – Только по ним и стало понятно, что убийца сильно не в себе. Действовал он очень рационально, последовательно, пусть и не без жестокости, но очень здраво. Глядя на то, что и как он делает, создавалось впечатление, что преступления совершает психически здоровый человек. И только записки выдавали в нем сумасшед-

шего. Это был несвязный текст, логики ноль, буквы прыгали – маньяк писал от руки. О! Загрузился!

Она запустила скайп.

– Сейчас мы поговорим с человеком, который знает всю эту темную историю намного лучше меня.

На экране были только их лица на фоне окна, где качались пальмовые ветви и сияло ярко-голубое небо. Наконец появилось еще одно изображение: розовощекий молодец в шапке и куртке.

– Сашка! – закричал он в монитор. – Как жизнь тунисская?

– Не жалуюсь. Проконсультируешь по Царю Горы?

– Ага, – кивнул собеседник и прищурился. – Ой, у вас там пальмы, солнце и многое другое. Красота! А у нас вот.

Изображение задрожало, и Ася увидела серый снег, тяжелые тучи, машины в грязных сугробах.

– Фу, прекрати ужасы показывать, – передернулась журналистка. – Лучше на это глянь.

Она приблизила к камере записку.

– Опа! – воскликнул парень, выпучив глаза. – Никак снова объявился? В Питере затишье, в Оренбурге тем более. Где на этот раз? Неужто у вас там, в Тунисе?

Саша подтолкнула Асю ближе к экрану.

– Я нашла эту записку в доме Дмитрия Уткина, – несмело сказала Ася.

– Вон оно что! Уткин, значит, в Тунисе. А ты кто? – спро-

сил он вдруг.

– Я Ася, – испуганно представилась она.

– А я Паша, – он радостно помахал в камеру. – Как жизнь тунисская, Ася?

– Павлик, пожалуйста, давайте ближе к делу, – вмешалась Саша. – Скажи, Царь Горы присылал Уткину записки?

– Еще как присылал! По первому посланию его как раз и вычислили.

– Что значит, вычислили? – удивилась Ася. – Царя Горы разве поймали?

– Нет, не поймали, – сказал Паша. После каждой фразы из его рта вылетало облачко пара. Градусов семь мороза, прикинула Ася. – Но до Уткина никто не знал, откуда этот маньяк вообще взялся. Потому что с жертвами его ничего не связывало. А с Дмитрием связывало!

– И что их связывало? – спросила Ася.

– Прошное. Уткин же работал спасателем, и во время одной спасательной операции их группа сильно пострадала. Двое погибли, трое получили проблемы со здоровьем, Дмитрий отделался легче всех. Царь Горы пытался вынудить Уткина взять на себя вину за тот инцидент. Так и поняли, что преступник связан с давним происшествием. Стали проверять уцелевших спасателей из той группы, семьи, друзей погибших и многое другое. Но круг оказался довольно широким, и Царя Горы найти не смогли. Он мог оказаться кем угодно: случайным наблюдателем, кем-то из руководства и

многое другое.

– Что было в первой записке?

– Дословно не воспроизведу. Всякий несвязный бред. Повторы слов, непонятные метафоры и многое другое.

– Тогда как же установили связь с той спасательной операцией?

– Так сам Уткин и догадался. Когда он получил первое письмо, то пришел в полицию, и всем стало очевидно: это ж Царь Горы, вернулся, родной! Спросили Уткина, не знает ли он, о чем в записке речь. А он говорит, знаю: в записке – намеки на давнюю трагедию. А так как трагедия широко не освещалась, то случайный человек про нее услышать не мог. Точнее мог, но с меньшей вероятностью. Пошли допросы и многое другое, о чем я только что говорил. Но на этом тупик. Царь Горы – преступник, которого пытались раскусить много специалистов. Психологические портреты его строили, заочные диагнозы ставили и многое другое. Были десятки гипотез по поводу его личности, но часть не подтвердилась, а часть проверить невозможно. Точнее, будет возможно, когда Царя Горы поймают.

– Когда, а не если? – Саша усмехнулась. – Да ты оптимист!

– С каждым новым преступлением шансы вычислить Царя Горы растут. Он снова затеял игру, и может, на этот раз его удастся найти. Ошибется, повторится и многое другое.

– Паша, можешь ли ты сказать, является Царь Горы автором этой записки или нет? – прямо спросила Саша.

– Нет уж, девушки, гаданием по скайпу я не занимаюсь. Нужна серьезная экспертиза. Насколько я помню, у Царя Горы в последнее время стал стремительно портиться почерк. Психиатры говорили, так случается, когда болезнь прогрессирует. Так что не выйдет у нас понять, чьи это каракули. Хорошо бы показать их профессионалам, которые ранее изучали записки Царя Горы. Чтобы сравнили с другими экземплярами и многое другое.

– Почему он так странно говорит? – не выдержав, прошептала Ася. Саша сделала страшные глаза и шикнула.

– А что не так-то? – спросил Паша. Услышал.

– Все так, – заверила журналистка. – Тебе есть еще, что добавить по нашему вопросу?

– Я не понял, а какой вопрос у вас был? Чья записка?

– Да, нужно было прояснить детали, связанные с записками. Я не изучала эту сторону преступлений Царя Горы.

– Автора записки не назову. Но надеюсь, я вам помог хотя бы информацией. Царь Горы слал записки всегда и всем, с самого первого преступления. Писал по большому счету одному ему понятную ерунду. Предугадать его поступки по посланиям просто невозможно. Это уже потом, после очередного взрыва, становилось ясно, на что он намекал. Выяснялось, что, оказывается, он зашифровал имя следующей жертвы, место или время будущего преступления и многое другое. Но его письма были настолько запутанными, что нормальному человеку разгадать их было невозможно. Ну

нет никакой логики! Если честно, я сомневаюсь, что все записки касались совершенных им преступлений. Некоторые можно привязать к реальным событиям с огромной натяжкой. Бабушкин сонник выглядит научной энциклопедией по сравнению с попытками найти смысл в записках Царя Горы.

– Но ведь Дима понял по записке, что Царь Горы из его знакомых! – возразила Ася.

– С Уткиным иначе, да. Думаю, потому, что они были знакомы. Может, какие-то общие образы и ассоциации Уткин и уловил. На мой сторонний взгляд в той записке не было ничего, указывающего на личность преступника или на гибель спасателей. Но Дмитрий уперся, углядел что-то свое. Поймал Царя Горы за его вечно ускользающий хвост.

– Как поэтично, – фыркнула Саша.

– Пришлите скан записки, я покажу ее, кому нужно.

– Только можно просьбу, – вмешалась Ася. – Не сообщайте никому, что Дмитрий здесь. Это может быть опасно для него.

Паша прыснул.

– Я, конечно, никому не скажу, но если у вас в руках записка, написанная Царем Горы, о безопасности Уткина беспокоиться поздновато.

Выключив скайп, Саша принялась фотографировать записку.

– Сканера нет, – пояснила она. – Думаю, снимки тоже подойдут.

– Зачем это тебе? – спросила Ася. – Хочешь собрать материал и написать статью?

Саша закатила глаза.

– Мне просто интересно! Считай это профессиональным любопытством. Не засветим мы твоего Уткина, не переживай.

Ася вернулась домой и уставилась на неровные строчки.

«...Будет жечь, пока 2 не станет 1».

«Люди будут гореть, пока ты не останешься один».

Она понимала, о чем пишет Царь Горы. Эта очевидность лезла прямо в глаза. Все было настолько прозрачно, что ум отказывался верить.

Конечно, речь идет о поджоге сарая со старым арабом. И поджоги будут продолжаться, пока Дима не останется один. То есть пока с ним она, Ася.

Не понятно было одно: видел ли Дима это послание и понял ли, о ком оно?

Судя по тому, что Ася нашла записку на полу и смятой, Дима ее уже читал. Это объясняло Димины перепады настроения, хмурость и угрюмость. Ведь Царь Горы обычно сначала присылал угрозы, а затем приводил их в действие. Значит, Дима мог получить это много дней назад, может, даже в первый день Асиного пребывания в доме. Вот почему он был таким грубым на утро после истории с Низаром!

Конечно, Дима не понимает, чем именно ему угрожают. Ведь он наверняка не слышал о пожаре в сарае. Сама Ася

узнала об этом всего несколько часов назад. Но Уткин понял, что Царь Горы вернулся, и не знает, откуда ждать нападения.

Вспомнилась трагедия Димы: смерть родителей, жены, малыша. Способен ли он бояться после такого нечеловеческого горя? Дима производил впечатление сильного и немного толстокожего человека. Ему был присущ здоровый цинизм, в меру эгоизма. Чувствует ли он страх за свою жизнь? Связывает ли возвращение Царя Горы с появлением Аси?

Как бы то ни было, даже если сам Дима за себя не боится, Ася сделает все, чтобы обезопасить его.

Она принялась собирать вещи, одновременно пытаясь дозвониться в Эйлат. Белла так и не отвечала, и Ася отправила ее номер Инге с просьбой выяснить адрес. Она поедет в Израиль, получит у Беллы адрес Наохама, придет к мудрецу и задаст свой вопрос. После чего вернется в Москву, передаст рецепт счастья всем своим друзьям, и они заживут спокойно и безмятежно.

Никаких тебе вооруженных дедов низаров, никаких маньяков, ураганов и горящих в сараях стариков.

И никакого Димы, вздохнула она.

Что ж, этот мужчина недавно спас ей жизнь, и теперь настала ее очередь. «Пока 2 не станет 1», «пока ты не останешься один» – вполне четкие указания, что нужно делать, чтобы Царь Горы оставил Диму в покое. Ася должна покинуть Диму, причем как можно скорее, пока маньяк не поджег еще кого-нибудь.

Мухаммед оказался прав: старик пострадал по ее, Асиной, вине. И снова накатило привычное чувство вины, ее вечный спутник при встрече с бедой и смертью.

Она всхлипнула, окинула прощальным взглядом притихший дом и покинула его навсегда.

Глава 13

Автовокзал Тель-Авива оказался крепким орешком. Ася кружила по этажам двадцать минут и уже отчаялась найти кассу с билетами до Эйлата. Основательно побегав по лестницам и пытаясь разобраться в надписях на иврите, она наконец решилась просить помощи. Женщина в черной униформе хмурилась и никак не могла понять Асин вопрос.

– Говорите по-английски, пожалуйста, – попросила она.

– Это и есть английский! – воскликнула Ася с таким жалобным лицом, что женщина рассмеялась.

Касса оказалась на шестом этаже, очереди не было.

– Поспешите, – предупредила кассирша, – последний автобус отходит через десять минут. Следующий только завтра после полудня.

– Но в расписании написано, что автобусы ходят до глубокой ночи, а сейчас только четыре часа дня! – возразила Ася.

– Так сегодня же пятница, – пожалала плечами девушка.

Точно, канун шабата! Ася бросилась искать перрон, что в запутанном здании вокзала было не так-то просто. Совсем не хотелось опоздать на последний автобус и искать ночлег в незнакомом мегаполисе. Подгоняло нетерпение: всего через пять часов она окажется в городе, где, возможно, живет Наохам!

Удача улыбнулась ей. Автобус еще не ушел.

Водитель выглядел, как телохранитель из голливудского блокбастера. Светлая рубашка на квадратных плечах, брюки, галстук, непроницаемо-черные очки и витой шнур гарнитуры за ухом. Он равнодушно глянул на Асю – или в боковое зеркало у нее за спиной? – закрыл двери, и автобус тронулся.

Покачиваясь и отдуваясь от бега, Ася пробралась к своему месту, плюхнулась на мягкое сидение и расслабленно закрыла глаза. Успела!

От нетерпения она не могла спать. Чтобы развлечься, достала блокнот с ручкой, перелистнула поклеванные страницы. На одном листе остался отпечаток вороньей лапы, измазанной в помаде. Помнится, тот цвет назывался «Солнечная роза». Где-то сейчас летает Гоша с солнечно-розовым хвостом?

Ася принялась бездумно рисовать на полях. Сидящая рядом женщина заинтересованно уставилась на страницы.

Пусть смотрит, равнодушно подумала Ася, все равно не сможет прочитать ее записи. В тунисском аэропорту она не теряла времени зря и посмотрела несколько фильмов и передач на иврите. Ее дар – или суперспособность, как Ася в шутку называла свой новый талант – сохранялся, и сейчас она с легкостью поддержала бы беседу на этом семитском языке. Но общаться не хотелось.

– Психологи говорят, что спонтанные каракули помогают высвободить зажатые эмоции и желания, – сказала вдруг женщина на чистом русском языке.

Ася даже не удивилась. Казалось, куда бы она ни отправилась, русские будут поджидать ее за каждым углом.

– Вы психолог? – вяло поинтересовалась она.

– Мой первый муж был психологом.

Ася безразлично кивнула, продолжая выписывать спирали и закорючки.

– Помнится, спирали говорят о том, что вы находитесь в поисках смысла и гармонии в своей жизни.

– Правда? – оживилась Ася. – Это почти в точку. Все мое путешествие, можно сказать, такому поиску и посвящено.

– О, это так... – женщина замялась, подыскивая слова, – Глубоко. Я приняла вас за студентку, которая едет навестить родителей на выходных.

– Спасибо, но я уже давно не студентка, – засмеялась Ася. – Хотя учиться никогда не поздно.

– И вы выбрали себе в учителя самую жизнь, я верно понимаю?

– Громковато сказано, – отмахнулась Ася. – Я просто ищу одного человека, который поможет мне понять, в чем источник счастья.

Женщина покачала головой.

– Вы думаете, это может знать кто-то, кроме вас?

– Это необычный человек. Если уж он не знает, то не знает никто, – ответила Ася.

– Бог знает, – женщина многозначительно указала пальцем в небо.

– Может быть, – сказала Ася. – Но я не умею с ним разговаривать. Поэтому приходится ждать помощи от людей, а не свыше.

Собеседница приосанилась и торжественно сказала:

– А между тем, ответ всегда приходит именно оттуда.

Ася взглянула на ее одухотворенное лицо и испугалась: неужели долгие часы пути пройдут под библейскую проповедь? Угораздило же сесть рядом с русской религиозной фанатичкой!

Не заметив Асиного смятения, женщина начала рассказывать.

– Есть у меня традиция. Ну как традиция – ежедневный ритуал. Каждое утро с рассветом выхожу во двор и молюсь. Вы не подумайте, я не такая уж набожная, – при этих словах Ася тихонько перевела дух. – Да и молитв знаю немного, всего две. Вот их обе и читаю, про себя или шепотом. Такая благодарность за новый день.

Женщина смущенно усмехнулась, будто стесняясь.

– А после молитв часто прибавляю что-то от себя, какую-то просьбу. Когда кто-то болеет, прошу об исцелении. Когда уволили, просила о новой работе. Ну а когда в целом все хорошо, прошу что-то общее для себя. Здоровья, любви, сил, благополучия... Эгоистично? – лукаво улыбнулась она. – Да и пусть. Не очень-то я верила, что мои мольбы доходили адресату. Но однажды...

Ася заложила блокнот ручкой и принялась слушать.

Однажды разогналась я с желаниями.

Был канун рождества. Ясное утро, предчувствие чуда. И стала я просить для себя и любви, и успеха, и признания, и процветания – богатства то бишь. Попросила возможности найти свое место в жизни, выполнять свое предназначение. Ну и завершила этот список желаний, конечно, самым главным: быть счастливой.

И тут я ощутила, прямо каждым нервом, корнями волос на затылке, что я не одна, что на этот раз моя молитва не просто услышана... а я получила ответ! Он зазвучал в моей голове, и поверьте, его не спутаешь с собственным внутренним голосом...

Я всегда скептически слушала истории, когда люди слышали Голос. Думала, это их воображение. Ну как можно отличить свои мысли от божьего гласа? Нужны были вещественные доказательства. Свидетели. Факты.

Так вот скажу я вам – этот голос ни с чем не спутаешь, и никакого подтверждения не требуется. Ты просто знаешь, что говоришь с богом.

Голос задал мне вопрос. Он спросил: а почему ты уверена, что выполняя свое предназначение, будешь счастлива? То, чем ты должна заниматься, не принесет тебе радости. Это тяжелый труд, неблагодарный, связанный с болью и страданием других людей. Твое предназначение подразумевает отказ от семьи и, возможно, детей. Это нечто, требующее полного

самоотречения и даже раз в году стационарного лечения.

Шучу, конечно, про лечение, не говорилось такого.

Да и денег твое предназначение тебе не принесет, сказал голос. Такова твоя судьба – делать черную, но нужную и благородную работу.

Но запомни: судьба – это не рок. У тебя есть право выбора. На одной чаше весов – счастливая семья, достаток, спокойствие. На другой – дело твоей жизни, исполнение предназначения. Выбирай!

Все это пролетело в моей голове за секунду. Я была в шоке. В моем представлении о жизни выполнение предназначения – это высшая благодать для любого человека. Найти свое место, делать то, для чего создала тебя вселенная – как это может не принести счастья? Это же идет вразрез со всем, что нам говорят мудрецы!

Но потом я поняла, что речь, наверно, идет о каком-то другом счастье. В социальном смысле. Дом, семья, друзья, путешествия – все это должно давать счастье, так принято считать. И нам сложно представить, что жизнь среди боли, бед, неустроенности тоже может принести, нет, не счастье, а удовлетворение.

Осознание, что так и только так должно быть. Что ты делаешь всё, что должен, что твоя совесть перед богом чиста...

Автобус замедлил ход на въезде в какой-то городок. Асина собеседница поднялась и сняла с багажной полки объемный чемодан. Видимо, подъезжали к ее остановке.

– И что вы выбрали? – поторопила Ася.

– Я выбрала счастье, тогда еще не понимая, что для меня счастья нет.

– Почему же нет?

– Я струсила и выбрала сытую благополучную жизнь. Но когда ты отказываешься от своего предназначения, ты отказываешься и от счастья. Оказалось, что жизнь без смысла не может быть счастливой.

– Но ведь, выбери вы свое предназначение, все равно не были бы счастливы? Вас же об этом предупреждал голос...

– Именно в этом и состоит ирония моей жизни.

Она снова горько усмехнулась, подхватила чемодан, сумочку и направилась к выходу. Автобус уже стоял у вокзала, освобождаясь от пассажиров.

Женщина обернулась:

– Вы ищете секрет счастья? Я его не знаю. Но я знаю, что есть такие люди, как я. Люди, для которых счастье недоступно, что бы они ни делали.

Она спустилась по ступеням, и Ася услышала радостный детский крик: «Мама приехала!» К женщине подбежала девочка с миской, наполненной ягодами. «Сама собирала, мама, бери!»

За ней спешил высокий усатый мужчина и два мальчика лет десяти. Все они окружили Асину попутчицу, мужчина поцеловал в губы и подхватил чемодан, старший мальчик, улыбаясь, взял за руку подпрыгивающую девочку, и компа-

ния не спеша направилась к автостоянке.

Ася смотрела им вслед. Смотрела и пыталась запечатлеть в памяти эту яркую, почти каноническую иллюстрацию человеческого счастья, в которой самого счастья не было ни капли.

Глава 14

Таксист недопонял адрес и высадил ее не в том квартале. Ася осознала ошибку, когда машины уже и след простыл. Было не поздно, всего полдесятого, и она пошла пешком.

Снова обуюло гнетущее чувство бездомности. Бесприютности. Оно свежо пахло по утрам, когда весь мир у ног и ты свободен словно ветер. Но вечером после ужина примерно за три часа до сна это чувство становилось настолько невыносимым, что Асе хотелось, чтобы ее обокрали. Чтобы прийти в полицию, и ее пожалели бы, налили чаю, депортировали, и все бы закончилось. А что, она ведь не сдалась – так судьба повернулась, вот наберется сил и снова в путь. И не стыдно отступать.

Ася шла по краю города и чувствовала себя брошенной. Слева мрачная каменная пустыня, справа уютные окна многоэтажек, и несколько мужчин с довольным кряканьем подтягиваются и неспешно отжимаются на ярко освещенной спортплощадке.

Она слышала детский капризный плач из распахнутого балкона и четкий рэп из проносящегося седана. И свои ровные шаги, отмеряющие обочину асфальтного шоссе. Никому до нее не было дела. Нырни она в каменистую мглу налево или тепло подъезда направо – никому нет дела.

Мимолетные знакомые не помнили даже ее имени и уж

точно не задавались вопросом, есть ли у нее ночлег. Московские друзья слишком далеко, и из окон их кафетериев, удобных офисов и жалюзийных студий Асины скитания отдавали экзотикой и развлечением. Им было не понять этого всепоглощающего, выдавливающего слезы одиночества. Даже прошаркавший мимо бомж, с грохотом толкающий нагруженную тележку, косился подозрительно. Ходят тут «руско туристо».

Никому до Аси не было дела.

Дверь открыла щуплая старушка, совсем не похожая на Фрекен Бок. Кутаясь в серый платок, она отвела Асю в гостиную, сделала знак подождать и вышла. Квартира располагалась на седьмом этаже, и из окна открывался живописный вид на вечерний город. Ася облокотилась на подоконник и посмотрела вниз: детская площадка уже опустела.

– Да, именно там ее и нашли, – раздался мужской голос из-за спины, и Ася подскочила от неожиданности.

– Кого? – спросила она, повернувшись.

В комнате стоял седой мужчина в лиловых штанах и перепачканном фартуке.

– Беллу, – ответил он. – Я ее муж, меня зовут Бен. Извините за такой вид, через полчаса приезжают родственники, готовим ужин на всех. Тете Поли одной не справиться, старенькая она уже.

– Я Ася, – протянула она руку для пожатия.

Бен указал на диван, сам расположился в кресле.

– Так чем я могу вам помочь?

– Я хотела поговорить с Беллой. Мы договорились с ней о встрече.

– Ах вот как, – поднял он брови. – Я думал, вы из полиции. Белла погибла позавчера, выпала из этого самого окна.

– Как?! – оторопело переспросила Ася. – Ведь мы говорили только два дня назад...

– Вот так оно и бывает, – печально констатировал мужчина. – Сегодня разговаривает, а завтра бац и нету. Несчастный случай. Никогда не вешайте шторы при открытых окнах.

Он уныло покачал головой. Ася смотрела на него, не зная, что сказать.

– Мне очень жаль, – наконец, выдавила она из себя. И за чем-то добавила: – Вы отлично держитесь.

– Звучит немного бестактно, но это действительно так, – кивнул Бен. – Я врач в доме престарелых, так что для меня смерть уже давно стала неотъемлемой частью жизни.

Он встал, явно собираясь ее выпроводить. Момент был крайне неудачный, но Ася цеплялась за последнюю соломинку.

– Простите, я понимаю, что сейчас не время для расспросов. Но ваша супруга знала, где находится один человек, которого я ищу. Его зовут Наохам, это очень старый мудрец. Белла встречалась с ним где-то здесь, в городе, и обещала дать его адрес.

– Что же она не дала вам адрес по телефону? – удивился Бен.

– Она собиралась. Начала объяснять, но вдруг связь прервалась, и я уже не смогла дозвониться на ее номер. Мне потребовалось два дня, чтобы узнать, где вы живете, и приехать сюда.

– Когда, вы говорите, общались с ней? – уточнил Бен. – Два дня назад?

– Да, это было в среду около трех часов дня.

Он зашагал по комнате, затем привалился к двери и взглянул на Асю исподлобья.

– Похоже, вы последняя, с кем говорила моя жена, – сказал он.

– Почему вы так думаете? – спросила Ася.

– Когда Белла упала, она говорила по мобильному. Не исключено, что именно с вами.

Воцарилась оглушительная тишина. С кухни доносилось шипение масла на сковородке и приглушенный говор телевизора.

Перед глазами ожила картинка.

«Я сейчас вам объясню, как к нему добраться, – жизнерадостно говорила Белла в трубку. – Не зная города, вам будет сложно сориентироваться. Минутку, я открою карту и объясню вам путь с названиями улиц и официальными ориентирами. А не нашими местными. Я имею в виду, если я скажу, идете до рыбного рынка и сворачиваете у дома тетушки

Клавы, вы явно потеряетесь. Одну секунду, сейчас доберусь до компьютера».

Поворачивается на подоконнике, неловко придерживает телефон плечом, путается в шторе, нога выскользывает из ненадежного шлепанца, и Белла летит вниз... Так все было?

Ася нервно сглотнула.

– Это... чудовищно... – пробормотала она. Глаза наполнились слезами. Ледяные пальцы чувства вины схватили и медленно сжимали горло.

– Думаю, вам пора, – безжалостно сказал Бен.

Ася собрала остатки самообладания. Не время расклеиваться, не время реветь. Надо получить информацию и довести дело до конца. Уйди она сейчас, ничего не узнав, – и все, тупик, больше ниточек к Наохаму нет.

Эти здравые мысли помогли ей немного успокоиться.

– Я соболезную вашей утрате, – сказала Ася. – Видит бог, в последнее время я вижу много несчастья, поэтому представляю, как вам тяжело. Но Белла действительно хотела мне помочь. Мне показалось, она была очень светлым и отзывчивым человеком. Ей наверняка хотелось бы, чтобы я нашла Наохама...

– Хватит стоять тут и разглагольствовать о моей покойной жене! – со злостью перебил ее Бен. И жестоко добавил: – Я не желаю говорить с убийцей!

Ася не успела опомниться, как мужчина больно схватил ее за плечи и потащил к выходу. С искаженным от ярости

лицом он распахнул дверь и застыл: на пороге стояли гости. Видимо, те самые родственники, ужин для которых так аппетитно скворчал на кухне под присмотром старенькой тети Поли.

– Бен, ты в своем репертуаре! – воскликнула дама, стоявшая ближе других. – Снова зверствуешь?

– Здравствуй, Сара, – пробормотал Бен и посторонился.

Гости стали заходить. Они все тянулись и тянулись нескончаемой вереницей, и Асе почудилось, что их не меньше двадцати плюс младенец и мини-собака. Прихожая наполнилась ботинками, чемоданами, тростями и зонтами, пальто и шляпами. Входя, каждый крепко обнимал Бена, говорил слова сочувствия, а заодно расцеловывал и Асю. На пятом приветствии Ася чувствовала себя Маргаритой на дьявольском балу.

Наконец, все разделись и расселись. Родственников оказалось всего шестеро. Руководила всеми дама, которую Бен назвал Сарой. Она не позволила выпроводить Асю, пригласила в комнату и начала расспрашивать.

Поведав свою историю и убедившись, что ее пока не выгоняют, Ася немного расслабилась.

– Я никогда не видела Беллу, но представляла ее почему-то похожей на вас, – сказала она Саре, и все в комнате растроганно ахнули.

– Вы угадали. Мы были как две капли воды. Близняшки! – пояснила Сара.

– Вам, наверно, очень тяжело потерять сестру? – спросила Ася.

– Конечно, – ответила женщина. – Но моя религия не позволяет мне сильно скорбеть. Я верю, что Белла в лучшем месте, и на все воля божья. Мы здесь не только чтобы проводить ее в последний путь, но и чтобы поддержать Бена. Ведь для мертвых мы уже ничего сделать не можем. Поэтому нужно думать о живых.

Гости многозначительно закивали. Вошел недовольный и молчаливый Бен, пригласил родню к столу. Сара усадила Асю рядом с собой и принялась ее опекать.

На третьей рюмке коньяка Сара достала сигареты и поднялась.

– Пойдем, – подмигнула она. – Подымим.

– Но я не курю, – запротестовала Ася.

– Пошли! – веско сказала Сара, и Ася подчинилась.

Квартира оказалась на удивление большой. Она занимала половину этажа и растянулась на два крыла. Сара привела Асю в просторный зал, уставленный растениями, скульптурами и картинами. На открытую веранду вела стеклянная дверь. Они вышли и с упоением вдохнули прохладный воздух, струящийся над остывающим городом.

Отсюда, из темноты засыпающего жилого квартала, было видно, как ослепительно и красочно переливается набережная. Там кипела отпускная жизнь: дамы приглашали кавалеров, дети визжали на каруселях, а стайки принаряженных

подружек потягивали коктейли в интернациональном обществе приятных мужчин.

– В это время года в Эйлате переменчивая погода. Днем можно загорать, а ночью без пальто неуютно, – заметила Сара.

– В Москве сейчас минус двадцать, говорят... – вздохнула Ася.

– Неужели соскучились? – живо отреагировала Сара, уловив тоскливые нотки.

– Мне здесь не до скуки! – засмеялась Ася. – Просто я устала от неустроенности и неопределенности. Мне не хватает привычных вещей. Мелочей, которые обычно не замечаешь, а лишаясь их, понимаешь, что именно из них и состояла твоя жизнь. Оказывается, не такая она и плохая, эта наша привычная жизнь.

– А вы считали, значит, свою жизнь плохой?

– Не то, чтобы плохой, но несчастливой.

– И сейчас, что же, больше так не считаете?

Ася задумалась. Странно было вот так стоять с малознакомой дамой, выпускающей колечки дыма в звездное небо, и рассуждать о своей жизни.

– Не знаю, – наконец ответила она. – Счастья в моей жизни не прибавилось, но я узнала его новые грани. Люди рассказывают мне о своем понимании счастья, и это значительно расширяет горизонты, знаете ли.

– Как интересно! – воскликнула Сара. – Вы что же, кол-

лекционируете истории?

– Можно сказать и так, – улыbnулась Ася. – Когда люди узнают о цели моего путешествия, они иногда рассказывают мне о своем понимании счастья.

Асе показалось, что фраза прозвучала как приглашение, и она приготовилась выслушать историю Сары. Но та лишь молча курила, не спешила делиться сокровенным.

– Мы с Беллой были очень близки, хоть и жили далеко, – сказала Сара. – Она рассказывала, что посещает Наохама. Конечно же, я не знаю адреса, но мне известно, кто вас может проводить к этому мудрецу.

Она затушила сигарету и оперлась о перила.

– Потому я и попросила вас выйти вместе со мной. Нужно было поговорить подальше от любопытных ушей и особенно от Бена. Дело в том, что у Беллы давно был друг.

Она сказала слово «друг» так многозначительно, что в Асином воображении Белла-Фрекен Бок сразу же скинула халат, оказавшись в эротическом белье и объятиях большого волосатого мужчины. Ася поморгала, чтобы прогнать непристойные видения о покойнице.

– Я знаю его имя и место работы: орнитологическая станция недалеко от города. Я не очень хорошо ориентируюсь в Эйлате, но вы посмотрите карту, она там есть. Эта станция – одна из местных достопримечательностей. Говорят, туда даже фламинго прилетают!

– Думаете, этот мужчина знает адрес Наохама? – засомне-

валась Ася.

– Уверена. Он все знает про Беллу, – ответила Сара. – Сестра упоминала, что он провожал ее к мудрецу. Они очень много времени проводили вместе.

– Я вам так благодарна! – обрадовалась Ася. – Как зовут этого мужчину?

– Его имя Ибрагим.

– А фамилия?

– Фамилии Белла не называла. Но вы не беспокойтесь, – добавила она, заметив разочарование на Асином лице. – На этой станции не больше десяти сотрудников, вы без труда найдете его. Только завтра шабат, вряд ли Ибрагим будет работать. Придется подождать до понедельника. Где вы остановились?

– Я еще не устроилась, – призналась Ася. – С автобуса поспешила приехать сюда. Я не знала, что Беллы уже... нет.

– Так куда же вы пойдете? – воскликнула Сара. – Уже довольно поздно, вам будет сложно найти отель.

Сестра Беллы была права. Искать гостиницу не было никаких сил. Перелет из Туниса и долгая дорога из Тель-Авива вымотали, и Асе хотелось просто упасть на кровать и уснуть.

– Может, вы знаете какой-нибудь хостел? – робко спросила она.

– Откуда бы, я в Эйлате бываю раз в полгода! Могу поговорить с Беном, чтобы он позволил переночевать вам здесь. Места достаточно.

– Что вы, нет! – вскрикнула Ася. Бен выставит ее на улицу в ту же секунду, как за гостями закроется дверь.

– Ни о чем не беспокойтесь, – заверила Сара. – Мы вас без ночлега не оставим. Сейчас что-нибудь придумаем.

Услышав об Асиной проблеме, гости принялись перебирать знакомых и родных, живущих в Израиле. Вспоминали пятиуродных тетушек и восьмидесятилетних одноклассников, бабушку Софу («Да она ж померла пять лет назад!») и прапрадедушку Давида («А разве это не его в Биробиджан в тридцатых выслали?»)

Обсуждение затянулось. С каждым новым воспоминанием Ася чувствовала, как утекают драгоценные минуты, которые она могла бы потратить на поиски жилья. Но чувство такта и признательности к Саре удерживали ее. Благодаря этой женщине Ася получила новую ниточку, которая ведет к Наохаму. И проявлять сейчас нетерпение ей казалось невежливым.

Ближе к полуночи вспомнили чьего-то старого армейского друга, живущего относительно неподалеку. Созвонились, договорились. Бурно выясняли, кто достаточно трезв, чтобы подвезти Асю. Оказалось, что никто. Попытались вызвать такси, но в шабат цены возросли на четверть, и Ася решила пройтись пешком. Стали хором объяснять дорогу. Показали из окна главный ориентир – вышку в парке аттракционов. Вышка сияла, как горящая ракета.

– Небольшой особнячок, – пояснили ей, – Забор с вензе-

лями. Дом номер три. Скажешь, что ты Ася, и тебя пустят переночевать.

С этими напутствиями Ася покинула гостеприимный дом. Она вышла в темный двор, взглянула на ярко освещенные окна. Никто не махал, не смотрел вслед. Эти добрые люди помогли ей и тут же вернулись к своей жизни.

Она бездумно шагала, послушно повторяя изгибы улицы и даже будто бы задремывая. Уперлась в «круг» – кольцевое движение без всяких указателей, откуда должна была виднеться башня. Но Асю встретил абсолютно черный горизонт с вкраплениями придорожных фонарей. Иллюминацию на башне, видимо, потушили. Ночь опустилась на Эйлат.

Как же холодно в этом курортном городе, посетовала Ася и побрела дальше.

Ей казалось, что она идет в нужном направлении: прямо и вниз, к морю. Но дорога петляла, и полчаса спустя Ася поняла, что безнадежно заплутала.

Название нужной улицы напрочь вылетело из головы, да и спросить дорогу было не у кого. Редкие прохожие, встречавшиеся в этот поздний час, не внушали Асе доверия.

Толстяк, расхлябанно идущий навстречу, оглушительно чихнул и высморкался прямо на тротуар, после чего свернул во двор между столбами, на которых тут ставят дома, словно опасаясь наводнений, хотя какие наводнения в пустыне! Дойдя до помеченного толстяком места, она затаила дыхание и стала пристально всматриваться в тротуарную плитку,

опасаясь вступить в склизкий образец местного ДНК.

Странно, но путешествия не сделали Асю менее брезгливой. В дороге случается пренебрегать излишней чистоплотностью, но именно этот дефицит гигиены и заставлял ее особо бережно хранить доступные крупицы чистоты. Она таскала с собой рулоны салфеток, могла не иметь питьевой воды, но запасной тюбик антибактериального геля всегда успокаивающе побулькивал в быстродоступном кармашке рюкзака.

Вероятность заразы пугала. В отсутствие привычной медицинской рутины: аптек с родным анальгином, углем и йодом, суровых русских медсестер, бесплатной скорой, – Ася чувствовала себя незащищенной. Все то, чего она так сторижилась в обычной жизни, сейчас представлялось уютным успокаивающим покрывалом, которым заботливо укутывает государство своих вечно недовольных граждан.

Вообще, отсюда, из чужих земель, Россия все больше виделась Асе в образе матери. На нее привычно ворчать вблизи, от нее сладко удрать на волю, но именно к ней мы слепо и доверчиво стремимся в поисках помощи и заботы. Патриотизм никогда не был Асиным коньком, но все чаще в памяти возрождались школьные стихи про родину-мать, и скучные строки вдруг наполнялись смыслом и истинной поэзией.

И все равно, не смотря на тоску по дому, потерянность и одиночество, Ася не могла не поддаваться особому очарованию южного города, в котором отовсюду, из-за любого само-

го обшарпанного и урбанистического закоулка был слышен шепот моря.

Она шла вдоль глухого и нескончаемо длинного бетонного забора с враждебно торчащими прутьями, как вдруг впереди мелькала бархатная темнота. Это было оно, море: сонно ворочалось, набушевавшись за день, дремало в окружении оранжевых и белых ночников – городских огней.

Даже усталая и изможденная, Ася замечала, как живописно выделялся изгиб пустынной акации на фоне темной с бликами пустоты – это было оно, море. То самое.

То самое море, у которого Ася-пяtilетка сосредоточенно строила песчаные крепости с опоясывающим рвом, куда каждая набегающая волна, подыгрывая, плескала воду с обломками ракушек.

То самое море, о котором она читала в приключенческих романах, о котором мечтала на скучных лекциях и неудачных свиданиях.

То самое.

В разных странах, на разных частях планеты море было одно. Оно всегда ждало ее домой, готовое принять в свои очистительные объятия.

Ася замерзла и измучилась, так мечталось о теплой постели, но она смирилась с неизбежностью и решила ночевать на улице. Она нашла детскую площадку, залезла в деревянный резной домик и там, скрывшись от ветра и чужих глаз, свернулась калачиком на сыром песке, подложила рюкзак под го-

лову и уснула тревожным сном.

Глава 15

Ночуя в песочнице, следует быть готовым к неожиданному пробуждению. Будильником может послужить суровый дворник, решивший на рассвете прибрать детскую площадку. Или испуганный малыш с ведром в одной руке и совочком в другой. Сон может быть потревожен злым бомжом, который облюбовал это местечко для собственного отдыха. И, конечно, самая нежелательная встреча – со служителем порядка, местным полицейским.

Асе повезло: ее разбудил любопытный собачий нос. Пахучая дворняга дышала Асе прямо в лицо и роняла горячие слюни на песок. От неожиданности Ася подскочила, задела головой низкий потолок. Дворняга завиляла хвостом и задом вышла из домика. Ася последовала за ней.

В это раннее утро пешеходов, как и машин, совсем не было, но светофор – чуть ли не единственный в Эйлате – прилежно исполнял свои обязанности на пустой дороге.

Перед встречей с орнитологом нужно было привести себя в порядок, и Ася направилась на поиски особнячка с вензелями, в котором вчера ее так и не дождались. Вышку не включили, но сейчас она отчетливо виделась на фоне белого неба.

Пес увязался было за ней, но быстро отвлекся на мусорные баки.

Нужный дом нашелся просто. Не прошло и десяти минут, как Ася оказалась на месте. На удивление, хозяева не спали и радушно пригласили ее войти. Они изъяснялись на странной смеси иврита и незнакомого Асе языка, поэтому она почти ничего не понимала из того, что ей говорили.

Асю провели в комнату, показали душ и оставили отдыхать. Было раннее субботнее утро, и Ася понятия не имела, чем занять два свободных дня до понедельника. «В любой непонятной ситуации ложись спать», – посоветовала она сама себе, задернула шторы и завалилась в кровать.

Проспав всего три часа, Ася чувствовала прилив сил и энергии. За несколько минут в интернете она нашла симпатичный номер в гостевом доме, поблагодарила великодушных хозяев и бодро вышла на набережную. Она решила рискнуть и отправиться к орнитологу уже сегодня, несмотря на выходной.

Стояла отличная погода, и Ася пошла пешком. Судя по карте, нужно было выйти за пределы города и следовать вдоль шоссе, а затем свернуть по указателю на орнитологическую станцию. Полчаса от силы, подумала она.

Выйдя за черту города, Ася зашагала по широкой обочине, разглядывая пыльные камни и случайный мусор под ногами. Смятые пластиковые бутылки, резинки для волос, клочки бумаги – все, что вылетает из окон автомобилей, несущихся по трассе среди пустыни. Светило солнце, гул

шин сливался с шумом ветра.

Обочина кончилась, путь преградила транспортная развязка, и Ася долго стояла перед потоком машин, боясь перебежать дорогу. Огромный самосвал притормозил и библикнул так, что она чуть не оглохла. Ася благодарно махнула рукой, заспешила на другую сторону и подпрыгнула, когда он радостно посигналил снова.

«Чертов гудила», – злобно пробормотала она, унимая колеблющееся сердце. Волна адреналина мигом смыла хорошее настроение. Умудряются же некоторые люди делать добро так, что их хочется прибить!

Дорога поднималась на мост. Ася остановилась, чтобы перевести дух и оглядеться. Шоссе пролегало по каменистой пустыне, окруженной красноватыми Эйлатскими горами. Сзади еще виднелся город. Под мостом проходил узкий канал, чуть дальше видны озера.

Услышав снизу шум двигателей и веселые крики, Ася свесилась через перила и стала смотреть, как носятся наперегонки три квадроцикла.

Внезапно раздался оглушительный гудок. Самосвал, тот самый!

– Да что тебе нужно, пикапер шоссейный! – в сердцах выругалась она и обернулась.

– Хей, подруга, вот так встреча! – закричали ей по-русски.

– Дима! – подскочила она. – Не может быть!

Это был действительно он, ее тунисский спаситель. Но-

вая встреча здесь, за столько километров – невероятно! Дима вылез из кабины, спрыгнул со ступеньки и махнул водителю. Тот еще раз нажал на клаксон и уехал.

– Твой друг любит посигналить? – не удержалась Ася.

– Похоже на то, – рассмеялся Дима. – Но я сегодня авто-стопщик, так что выбирать не приходится: в Израиле почему-то не любят брать попутчиков. Ловил машину почти полчаса!

– Так бери пример с меня: ходи пешком! – посоветовала Ася.

Он накинул рюкзак на плечо:

– Уговорила. Пошли!

Они зашагали вдоль пыльного шоссе. Дима был в яркой рубашке с широкими рукавами. Одно плечо казалось толще другого. Должно быть, все еще не снял повязку после укусов собаки.

– Болит? – участливо спросила Ася.

– А, ерунда, – махнул он больной рукой и тут же стал преувеличенно корчиться, словно в невыносимых муках. Ася захохотала.

– Так какими судьбами ты здесь? – спросил Дима.

– Иду на орнитологическую станцию, – честно ответила она.

– Зачем? – поразился он.

– Птичек смотреть.

– А это весело? – усомнился он.

– Не так весело, как бегать под пулями с собакой на плече, – парировала она. – А ты куда едешь?

– По правде говоря, я только сегодня прилетел. Хотел устроиться в Беэр-Оре, мне порекомендовали одно местечко. А ты где остановилась? В Эйлате?

– Угу, – кивнула Ася, вспомнив свой ночлег. «В песочнице», – добавила она про себя.

– Я бы с радостью составил тебе компанию, но... – нерешительно начал Дима, и Ася с облегчением замахала руками. Брать с собой Диму в ее планы не входило.

– Что ты, что ты, не стоит! Тебе будет скучно. Обычные птицы, ничего особенного. Езжай по своим делам, я совершенно не обижусь!

Он кинул подозрительный взгляд.

– Ты так внезапно исчезла, бросила меня в Тунисе, даже не попрощавшись, и все для того, чтобы поехать в израильский центр орнитологии? Не замечал я в тебе такой страсти к пернатым...

– Твой Гоша пробудил во мне интерес к птицам. И вообще, я такая разносторонняя личность, – отшутилась Ася. – Ты еще многого про меня не знаешь, поверь!

– Ладно, наслаждайся своими птичками, – ответил он и вскинул руку привычным жестом автостопщика.

В ту же минуту у обочины притормозил джип.

– Вот это везуха! – воскликнул Дима. – Ты вечером будешь в Эйлате? Давай встретимся на главной набережной,

она маленькая, найдемся! До встречи!

Он послал ей воздушный поцелуй и побежал к машине.

Ася не знала, чему радуется больше: неожиданной встрече или тому, что не пришлось раскрывать свои карты. Почему-то ей не хотелось рассказывать Диме ни о цели своего путешествия, ни о причине поспешного бегства из его дома в Тунисе.

Она махнула рукой вслед джипу и стала спускаться по грунтовой дороге. Указатель на развилке сообщал, что до центра орнитологии осталось меньше километра.

– Ибрагим? Какой еще Ибрагим? – спросил парень лет пятнадцати, дежуривший у ворот.

Не беспокойтесь, говорила Сара. Вы без труда найдете его, уверяла она.

Вот тебе и не более десяти сотрудников на станции, раздраженно подумала Ася. И как объяснять? Любовник внезапно погибшей дамочки, которая регулярно навещалась к таинственному мудрецу?

Пока Ася подыскивала объяснение, мальчик сообразил сам:

– А, дядя Абрам?

– Не знаю, – развела Ася руками. – Мне известно только имя и то, что он работает на орнитологической станции.

– Да, дядя Абрам. Мой дядя, – гордо добавил парнишка.

Он провел ее к скрытому в кустах домику и постучал.

– Открыто! – ответили изнутри, и Ася вошла.

Ибрагим оказался щупловатым пожилым мужчиной очень интеллигентного вида. Очки, конусообразная седая бородка, мягкий голос – все в нем соответствовало самому стереотипному представлению о научном работнике.

Только сейчас Ася поняла, что не знает, известно ли Ибрагиму о смерти его подруги. «Подруги», – многозначительно повторил голос в ее голове, и воображаемая Белла-Френкен Бок снова скинула халат, оставшись в роскошном белье. Ася кашлянула.

– Я знакомая Беллы, – представилась она.

Реакция мужчины оказалась неожиданной. Он раскинул руки и заключил Асю в долгие объятия. Он постукивал ее по спине и вздыхал. Ася потерпела несколько минут, а затем тактично отстранилась. Судя по поведению Ибрагима, о гибели Беллы он уже знал.

– Все там будем, – философски заметил он и радушно предложил: – Чаю?

Ася испытала смешанные чувства: все знакомые Беллы так легко и спокойно воспринимали ее смерть, словно это не было трагедией. Как будто речь шла о глубокой старушке или смертельно больной, и окружающие давно были готовы к ее кончине. Со дня гибели Беллы прошло лишь несколько дней, но никто не плакал, не терзался, не впал в ступор от страшного известия. Все относились к этой утрате так философски, так смиренно. Не могут же человека окружать сплошь

умиротворенные и безгранично мудрые люди?

Или могут? Что, если Белла сама была необычным человеком и притягивала к себе таких же уникальных личностей? Вдруг общение с Наохамом преобразило ее, а заодно и ее окружение? Ведь говорят же, что менять мир нужно с себя, что подобное притягивает подобное.

– Вы пришли разделить со мной боль утраты, или я должен вам чем-то помочь? – спросил Ибрагим, и Ася вынырнула из мыслей.

– Вообще-то, я пришла за помощью, – призналась Ася. – Белла обещала свести меня с одним человеком, его имя Наохам. Вы слышали о нем?

– О, разумеется, разумеется! – ответил Ибрагим. – Много раз сопровождал Беллу к его дому. Сам внутрь не входил, не по мне вся эта ритуалистика, я человек науки, сами понимаете. Но Беллу я не осуждал. Ни в коем случае! После встреч с Наохамом она светилась, успокаивалась, чувствовала себя счастливой.

При упоминании счастья Ася встрепенулась. Кажется, она у самой цели!

– Я даже размышлял, не стоит ли мне волноваться на их счет. Ну, вы понимаете.

– Ревновать? Наохам же старый! – воскликнула Ася и тут же спохватилась: Ибрагим и сам был не первой свежести, так же как и Белла, и ее комментарий о возрасте мог прозвучать обидно.

– Годы ни при чем, когда между людьми возникает энергетическая и духовная связь, – пояснил Ибрагим. – Про связь я нахватался у Беллы, она по взаимоотношениям людей специалистка! Вернее, была такой... Невероятно чуткая женщина! Такая утрата, надо же... Нам всем будет ее не хватать...

– Проводите меня к Наохаму? – быстро спросила Ася, пока мужчина снова не начал обниматься.

– Разумеется, провожу. Только закончу кое-что по работе. Мне нужно минут сорок. Погуляйте здесь, полюбуйтесь на птиц. Сейчас, правда, не сезон, туристы расстраиваются. Путеводители преувеличивают: рисуют в нашем центре толпы фламинго, лебедей и чуть ли не пеликанов. Но, например, сегодня встретить можно разве что парочку стрижей. Мы же не удерживаем птиц, они добровольно останавливаются на нашей станции во время миграции. Отдохнут, попьют и летят дальше. Поэтому гарантировать наличие пеликана мы, конечно, не можем. А люди ругаются. Хотя чего ругаться? Вход на станцию бесплатный, обмана никакого нет...

Ибрагим вернулся к своим делам – он заполнял большие журналы, а Ася отправилась на поиски пернатых гостей.

В надежде встретить редких птиц она забрела в густой кустарник, откуда раздавался щебет и галдеж. Однако стоило ей шевельнуться, как птицы замолкали. Ни одна пичужка так и не выглянула из ветвей.

Плюнув на карьеру орнитолога, Ася попыталась выйти на главную аллею, но путанные тропки привели ее к большому

озеру. В центре, на каменном островке неподвижно сидела стая огромных черных птиц с белыми грудками, изогнутыми шеями и желтыми клювами. Птицы сидели так неподвижно, что Ася засомневалась, не скульптуры ли это?

Скрываясь за лохматыми колосьями, Ася попыталась было подобраться поближе, но птицы заметили ее, забеспокоились и подняли такой гвалт, что она поспешила скрыться в приболотных зарослях.

Ася вернулась к домику Ибрагима почти час спустя.

– Простите за опоздание, я заплутала, – сказала она с порога.

– Да где же тут плутать? – рассеянно спросил орнитолог, не отрываясь от журнала.

– Там озеро... Стая больших птиц на острове... – начала объяснять она.

– Утки? – предположил Ибрагим.

– Нет, больше!

– Лебеди?

– Да нет же, какие-то незнакомые!

– Хм. Канюки?

– Не знаю таких, – растерялась Ася. – Они были черные.

Ибрагим наконец отвлекся от записей и поднял на нее глаза.

– Грифы, что ли? – задумчиво проговорил он.

– Извините, я совсем не разбираюсь в орнитологии, – ответила Ася. – Да и иврит мне неродной. Большую часть зна-

комых мне птиц я не смогу назвать на вашем языке.

– Правда? – вежливо спросил Ибрагим, хотя ее жуткое произношение выдавало в ней иностранку с головой. – Откуда вы, если не секрет?

– Из России.

– А, Россия, – мечтательно повторил он. – Прекрасная огромная страна. Стерхи, розовые чайки, краснозобые казарки... Это эндемики. Виды, которые водятся только у вас. Вы не из Сибири, нет?

– Нет, из Москвы, – развела руками Ася.

– Ну, ничего, ничего, – успокаивающе сказал ученый. – Зато столица.

В глазах израильского орнитолога Москва, вероятно, была скучнейшим городом на земле.

– Вы обещали проводить меня к Наохаму, – напомнила Ася.

– Обязательно провожу, – заверил Ибрагим. – Завтра, ладно? Возникли неотложные дела.

Ася разочарованно вздохнула.

– Может, набросаете мне схему, как найти тот дом? – предложила она, но орнитолог отказался.

– Поверьте, вы там потеряетесь. К тому же, Наохам вас не примет.

– Да, я слышала, что к нему без протекции не попасть, – согласилась Ася. – Но вы же говорили, что сами не посещали Наохама. Разве вы сможете провести меня к нему?

– Сам не посещал, но в лицо он меня помнит. Знает, что я друг Беллы. Думаю, у нас с вами все получится.

Они договорились о встрече, и Ася отправилась в город. Не хотелось возвращаться на шумную дорогу, и она решила пойти через пустыню.

Ася никогда не была любителем путешествий, и ее представления о пустыне ограничивались Сахарой. Еще в студенчестве она отдыхала в Египте и помнила, как весело было колесить на джипах по сверкающему песку и поливать голову водой под палящим солнцем. Сахара запомнилась ей ослепительно яркой, бескрайней и очень знойной.

Эйлатская пустыня с Сахарой не имела ничего общего. Это была каменистая равнина, зажатая меж гор. Слева тянулась граница с Иорданией, справа гудела автострада. Небо затянули тучи, начал накрапывать дождь. Ася смотрела на свои ноги, шагающие по красноватому песку, и мерзла.

Тут все какое-то неправильное, какое-то не такое, ворчалось ей в такт шагов. В пустыне дождь, море не пахнет. Или это она какая-то не такая? Все ей по правилам подавай.

Ася скосила глаза на покрасневший от холода кончик носа. «Я же почти в Африке, черт побери! – возмутилась она. – Кто не прав, я или природа?»

Продолжала отмерять песчаную землю с крапинками дождя и бодрилась: зато ветер перестал. Вспомнилась сказка про мышку, которую Ася сама себе рассказывала на ночь в далеком детстве, когда никак не могла заснуть.

Идет мышка...

Идет мышка по полю. Солнце село, небо хмурое. Ветер свищет и дождик капает. Холодно мышке и неудобно. До домика далеко!

И вдруг видит мышка большое бревно. Лежит поперек поля, поросло мхом и грибами. О, радость: внутри бревно пустое! Вот где можно спрятаться от непогоды, согреться и переночевать.

Мышка заглядывает внутрь: тепло, сухо. Сгребает охапку сена из стога неподалеку. Скорей, пока не намокло, ведь дождь льет все сильнее! Выстилает свое убежище пахучей сухой травой. На поле совсем стемнело, уже бушует ливень, завывает ветер. А здесь, внутри, уютно и спокойно. Мышка сворачивается в клубочек, чувствует, как отогреваются лапки и хвост, блаженно улыбается и потихоньку проваливается в сон...

Ася споткнулась и очнулась. Детские рефлексy чуть не свели ее в могилу! Убаюкав себя собственной сказкой, она задремала прямо на ходу, отклонилась от маршрута и вышла к каменистому обрыву. Еще немного, и полетела бы кувырком прямо вниз!

Вернувшись к дороге, Ася поймала такси. Идея идти пешком оказалась не очень удачной. Свободного времени осталось не так много: нужно было устроиться на новом месте и

освежиться перед вечерней встречей с Димой.

Набережная была многолюдна. Даже сейчас, не в сезон, здесь толпились туристы, музыканты, раздатчики флаеров и бомжи. Работали кафе и магазины, мигали огни на пресловутой башне, в кронах деревьев галдели волнистые попугайчики, перекрывая своим щебетом музыку, голоса и шум прибоа.

Асе всучили листовку русского ресторана, и она отошла в сторону, подальше от безумного потока отдыхающих. В ожидании Димы она бездумно разглядывала прохожих и не сразу услышала, как ее зовут по имени. Ася завертела головой и поняла, что звук идет сзади, с моря. Там на волнах покачивался катер, и Дима приветливо махал ей, держа в руке белоснежную розу.

Цветы – это что-то новенькое, с неудовольствием подумала Ася. Намек на свидание? Сейчас ей совсем не хотелось переходить границы дружбы ни с Димой, ни с кем бы то ни было другим.

– Хочешь, чтобы я спустилась? – крикнула она.

– Давай покатаемся, – пригласил он. – Отплывем в море, посмотрим на закат!

– У меня были другие планы, более материальные! – она продемонстрировала ресторанный листовку.

– Что это? – прищурился Дима. – Ты опять голодна?

– Почему опять? – возмутилась Ася, – Я сегодня толком

не обедала!

Ася стояла лицом к морю, за спиной текла толпа. Вдруг она почувствовала прикосновение к бедру и резко обернулась.

Между прохожими неловко протискивался безногий попрошайка. Он сидел на низкой платформе с колесами и двигался, отталкиваясь руками от земли. Ася оглянулась как раз в ту минуту, когда он поднял голову и нарочито нагло, с вызовом заглядывал ей в лицо, клянча подачку. Пахло несвежей одеждой, дряхлым тряпьем.

Брезгливость тошнотворно заворочалась в горле. Ноги, которых коснулся калека, казались чумными. Захотелось скорей помыться и сменить одежду, и Ася тут же возненавидела себя за эти желания, за неподвластное ей отвращение.

– Спускаюсь! – крикнула она Диме и поспешила к причалу.

Закат оказался не слишком красочным, на волнах укачивало, а холодный ветер продувал насквозь. Ася стойчески терпела, пока солнце опустится за горизонт. Наконец, это свершилось, но Дима не торопился заводить мотор. Он задумчиво смотрел вдаль.

– Волшебное зрелище, правда? – мечтательно проговорил он.

Ася угукнула, кутаясь в ветровку. На берегу заманчиво перемигивались фонарики, доносились веселые крики и смех. В надвигающейся на море темноте Ася чувствовала

себя отрезанной от всего человечества, и даже присутствие Димы не приносило привычного спокойствия.

– Может, пора возвращаться? – несмело предложила она.

– Да ты совсем не романтик, – засмеялся Дима. – Все-все, уже разворачиваю машину, и через десять минут ты будешь наслаждаться своим борщом с трюфелями. Или что там тебе приглянулось в этом русском меню?

– Трюфели в борщ не кладут, – фыркнула Ася.

Они причалили и отправились ужинать. Прошли мимо страстно целующейся парочки.

– Ой, ты прям покраснела, да не смущайся ты так! – внезапно воскликнул Дима противным голосом. И игриво подмигнул.

Ася закусила губу. Она ненавидела это.

Ненавидела этап сближения с человеком, когда проявляется его глупость.

Она ненавидела, когда мужчина расслаблялся с ней настолько, что начинал отпускать туповатые шутки, ругаться матом, трусить и неуклюже пытаться выбраться из неловких ситуаций. Ненавидела ту фазу отношений, когда мужчина позволял себе ныть, жаловаться или хвастать.

Позже, после более близкого знакомства, весь этот глупый юмор и дурные привычки могли ей даже нравиться. Ася не была пуританкой и сама могла вернуть крепкое словечко. Но переход от джентльменской отстранённости к панибратству она просто не переносила.

Вот и сейчас она больше не видела перед собой красивого сильного мужчину, который спас ей жизнь, загадочного путешественника с трагической судьбой. Она видела корявого подростка, который ума не приложит, как вести себя с девушкой в пикантной ситуации.

– Нет, – сказала Ася. – Я не смущаюсь. После третьего мужа смущение исчезает.

Дима осекся.

– Что, правда три мужа было? – несмело спросил он минуту спустя.

– А что, не похоже? – с вызовом ответила она.

Ресторанные запахи быстро подняли настроение. Неужели ее интересы действительно скатились до утоления физических потребностей? В последнее время Асю волновало только наличие горячей пищи, сухой одежды и теплого ночлега. Вот это да, подтрунивала она над собой: отправилась на поиски смысла жизни, а в результате деградирует с каждым днем.

Разговор не клеился. Ася с Димой были явно на разных волнах. Она пыталась вернуть игривый тон, принятый между ними с первого дня. Дима же, напротив, впал в томно-романтическое настроение, смотрел грустными глазами, накрывал ее пальцы теплой ладонью и совершал все те действия, которые по мужским убеждениям должны очаровывать женщин.

Асю от этих ужимок тошнило.

– Что с тобой, Уткин? – наконец не выдержала она. – Ты чего такой?

– Какой такой? – протянул он.

– Тягомотный!

Дима возмущенно вытаращил глаза и на секунду стал прежним. Но тут же спохватился и вернул меланхоличное выражение лица.

– Каким ты хочешь, чтобы я был? Только скажи. Сегодня я готов измениться, – он наклонился, вскинул одну бровь и интимно добавил: – Для тебя.

Ася со стоном вырвала руку и вскочила.

– Я отлучусь на минуту, а по возвращению надеюсь застать за этим столом того Диму, которого я хорошо знаю, а не мелодраматичного томного незнакомца.

– О, ты считаешь меня томным? – самодовольно усмехнулся он, и Ася поспешила в уборную.

Возможно, размышляла она, стоит объяснить ему свое поспешное исчезновение тогда, в Тунисе. Дима не задал ни единого вопроса, но замалчивать Асе казалось нетактичным. Человек приютил ее в своем доме, купил вещи и стал настоящим другом, а она уехала, даже не оставив записки. Может, этим и объясняется такая перемена в его поведении?

– Дим, – начала Ася, вернувшись в зал. – Прости, что тогда так внезапно уехала.

Он вяло махнул рукой.

– Не стоит извиняться, ты свободный человек. Не нужно

передо мной отчитываться.

– Да что с тобой? – воскликнула она. – Еще сегодня утром ты был веселым остроумным парнем! Когда мы встретились на шоссе, помнишь? Ты шутил и говорил нормально, а не как сейчас. Что произошло за эти несколько часов?

Дима не ответил. Он молча поднял руку, подзывая официанта. Расплатился по счету, игнорируя Асины попытки внести свою долю. Небрежно накиннул куртку на плечи, помог Асе одеться. Они вышли.

– Куда тебя проводить? – спросил он.

– Туда, – указала Ася. – Недалеко.

Они пошли в молчании. Первые минуты Асю это тяготило, но она быстро привыкла к тишине и ушла в собственные мысли. Она даже вздрогнула, когда Дима кашлянул.

– Все проблемы в женщинах, Асенька, – патетично проговорил он. – Прости, если вел себя сегодня не так, как тебе хотелось бы.

– Давай без драматизма, а? – устало попросила она. – Я не люблю всех этих тайн, интриг и недомолвок. Если это поможет тебе лучше узнать меня, то скажу, что мой любимый жанр кино не мелодрамы, а детективы и триллеры.

Дима хмыкнул.

– Что ж ты тогда от старика сбежала, а? – поддел он. – Там тебе и детектив, и триллер был бы.

– Это грубо, – сказала Ася, – Но я рада, что ты вернулся к привычному стилю общения.

– Хочешь, чтобы я был грубым? – он скорчил гримасу ма-
чо и тут же расхохотался. – Все, сдаюсь, не буду больше! Ме-
ня сегодня немного расстроили, вот и все. Но ты меня хоро-
шо встряхнула.

Дошли быстро.

– Запиши мой телефон в Эйлате, – попросил Дима. – Со-
скучишься – звони.

– А сколько ты еще здесь пробудешь? – спросила Ася. –
Что ты вообще делаешь в Израиле?

– Э, нет, подруга, – лукаво улыбнулся он. – У нас с тобой
негласный уговор. Я тебя ни о чем не расспрашиваю, а ты
меня. Давай не будем нарушать это правило.

Ася кивнула. Отсутствие полной откровенности было ей
на руку. Они неловко распрощались, и Дима ушел. Поче-
му-то Ася подумала, что никогда его больше не увидит.

Глава 16

Эйлат – молодой город. Здесь нет витиеватых улочек и сказочных храмов. Зажатый между воинственным Египтом и конкурирующей Иорданией, надвое разрезанный взлетными полосами местного аэропорта, Эйлат разумно распоряжается тем немногим, что ему досталось. В безжизненной пустыне разбит роскошный ботанический сад, в котором для экзотических растений из дождевых лесов Амазонки не поленились соорудить специальный тропический душ. От моря достался совсем небольшой кусок? Не беда, каждый метр используется с умом: дайвинг-центры, пляжи, знаменитая на весь мир подводная обсерватория.

Сам город тоже показался Асе максимально практичным. Прямые улицы, многоквартирные дома, авангардные скульптуры на островках кругового движения, заменяющего здесь светофоры. Огромные промышленные здания, тянущиеся вдоль берега, расписаны чудесными граффити с изображениями подводного мира. Да, простите, мы загородили вам море, но полюбуйте, как мы умеем принарядить обыденность. Рисунками украшены трансформаторные будки, урны и фонарные столбы.

Практически каждая горка, каждый пустырек тут оборудован как минимум скамеечкой и находит свое туристическое применение. Пусть от панорамы и не захватывает дух,

но вы все равно посидите, отдохните, оглядитесь. Мы старались, вам понравится.

Эйлат не предлагает никакой экзотики, не заманивает легендами и древностью. Он откровенен: хочешь истории – бери экскурсию по библейским местам, езжай в Иерусалим и к Стене Плача. Не хочешь – вот тебе теплое море, бесплатный вайфай по всему городу, круглосуточный шоппинг и отели на любой кошелек. Что? Восточная сказка? Волшебный дворец? Пожалуйста: «город царей», центр развлечений Кинг Сити. Роскошный, но, увы, бутафорский.

Таким увидела Ася Эйлат и потому очень удивилась, когда орнитолог привез ее к скромному особнячку в цветущем садике за белой стеной. Пахло Крымом и летними каникулами.

– Вы у цели, – улыбнулся Ибрагим и нажал на кнопку звонка у ворот.

В домофоне раздался шорох, что-то крякнуло.

– От Беллы к Наохаму, – представился орнитолог, и дверь открылась.

– Что ж, прошу, – подтолкнул он Асю. – Вы доберетесь отсюда самостоятельно? Я бы вас подождал, но, простите, спешу. Сегодня похороны.

Ася на миг представила надгробовую встречу мужа и любовника. Но мысли тут же судорожно метнулись к Наохаму. Она у цели! Несколько шагов – и она задаст свой вопрос. Это так волнительно и страшно!

Сердце колотилось прямо в горле, и она сглотнула, пытаясь загнать его на место.

– Я доберусь сама, – проговорила она. Возвращение и все, что произойдет после беседы с Наохамом, сейчас казалось нереальным и совершенно не важным.

Ибрагим ободряюще хлопнул ее по спине, повернулся было уходить, но в последнюю секунду не выдержал, снова полез обниматься. На этот раз проявление теплых чувств было кстати: Асе стало спокойнее.

– Нужна будет помощь – вы знаете, где меня найти, – сказал орнитолог и уехал на последние проводы своей подруги.

«Подруги», многозначительно выделил внутренний голос, и Белла-Фрекен Бок начала было скидывать расписной пеньюар, но Ася пресекла игру воображения.

Нужно собраться. Она идет к Наохаму.

Ася распахнула калитку и шагнула в тенистый двор.

Дима Уткин никогда не знал проблем с девушками. Он был привлекательным, но не смазливym, обходительным, но не навязчивым. В любом разговоре часть Димы словно витала где-то далеко, и эта интригующая рассеянность, этот эмоциональный холодок завлекал женщин сильнее любых подарков и комплиментов. Еще и работа спасателем придавала мужественности в дамских глазах.

Он никогда ни за кем не бегал, отношения складывались сами собой, и ему в голову не приходило изучать вопросы

соблазнения. Ни одна женщина не нравилась ему настолько, чтобы изобретать способы добиться ее расположения. Не вышло с одной – выйдет со следующей, спокойно рассуждал Дима. Зачем тратить время на завоевание и ожидание, если можно найти другую, более сговорчивую?

Течение любовной реки вынесло его к берегам семейной жизни. Пару лет молодожены жили в свое удовольствие, не смотря на ворчание родни, жаждущей внуков. Некоторое время спустя постулаты про биологические часы и стакан воды добрались-таки до зон мозга, отвечающих за материнский инстинкт, и Димины жена со скандалом забеременела.

Потянулись грустные годы отцовства. Дома было тоскливо, спасательные подвиги остались в далеком прошлом, и работа мелким управленцем тяготила с каждым днем все больше. К тридцати годам Диму начали одолевать смутные терзания: хотелось то махнуть на Аляску, то отучиться на каскадера. В своей скучной жизни он винил жену, которая хитростью окрутила его и против воли сделала папашей. Младенец не радовал. Дима смотрел в эти ясные глаза на лысой детской голове и не чувствовал никакой связи, никакого родства. Равнодушие, удивление, брезгливость – что угодно, только не любовь. Он думал подождать, ведь говорят, что отцы начинают интересоваться сыновьями лет с трех, когда можно разговаривать, учить и играть вместе. Но и подросший малыш не вызывал в Диминой душе ни грамма трепета. Такое бывает. Не всем суждено быть идеальными ро-

дителями.

Окруженный любящими людьми, проживающий в отличной квартире, работающий на стабильной работе и ведущий довольно обеспеченную жизнь – счастлив ли был Дима? Конечно, нет!

В его жизни не было ни капли счастья. Судьбе свести бы его с Асей в то время, они нашли бы немало общих тем. Но Ася обсуждала свое несчастье в Москве, а Дима молчал о нем в Питере.

Вскоре заболела мать: стремительно развивающаяся деменция превращала эту некогда шикарную женщину в сумасшедшую старуху. Отец никак не соглашался ни на стационар, ни на сиделку. Он самоотверженно пытался ухаживать за женой, несмотря на собственное слабое здоровье и впечатляющую степень ожирения. За несколько недель их дом превратился в свалку грязных вещей, лекарств и немытой посуды, посреди которой лежал, тяжело отдуваясь и держась за сердце, отец, а мать с песнями и упреками разгуливала вокруг него, качая на руках притащенного с улицы облезлого кота.

Именно такую картину застали Дима с женой, вернувшись из короткого отпуска в Сочи. Жена, конечно, кинулась спасать свекра со свекровью, пригласила бригаду уборщиков и медсестер. Но после того как порядок был восстановлен и отцу полегчало, он прогнал помощников и снова стал ухаживать за матерью и домом.

Через пару недель ему снова поплохело, в квартире воцарилась разруха, мать притащила еще двух котов, которые немедленно пометили все углы и наполнили дом неповторимыми запахами. Изнемогая от слабости, отец звонил невестке и умирающим голосом просил приехать. Невестка бросалась на выручку, Дима агитировал отца принять помощь специалистов, получал в ответ упреки в черствости, неблагодарности и желании избавиться от стареющих родителей. Дима со скандалом покидал отчий дом, из которого молчаливые уборщицы выгоняли облезлых кошек. А некоторое время спустя снова раздавался звонок, и еле слышный отцовский баритон просил привезти внука, чтобы обнять его, вероятно, в последний раз.

Ситуация повторялась дважды в месяц, и эта регулярность выводила Диму из себя. Он отчетливо видел свое будущее: упрямый отец на пару с обезумевшей матерью высосут все соки из его собственной семьи, и ему останется лишь еще больше вкалывать да проводить унылые выходные в обществе больных родителей, крикливого сына и жены, надменно поглядывающей на Диму с немеряных высот своей добродетели.

История с Царем Горы стала выходом. Дима оборвал все концы и уехал странствовать по свету. Вдали от родины, отрезанный от знакомых, осиротевший, совершенно одинокий и скрывающийся – был ли Дима счастлив? О да.

Слоняясь по континентам, он был счастлив, как никогда.

И именно в этот период он встретил Асю.

К дому вела узкая дорожка, вымощенная цветными булыжниками. Приходилось идти полусогнувшись, чтобы не задевать низкие ветви. Дверь в дом была открыта, внутри – темнота и тишина.

Ася остановилась на пороге и негромко позвала. Никто не ответил. Тогда она шагнула в сумрачный коридор и несмело пошла вперед.

Здесь было прохладно, и нервозность немного отступила. Ася давно сформулировала вопрос, который нужно задать Наохаму. Она обдумывала его в поездах, самолетах и на вокзалах. Тщательно отбирала самые точные слова, которые нельзя трактовать иначе. Ася боялась спросить не так и получить не тот ответ, ведь это было бы глупо: проделать долгий путь и уйти ни с чем лишь из-за неверно построенной фразы.

Вспомнилось, как в детстве, когда тетка вручала кошелек с авоськой и отправляла в магазин, Ася всю дорогу зубрила, боясь забыть, эти «половинку белого и стакан сметаны, половинку белого и стакан сметаны». И с каждым шагом фраза становилась все менее осмысленной, слова начинали играть в догонялки, буквы перемешивались, и, запыхавшись, вбегая в магазин, Ася выпаливала несурязицу вроде «головинку беглого и сметан стаканы».

И сейчас она продвигалась по неосвященному коридору и

снова и снова повторяла свой вопрос: в чем секрет счастья для меня и моих друзей.

На седьмом повторе впереди открылась дверь, и солнце резануло Асю по глазам. На ослепительном фоне вырисовался мужской силуэт. Хозяин приглашающе повел рукой и спросил:

– От Беллы?

– Да, – ответила Ася и, щурясь, вошла в комнату.

– Прошу сесть, – сказал мужчина, и Ася опустилась на диван.

Это был пятидесятилетний атлет с отличной мускулатурой и седоватой щетиной. Просторная майка обнажала подкачанные плечи, белая повязка на лбу подчеркивала загар.

– Слушаю вас, – сказал он.

– Я пришла за ответом. Мне нужно задать вопрос.

– Ответом? – он удивленно поднял брови.

– Да. Белла сказала мне, что здесь я найду Наохама и смогу задать ему мой вопрос. Ведь Наохам знает все ответы.

– Белла так сказала? – переспросил мужчина. – Хм... О чем же вы хотели спросить?

Ася замялась. Вопрос стал таким интимным для нее, что не хотелось им делиться с посторонним человеком, пусть и приближенным к мудрецу. С другой стороны, она здесь гость и не следует пренебрегать правилами хозяев.

– В чем секрет счастья для меня и моих друзей, – смущаясь, проговорила она.

Прозвучало как-то по-детски. Закралась мысль: а не сошла ли она часом с ума, разъезжая по земному шару в поисках ответа на такой дурацкий вопрос?

Мужчина принялся прохаживаться по ковру, потирая руки.

– Секрет счастья, какой серьезный вопрос, – рассуждал он. – Здесь кроется много страданий, не так ли? Человек не станет искать то, что у него уже есть. Правильно ли я понимаю, что вы несчастны?

Просто гений логики, скептически подумала Ася. Но решила не хамить.

– Мы не несчастны. Мы не счастливы.

– О, да, как это глубоко, – закивал он. – Вот что я точно знаю. Вы ищете счастье вовне, но на самом деле ни одна из внешних вещей не может сделать вас счастливыми. Ничего из того, что находится вне вас, не может изменить ваше состояние. Источник счастья, как и несчастья, только внутри вас, и больше нигде.

Ася заерзала.

– Спасибо, конечно, – сказала она, – Все это очень умно и скорее всего правильно. Но я бы все же хотела получить ответ от самого Наохама.

Мужчина перестал мельтешить и уставился на Асю. Сейчас разозлится, решила она.

Но он не разозлился. Он просто сказал:

– Так я и есть Наохам.

Ася не особенно привлекала Диму как женщина. Ему было с ней комфортно и иногда даже смешно. Ее словно прибило к нему, и они плыли рядом. Познакомившись с этой девушкой, Дима чувствовал, что обрел друга. Это было давным-давно забытое чувство, ведь последний его друг погиб в той памятной операции.

Ася привнесла в Димину жизнь немного смысла. Сначала ее надо было спасать. Потом приютить. Одеть, обогреть, развлечь. Не то чтобы Диме хотелось о ком-то заботиться, ему хватало Гоши, но забота об Асе была необременительной. Его веселило все, что происходило после их знакомства.

Конечно, Дима не собирался светиться в полиции: боялся, как бы не всплыла история с Царем Горы. И все бы прошло гладко, если бы не журналистка, которая узнала его и начала увиваться вокруг Аси. Это вносило досадное напряжение в его существование, ставшее с недавних пор таким беззаботным и легким.

А потом Диму накрыла лавина сомнений.

У него и раньше случались темные времена, когда весь мир застилала черная пелена, люди становились врагами, но главный враг всегда был рядом: отражался в зеркале. В такие периоды Диму мучала мигрень, но он никогда никому не признавался в этом, ведь мигрени – бабская болезнь, отговорки от супружеской близости, проявление слабости. Он ходил с пульсирующим виском и багровыми пятнами на пе-

риферии зрения, ненавидел всех и подозревал, что мир что-то замышляет против него.

Он прожил достаточно долго и обладал отменной логикой, чтобы вывести некоторые закономерности.

Главная закономерность заключалась в том, что боль приходит не просто так, она – знак, предупреждение о том, что вокруг Димы плетутся интриги. Что он в опасности.

После схватки с собакой врачи накачали Диму каким-то местным лекарством, и результатом стала стремительно развивающаяся мигрень. Он успел купить вещи для Аси и весь день прошатался по городу, не решаясь вернуться домой. Ведь там Ася, с ней нужно разговаривать, а это мучительно больно. Либо сознаться в своем недуге и стать слабым, что было еще мучительней.

Вечером он с трудом добрался до дома, кажется, нагрубил Асе и завалился спать. Утро не принесло облегчения, но он мог держать хорошую мину при плохой игре. Правда, на встрече с журналисткой не сдержался и повел себя более агрессивно, чем следовало бы.

А затем мигрень отпустила, он обрел возможность размышлять, и сразу пришли сомнения: так ли случайна их с Асей встреча? Стоило им близко сойтись, как тут же откуда ни возьмись – репортеры. Какова вообще вероятность встречи в Тунисе с русской журналисткой, знающей Дмитрия Уткина в лицо? Может, Ася совсем не та, за кого себя выдает?

Вдруг она расследует дело Царя Горы?

Или – невероятно, но ведь возможно – Ася и есть Царь Горы?

Дима решил быть начеку. Нужно было не выпускать Асю из поля зрения и контролировать каждый ее шаг.

– Я и есть Наохам, – заявил мужчина.

Ася вскочила.

– Простите, этого не может быть!

– Может или не может, но Наохам – это я, – для убедительности он даже постучал себя кулаком по груди.

– Вы Наохам?! – не могла поверить Ася.

– Я Наохам, – подтвердил он.

Ася взглядела в его лицо. Морщины на лбу и в уголках глаз, ясный взгляд. От мужчины веяло силой и энергией. Этому человеку сто тридцать лет? Таких чудес не бывает!

– Вы здесь единственный Наохам? Может, есть еще один, постарше? – с надеждой спросила она.

Собеседник расхохотался.

– Мне очень жаль вас разочаровывать, но Наохам я тут единственный. Никого постарше здесь нет!

– А сколько вам лет? – уточнила Ася.

– Пятьдесят пять, – вздохнул мужчина.

Ну вот. Наохам, да не тот.

– И вы никогда не были в Монголии? Не давали сатсанги в Костроме? Не жили в тунисском ашраме? – обреченно спрашивала Ася, но получала в ответ лишь отрицательное

покачивание головой.

– Почти всю жизнь я провел здесь, в Израиле. Выезжал из страны лишь однажды: проходил обучение в Пакистане. А потом вернулся, сейчас практикую, имею своих учеников.

– В Пакистане? – встрепелась Ася.

Так вот откуда пошла путаница! Выясняя путь Наохама из Пакистана, старый араб пошел не по тому следу и вывел Асю на тезку мудреца.

– Когда вы там были? Сколько лет прошло? – ухватилась она за ниточку.

– Около десяти.

– Сходится! Десять лет назад, когда еще ашрам стоял, старик отвез Наохама из Туниса в Исламабад.

– Нет, я не был в Тунисе. В Исламабад я прилетел из Тель-Авива.

– Да я не про вас, я про настоящего! – отмахнулась Ася и тут же спохватилась. Как грубо! И, чтобы замазать неловкость, быстро добавила: – Вспомните, был ли там, где вы обучались, другой Наохам?

– Не было там Наохамов, – проворчал мужчина. – Но вы же понимаете, это вымышленное имя. Слова условны, вы можете назваться, как хотите. Паспортов у нас не спрашивали. Я тоже от рождения никакой не Наохам. Может, я и встречал того, кого вы ищете, но знал его под другим именем. Как он выглядел?

– Ах если бы я знала, – понурилась Ася. – Есть только

видеозапись, на которой он снят со спины. Да и та довольно старая. В таком преклонном возрасте, как у Наохама, фигура и голос могут меняться.

Молодой Наохам задумчиво помычал.

– Сколько ему было лет, говорите?

– Больше ста, – Ася глянула на своего собеседника и попросила: – Только, пожалуйста, не надо говорить, что он уже должно быть помер.

– Может и не помер, – успокоительно ответил мужчина. – Был у нас один старичок, припоминаю. Молчал все время, так что не знаю, мудрец он или глупец. Хотя судя по тому, что молчал, наверно все же мудрец.

Забрезжила надежда.

– У вас есть идеи, как его найти? – спросила Ася.

– То есть мой ответ на ваш вопрос вас не устроил, – с сарказмом заметил мужчина.

– Ваш ответ прекрасен, – проникновенно сказала Ася, – Но мои поиски еще нельзя считать оконченными. Ведь мне нужно задать вопрос именно Наохаму. Тому самому. Старому.

– Я понял, – кивнул он. – «Настоящему».

– Пожалуйста, не обижайтесь, я не то имела в виду, – взмолилась Ася, но мужчина лишь улыбнулся.

– Я не собираюсь на вас обижаться. Я хочу вам помочь. Нет уверенности, что тот старичок и есть ваш мудрец, однако давайте попытаемся его отыскать. Я ездил в Пакистан

не в одиночку, меня сопровождал мой тогдашний наставник. Насколько мне известно, он до сих пор держит связь с Учителями в Пакистане и все еще отправляет туда людей. Он и сам пакистанец, живет в Израиле. Если честно, прохвост тот еще.

Ася вытаращила глаза: странно было слышать такие выражения в адрес наставника.

– Удивлены? – прокомментировал Наохам-младший, – Что ж, я называю вещи своими именами. Вот мое имя, например, Наохам, а моего прошлого учителя можно назвать прохвостом.

Он рассмеялся над Асиным смущением.

– Люди меняются, что поделать. Главное, не обольщаться ни на чей счет. Особенно на свой!

Он достал телефон и начал искать номер.

– Мы расстались на хорошей ноте, я вполне могу ему позвонить с вашей просьбой. Только не удивляйтесь, если за свои услуги он попросит плату.

– Какую плату? – не поняла Ася. – Вы про деньги?

Наохам-младший промолчал: он уже набрал номер и ждал ответа с трубкой у уха. Дозвонившись, быстро заговорил на иврите и вышел в соседнее помещение.

Ася развалилась на диване и закрыла глаза.

Надо же, не тот Наохам! А как она волновалась, репетировала свой вопрос. Еще и ненастоящим Наохамом обзывалась.

Стало смешно. Жизнь так непредсказуемо шутит с ней! Ася чувствовала себя мышкой в лабиринте под любопытными взглядами наблюдателей, но это не причиняло обиды. Все чаще она ловила себя на том, что расслабляется, отдается на волю волн и начинает действовать лишь тогда, когда это на самом деле нужно.

Как будто вокруг нее разворачивается игра с очень сложными правилами, а она, Ася, действует только тогда, когда наступает ее ход.

Например, сейчас, в то время как за стенкой решается ее судьба и от исхода телефонных переговоров, возможно, зависит результат ее путешествия, она не вслушивается в беседу, не пытается ни на что повлиять. Она просто пользуется минуткой отдыха, уступив ход новому игроку. Зачем нервничать и напрягать слух, пытаясь по обрывкам фраз понять течение разговора? Через несколько минут она и так все узнает. А пока можно вдыхать аромат благовоний и чувствовать на лбу мягкий ветерок, пробирающийся в комнату из открытого окна.

Наохам-младший вернулся в комнату немного раздосадованным.

– Нахвтался еврейства, продажная душонка, – ругался он себе под нос.

– Не вышло? – спросила Ася.

– Вышло, вышло, – успокоил он. – Знает он вашего старца,

и где его искать, тоже знает.

– Ура! – Ася хлопнула в ладоши, – И где?

– В том-то и дело, что вам придется отработать информацию. Этот человек ничего не делает просто так! Прикрывается красивыми словами о карме и вознаграждении, а сам только и думает, как бы не просчитаться и ненароком не помочь кому-нибудь даром!

Ася подождала, пока мужчина выговорится.

– Чего же от меня хотят? – спросила она.

– Вам нужно ехать в Черногорию, отыскать там одного человека и отправить его в Тель-Авив.

– Звучит сложно, – протянула Ася. – Как видите, искатель людей из меня никакой.

– Других вариантов нет, – развел руками Наохам-младший. – Я дам вам координаты, откуда начать поиски. Это не должно занять много времени. Отыщете нужного человека, купите билет, посадите его в самолет, и как только он окажется в Тель-Авиве, получите адрес своего старца.

– Прямо адрес? – засомневалась Ася. – Этот ваш наставник точно знает, где сейчас живет Наохам?

– Говорит, что знает. Я так понимаю, выбирать вам не из чего, – справедливо заметил он. – Если у вас есть другие варианты, лучше используйте их.

– Нет у меня других вариантов... – ответила Ася.

– Тогда выбор очевиден. Раз уж вас не устроил мой секрет счастья, – вредным голосом добавил мужчина.

Они посмеялись, Наохам-младший вручил ей сложенный пополам листок и проводил во двор.

– Здесь все, что нужно: имена, инструкции, мой номер телефона. Я написал все на английском, вы же читаете на этом языке? Как закончите, свяжитесь со мной.

– Но что мне делать, если этот человек не захочет в Тель-Авив? – вдруг спохватилась Ася. – Я ведь даже не знаю предыстории! Что я должна ему сказать, чтобы он последовал за мной?

Наохам тепло посмотрел на нее.

– Уверен, что вы найдете верные слова. Я понятия не имею, кого и зачем вы должны привезти. И если честно, совсем не хочу снова ввязываться в возню и интриги. Может, этот человек вас ждет. А может, он забрался в Черногорию не просто так, а скрываясь от кого-то. Будьте готовы ко всему. Я помолюсь за вас, – пообещал он на прощание и закрыл калитку.

– Спасибо и на этом, – вздохнула Ася, разворачивая записку.

На первой строке красовались имя и фамилия, подчеркнутые двойной линией. Семен Гуревич. Видимо, так зовут человека, которого Асе предстоит найти. Русский, что ли?

Ниже значился адрес, телефон и еще несколько имен. В нижнем углу цифры: номер Наохама. Увы, не того Наохама. Другого, молодого.

Предстояли хлопоты.

Хорошо, когда есть палочка-выручалочка по имени Инга.

Глава 17

Прилетев в Черногорию, Ася первым делом позвонила подруге. Она озадачила Ингу своей проблемой еще в Израиле, и теперь надеялась получить координаты Гуревича.

– Все складывается просто идеально, – жизнерадостно трещала телефонная трубка. – Мой дядя три года жил в Черногории, оброс связями, у него там знакомый живет, Эрик какойтович. И слушай! Соль в том, что он знает, где искать твоего дядьку, представляешь?

– Какого дядьку? – не поняла Ася. – Наохама?

– Да нет же, с Наохамом ты как-нибудь сама! Я про этого перца, которого нужно в Тель-Авив отправить!

– Гуревича? И где же его искать?

– Он тебе это и расскажет! Поговоришь с ним завтра, как раз успеешь добраться до его города на поезде. Я посмотрела в интернете: поезд отходит через три часа и приходит на рассвете к станции, где тебя будет ждать дядин друг.

– А что так сложно? – удивилась Ася. – Сразу адрес у него спросить нельзя?

– Да ты что, это и так большая удача, что мы нашли ниточку, – как будто обиделась подруга.

Схема выглядела слишком запутанной. У Инги дядя, у дяди знакомый, знакомый встретит на станции и скажет, куда ехать за Гуревичем. Ася помотала головой: после перелета

соображалось туго.

– Зачем беспокоить людей? Я найду к нему, может?

– Да что за беспокойство, это же знаменитое средиземноморское гостеприимство! – заверила Инга. – Им всем это только в радость: подвезти, принять гостей. . .

Ася скептически огляделась: толстая цыганка устало перебирала тряпки в необъятном бауле, два загорелых подростка быстро прошли мимо, безучастно скользнув по ней взглядом, высокая брюнетка в дверях капризно отчитывала кого-то невидимого, залитого солнцем. Местную гостеприимность ее московская подруга явно переоценила.

– И потом, ему все равно завтра уезжать с этого же вокзала, на который ты приедешь! – продолжала Инга. – У вас будет минут пятнадцать до его поезда. А уезжает он, между прочим, на полгода куда-то на север, в глушь, в горы. Говорю же: везет тебе сказочно! Только представь, какое совпадение! Приехала бы ты на день позже – и все, ниточка оборвалась, где искать твоего Гуревича?

Ася начала проникаться оптимизмом подруги. Говорят, если все идет как по маслу, значит, движешься в верном направлении. Вдохновленная помощью вселенной, Ася поймала такси и отправилась на вокзал. Ехать было недолго, и уже через полчаса Ася стояла у кассы железнодорожного вокзала.

– Последний билетик! – приветливо улыбнулась кассирша, протягивая сдачу и глянцевого многообещающего билет.

Похоже, за верное дело взялась, раз все так гладко, порадовалась Ася. Она незаметно постучала по деревянной обшивке стены, вышла на душную улицу и села на скамейку.

Незнакомый «дядин друг» представлялся ей пожилым добряком с густыми усами и в коричневом берете. Воображаемый портрет дополнялся телегой, запряженной тощей кобылой, и непоседливым белым в рыжих пятнах псом, но эту фантазию Ася отбросила.

После поезда у нее будет четверть часа на поиск Эрика какойтовича – вполне достаточно, чтобы узнать его на малолюдном в предрассветный час перроне и получить заветный адрес.

Всю жизнь Ася мучительно боялась опоздать на поезд или самолет. Дорожная лихорадка охватывала ее уже за сутки до отъезда, а в последние пять часов становилась вовсе нестерпимой. Бытовые дела замирали, все «здешние» заботы откладывались до возвращения, которое казалось таким же призрачным, как начало нового учебного года в первый день каникул.

Прибыть на вокзал за три часа до отправления было для Аси не просто нормой, а необходимостью – все равно она не жила это время, а лишь существовала в волнительном ожидании.

Не то что ее покойный жених. Всегда было странно слышать, как он назначает встречи в день отъезда. Для Валеры время было ручным зверьком: он с легкостью жонглиро-

вал минутами, распорядился ими в свое удовольствие, легко вписывая в какие-нибудь полчаса несколько дел, совершенно не боясь опоздать.

Для Аси же время было властелином, злым волшебником. Стоило отвернуться, как он переводил стрелки далеко вперед, и вот только что был в запасе целый час – а она уже опаздывает.

Поэтому Ася предпочла не удаляться от вокзала, хоть билет был уже на руках, а до поезда оставалось больше двух часов. Она раскрыла журнал, случайно прихваченный из самолета, и принялась рассеянно перечитывать скучную статью.

Когда до отправления осталось двадцать минут, Ася неспешно поднялась, стряхнула с брючины приставший сухой листок, потянулась и отправилась на перрон. Поезда пока не было. Перрон уже погрузился в тень от здания вокзала, за которое завалилось солнце. В чистейшем небе чертил белую линию далекий самолет.

Наверняка поезд проходной, приедет ровно ко времени, указанному на билете. Она еще раз сверила время на билете, наручных часах, телефоне и даже вокзальном циферблате. Совпадает. До поезда чуть больше пятнадцати минут.

Ася медленным шагом прошла до конца платформы и обратно. Снова глянула на все часы. Прошлась повторно.

Единственное, что не давало покоя, это отсутствие людей. Да, городок здесь тихий, но неужели на этот поезд не претендует ни один пассажир? Кто тогда скупил все билеты, ес-

ли ей, как сообщила кассирша, достался последний?

Ася начала волноваться. До отправления поезда осталось девять минут. Безлюдная станция, пустые рельсы, тишина и благодать на удивление теплого вечера.

Асю охватила паника.

Сжав билет в кулаке, она кинулась в кассы. Перед окошком никого, но и за ним тоже пусто. Она нетерпеливо постучала по дребезжащему стеклу. По ту сторону появилась кудрявая голова. Женщина, медленно дожевывая, недовольно подошла поближе. Ася затрясла билетиком:

– Откуда отходит этот поезд? – спросила она.

Кассирша напялила очки и пригляделась. Подняла непонимающие глаза на Асю.

– Да, сейчас уходит, – некстати закивала она. И показала неразумной туристке на большие часы над входом.

– Откуда? – отдельно повторила Ася. – Где поезд? – в отчаянии добавила она, будто говоря с трехлетним дитя.

– А, – понимающе заулыбалась кассирша, – Перрон номер двенадцать.

– Ага, – кивнула Ася, втягивая обратно руку со своим билетом и приготовившись бежать.

– Двенадцать, – повторила ей в спину кассирша. Она, видно, была доброй женщиной. Возможно, даже отличалась тем самым черногорским гостеприимством. Поэтому добавила: – С другой стороны вокзала, указатель перед входом.

Ася кивнула на ходу, выскочила из дверей и сразу увидела

указатель. Железный столб с огромными стрелками наверняка стоял тут и два часа назад. Коря себя за ненаблюдательность, Ася судорожно стала искать нужную надпись. «Перроны 1-6», «Перроны 7-11», «Туалеты», «Такси», «Администрация». Перрон номер двенадцать вынесен на отдельную стрелку и направлял совсем в другую сторону, не туда, куда смотрел основной пучок указателей. Ася проследила взглядом путь: никакого перрона видно не было, а это означало, что бежать предстоит далеко. И она побежала.

В несколько огромных шагов пролетев вдоль вокзала, Ася завернула за угол, проскочила узкую дорожку между цветущими кустами. К вечеру южные цветы усиливают благоухание, но Ася мечтала услышать только один аромат: запах рельс и ожидающего ее поезда.

Кусты расступились, и дорожка уперлась в строительные ограждения. Полосатая лента крест-накрест преграждала путь, из земли торчал знак с изображением человечка, падающего на осыпающихся камнях. Стрелка рядом указывала обход – далеко, долго, не успеть. Ася стояла на высоком холме, а нужная ей двенадцатая платформа располагалась у его подножия. Там, внизу, на блестящих путях стоял поезд. Наверняка тот самый Асин поезд, в который уже погрузились пунктуальные пассажиры, и только несколько провожающих стучали в окна, кривлялись и махали счастливым, вовремя занявшим свои места.

Катастрофа! Вот-вот уйдет поезд, на который опаздывать

нельзя! Недаром Инга предупреждала, что у Какоей Эриковича будет всего пятнадцать минут перед тем, как он навсегда затеряется в бесчисленных Черногогорских горах!

Ася еще раз глянула на падающего схематичного человечка, пробормотала «я буду осторожней» и нырнула под ограждающую ленту.

Склон был крутым и длинным. Придерживаясь за ломкие кустики и сухие колоски, Ася спускалась по крошащейся земле. Поезд призывно гуднул, она дернулась, потеряла опору и понеслась вниз, поддаваясь силе притяжения земли и заветного перрона.

«Если быстро бежать, – проносилось у нее в голове, – то не упадешь». Впереди рос невысокий кустарник, в который Ася с треском вломилась, ухватилась за ветки, чтобы притормозить, и взвизгнула: колючки! Внизу копошились фигурки в рабочих робах. Как по команде, все подняли голову – услышали. Увидев ее, человечки забегали, приветственно замахали ручками, мол, давай, не дрейфь, если что, мы тебя поймаем.

Вдохновленная теплым приемом, Ася оторвалась от колючих кустов, махнула работягам в ответ и тут же ухнула по склону вместе с осыпающимися камнями. Здесь почва была еще менее прочная, чем наверху, и Асю неумолимо несло вниз. Больше скользя, чем шагая, Ася подлетела к обрыву, на долю секунды задержалась на ломком крае, успев оценить то, что ждало внизу: огромная лужа из размокшей глины и

серой грязи, разрытая стоящим тут же экскаватором. Ася передумала спускаться, но пласт земли под ногами хрустнул, и через секунду она плюхнулась в самый центр котлована. Неглубоко, невысоко, но очень обидно.

Работяги, которые отсюда, из лужи, уже совсем не казались игрушечными фигурками, криками выражали сочувствие и неодобрение. Кое-как поднявшись, скользя и отряхивая комья грязи, Ася заковыляла к поезду. Ей подали руку и посадили на платформу.

– Спасибо, – кивнула она своим помощникам, стесняясь поднять глаза. – Зато на поезд успела! – зачем-то по-русски добавила она.

Под брезгливым взглядом проводницы зашла в вагон, на ходу стаскивая грязный и мокрый рюкзак. И билет не потеряла, успокаивала она себя. Еще совсем чуть-чуть, и этот казус я буду вспоминать с чашечкой ароматного чая в своей милой, теплой и, главное, сухой, абсолютно сухой московской квартирке.

Осталось всего четыре шага. Получить адрес Гуревича от дядьки на станции, отправить Гуревича в Израиль, получить в ответ адрес Наохама и прийти, наконец, к мудрецу.

Поезд дернулся. За окном побежали столбы, мелькнули работяги, злосчастная гора с желтым зданием вокзала на вершине, зачастили деревья и безликие постройки, и Ася отправилась в туалет переодеваться. Лужа-то наверняка еще хранит очертания ее русской попы, усмехнулась она. И рабо-

тягам будет о чем побалагурить сегодня с семьей за ужином. «Эй, Марта, представь, какая чудачка у нас сегодня приземлилась прямо в грязь!» И дети начнут радостно хихикать, глядя на оживленного отца, а за окнами будет сгущаться очередная душная и душистая черногорская ночь.

Глава 18

Поезд прибыл в три часа ночи. Зевая и ежась в сырых джинсах, Ася вышла на перрон. К ней сразу поспешил человек в шуршащей куртке.

Он улыбался и что-то ей говорил. Ася не понимала ни слова.

Екнуло в груди: что если ее дар исчез так же внезапно, как и появился?

Сонливость мигом слетела, Ася прислушалась и поняла: мужчина сильно заикается. Искаженная речь на неродном языке воспринималась непросто. Ася решила взять коммуникацию в свои руки.

– Вы Эрик? – спросила она.

Тот кивнул и снова заговорил. Ася напрягла слух и взмолилась всем богам, чтобы понять своего собеседника.

Она не знала, как работает ее лингвистический дар. Обычно Ася просто слушала, и понимание рождалось прямо в ее голове. Она не переводила каждое слово, просто знала, о чем ей говорят. При этом она даже могла думать о посторонних вещах – или молиться, как сейчас.

Пять минут спустя Ася поняла, что Эрик ведет с ней обычную пустую болтовню. Он что-то рассказывал про свои планы углубиться в центр страны, передавал привет Ингиному дяде и вспоминал золотые годы.

– Вам ведь скоро уезжать? – перебила его Ася.

– Да, поезд через семь минут, – заулыбался он.

Так что ж ты резину тянешь, ругнулась про себя Ася.

– Дадите адрес Семена Гуревича? – спросила она с места в карьер.

Дядька полез в карман и выудил карту, исписанную стрелочками. На полях был продублирован адрес.

– Телефон на обороте, – пояснил Эрик.

К слову, он совсем не был похож на ямщика в коричневом берете, каким его рисовало Асино воображение. Обычный дядька, носатый, лысоватый. Невзрачный.

– Я побоялся посылать вас по ложному следу, – прозаикался он. – Поэтому потратил вчерашний вечер на уточнение информации. Этот адрес верный, я звонил, спрашивал. Гуревич точно там, я беседовал с ним только вчера. Сказал, что от меня приедет девушка, просил ее принять. Это я вас имел в виду.

Невзрачность дядьки таяла на глазах. Под шуршащей курткой как будто даже блеснули рыцарские доспехи.

– Спасибо вам за такой добросовестный подход! – Ася чуть не прослезилась.

– А как иначе, – ответил Эрик. – Нельзя же посылать человека неизвестно куда.

В последнее время все так и поступали: отправляли Асю неизвестно куда.

– Я думал, что Гуревич живет здесь, недалеко от этой

станции. Потому и попросил вас приехать сразу сюда. Я же сам из другого города, – он махнул куда-то вдаль. – Оттуда и собирался уезжать, а тут вы. Ну, думаю, ничего страшного, поеду не из дома, а от Гуревича. Переночую у него, а утром он меня подвезет к поезду, а вас заберет.

– Так вы сделали крюк и изменили свои планы ради меня? – поразилась Ася.

Это не доспехи сияют, это навверное нимб подсвечивает. Или так проявляется знаменитое черногорское гостеприимство?

– Ну да, – скромно пожал Эрик плечами. – Приехал, а Гуревича, оказывается, нет давно, только дочь его тут. Пока его вызванивал и уговаривал вас принять, вы уже были в пути. Так бы я вас, конечно, остановил, и вам не пришлось бы сюда впустую ехать.

– Я приехала не впустую, – растроганно ответила Ася и помахала картой.

Падение в лужу и бессонная ночь в поезде стоили того, чтобы вживую увидеть человека такой большой души.

Подошел поезд, и Эрик уехал. Напоследок он успел подробно объяснить, как добраться до нужного Асе адреса. Уже к полудню она была на месте. Асю усадили в садике и накормили до отвала. Никто из милых хозяев не знал о причине ее визита, но с расспросами не лезли.

Семен Гуревич оказался импозантным мужчиной лет семидесяти. Он курил, пил лимонад и глядел, как над живой

изгородью резвятся воробьи.

Ася понятия не имела, как подступиться к нему с просьбой отправиться в Тель-Авив.

– И ка-а-ак упаду в эту глубокую лужу со всего размаха! А поезд-то ждать не будет. Так я и побежала, мокрая, грязная, вся в глине и цементе, – закончила Ася под общий добродушный хохот.

Они сидели на веранде после ужина. В доме были гости: семейная пара с девочкой-подростком и мальчиком лет пяти. Малыш сразу взгромоздился Асе на колени и принялся рассказывать о том, как проходят его малышовые дни, но Ася не могла разобрать его лепет и только ласково улыбалась.

Атмосфера была спокойной и домашней. У Аси складывалось впечатление, что люди во всем мире более уравновешенные и как будто умеют жить лучше, чем она и ее друзья в Москве. Тунис, Израиль, Черногория – все эти страны были такими разными, но кое-что их объединяло: человеческая нормальность. Конечно, не с точки зрения психолога, один только дед Низар чего стоит – нет, нормальность в смысле отношения к жизни. Все эти арабы, евреи и черногорцы умели жить нормально. Без надрыва и лишних трагедий. Без спешки и гонки.

Они так же, как и знакомые Асе москвичи, стремились к достатку и утолению страстей, но при этом как будто знали

что-то более важное. Они могли вот так уютно и радостно сидеть на веранде теплым вечером и весело смеяться рассказу незнакомой девушки, которую доверчиво впустили в дом. Словно их всех с детства учили какой-то мудрости, которая известна во всем мире, только вот до России не дошла.

Может, дело в том, что Москва – бешеный мегаполис, а во время своего путешествия Ася останавливалась в маленьких городках, где и темп другой, и люди не пуганные? Так успокаивала она себя, прихлебывая чай из широкой кружки и неспешно повествуя о своих дорожных приключениях.

– Так значит, вы просто путешествуете? – спросили Асю.

– Не совсем так, – ответила она. – Я ищу одного человека. Это очень старый мудрец по имени Наохам. Поговаривают, что он знает ответ на все-все вопросы в мире!

Слушатели притихли, как будто Ася начала рассказывать сказку на ночь. Девочка что-то жевала, не сводя с иностранной гостьи расширенных глаз. Даже малыш на коленках перестал вертеться.

И Ася заговорила голосом великой сказочницы.

– Давным-давно люди утратили рецепт счастья. Все, что бы они ни делали, не приносило им удовлетворения. Им казалось, что они проживают пустые, безрадостные, чужие жизни.

Девочка перестала жевать. Гуревич выпустил кольцо табачного дыма.

– И жил-был мудрец, старый, но умный. Звали его Нао-

хам. Было ему сто тридцать лет или даже больше. Наохам был так мудр, что мог дать ответ на совершенно любой вопрос. И люди стали приходить к нему со своими вопросами, и Наохам на них отвечал. Вот ты, – обратилась Ася к девочке, – Что бы ты спросила у Наохама?

Девочка пожала плечами, и Ася продолжила.

– Люди не умели спрашивать правильно. Они не знали вопросов, ответы на которые сделали бы их счастливыми. Поэтому они приходили к Наохаму со всякой ерундой. То как жену вернуть, то как сына на работу пристроить.

Взрослые хихикнули.

– Утомился Наохам. И исчез.

– Как исчез? – спросила девочка.

– В том-то и главная тайна. Никто не знает, как он исчез и, главное, куда. Просто однажды люди пришли со своими мелкими вопросами, а Наохама нет! Опомнились тогда люди, попадали на колени, стали волосы рвать на голове и всех доступных местах.

Гуревич хмыкнул.

– Поняли они, что мудрость была доступна им, а они ей не пользовались. Наконец-то они смогли сформулировать главный вопрос, который следовало бы задать Наохаму. Единственный вопрос, на который стоит получить ответ. Как им стать счастливыми.

Ася допила чай, и хозяйка поспешила снова наполнить ее чашку.

– Но Наохама уже и след простыл. Так и остались глупые люди несчастными.

Слушатели пришли в восторг и даже поаплодировали Асе. Гуревич тоже похлопал.

После чаепития хозяйка дома проводила гостей и вернулась на веранду.

– Ася, вы прирожденный рассказчик, – похвалила она. – Таковую красивую историю сочинили! Мудрец, вопросы...

– Но я ничего не сочиняла, просто немного приукрасила, – возразила Ася. – Наохам действительно существует, и я на самом деле ищу его. Это и есть цель моего путешествия.

– Да что вы, – всплеснула руками женщина. – И зачем он вам? Чтобы задать вопрос?

– Ну да, – пожала Ася плечами. – Зачем же еще.

– И что вы хотите у него спросить, если не секрет?

– Нет, не секрет, – ответила Ася. – Я же рассказала обо всем. Хочу получить рецепт счастья!

Хозяйка переглянулась с Гуревичем.

– Бедная девочка, – с состраданием воскликнула она. – Вы несчастны?

Ася сделала глубокий вдох. Здесь тоже искренне не понимали цели ее поисков. Еще одно доказательство того, что весь мир знает что-то, что Асе рассказать забыли.

– Мы все несчастны, – философски ответила она.

Хозяйка выпрямилась.

– Я, к примеру, очень счастлива, – гордо заявила она.

– Да и я не жалуясь, – добавил Гуревич.

Оказавшись в меньшинстве, Ася беспомощно развела руками.

– Знаете, – сказала она, – В своих поездках я слышу это довольно часто. Так, может, вы поделитесь со мной секретом вашего счастья?

– Пожалуй, я спать, – некстати объявил Гуревич, поднялся из скрипучего кресла и скрылся в доме.

Хозяйка проводила его взглядом.

– Мужчины такие вещи обсуждать не любят, – заговорщически пояснила она. – Мало кто думает о том, почему он счастлив. Вот когда вам плохо, то да, начинаете искать причины и следствия. А счастливый человек разве будет задумываться о таком? Ведь счастье пугливо, начни в нем ковыряться, подойди к нему со скальпелем и лупой – тут же упорхнет!

Ася уважительно посмотрела на женщину. Хотелось похвалить глубину метафоры, но Ася не помнила таких слов на сербском.

Она помогала убирать посуду, когда хозяйка спросила:

– Ваш Наохам сейчас в Черногории?

– Я не знаю, где он, – призналась Ася.

– Но разве вы здесь не в поисках мудреца? – удивилась женщина.

Ася замялась. Отличный момент, чтобы открыть цель своего визита. Хозяйка выглядит доброй, вероятно, посоветует

что-нибудь. А с другой стороны, вдруг сейчас начнутся крики протеста, и Асю выставят за дверь? Как потом вернуть расположение Гуревичей?

Или может, у Семена в Израиле какие-то свои дела, о которых остальные знать не должны?

– Если честно, я надеялась, что ваш супруг поможет мне, – обтекаемо ответила Ася.

– Сема? – поразила женщина. – Какие странные фантазии. Но вы спросите его утром. Может, он что-нибудь и подскажет.

Когда Ася проснулась, дом пустовал. Большое блюдо с домашними булочками было заботливо укрыто полотенцем. Ася налила себе компоту и вышла в сад.

Там, укрывшись пледом, дремал Гуревич. Услышав Асю, он открыл глаза.

– Жена сказала, вы рассчитываете на мою помощь в поисках старца.

– Да, это так, – подтвердила Ася.

– И что я, по-вашему, должен сделать?

– Семен, – начала она. Без отчества было как-то неудобно, но она продолжила: – Я приехала сюда с определенной целью. Я должна увезти вас в Тель-Авив.

Глава 19

В Тунисе Ася была как на ладони. Дима знал о каждом ее шаге. Ничего подозрительного не происходило: она не отлучалась, не скрывала своих телефонных разговоров и, казалось, даже не врала. Он нашел в ее вещах визитку той пронырливой журналистки, но не мог решить, означает ли это, что Ася замешана в расследовании российских убийств.

Когда Ася упомянула о каком-то деле, он предложил сопроводить ее и приготовился услышать отказ. Но она приняла его помощь благодарно и без тени смущения. Ася отлучилась всего на десять минут, и Дима ломал голову, с кем и зачем она встречалась. С кем она связана здесь, в Тунисе? С репортерами? Полицией? Царем Горы?

Конечно, он и виду не подал, что интересуется ее делами. Дождался ночи и вернулся по адресу, куда днем подвез Асю.

В доме уже спали, свет сочился из стоящего неподалеку сарая. Дима направился туда. Среди хлама, в клубах сигаретного дыма он не сразу разглядел старика. Тот полулежал на диване и просматривал газету. Дима подошел ближе и поздоровался.

– Прием окончен, – сказал дед по-французски, не отрываясь от чтива.

– Для меня ты сделаешь исключение, – с угрозой ответил Дима.

Старый араб поднял глаза и скорчил насмешливую гримасу.

– И в чем же ты такой особенный?

Дима подскочил к дивану и резким движением схватил старика за горло. Тот испуганно захрипел.

– Сегодня днем здесь была русская девушка. Какие у вас с ней дела?

Дед тарачил глаза и мям газету. Он даже не пытался освободиться. Дима тряхнул его.

– Говори, а то придушу!

– Она ищет Наохама, – просипел старик.

– Кого? – переспросил Дима.

– Наохам. Мудрец такой. Она хочет поговорить с ним.

Дима отбросил старика, и тот сполз на подушки.

– Ася ищет какого-то мудреца? И только-то? – он не мог поверить услышанному. – Ради этого приехала в такую даль?

– Наохам великий человек, беседа с ним может изменить жизнь.

Араб как будто оправился и вернулся к привычной надменности.

– Правда? – с подозрением спросил Дима. – Интересно, что же такого он говорит, что люди не ленятся пролететь полмира.

– Ты этого никогда не узнаешь! – заявил дед.

– С чего это? – возмутился Дима. И с угрозой добавил: – Ну-ка рассказывай все, что знаешь. Все, что сказал Асе. Ина-

че эта ночь станет последней в твоей вонючей жизни. Я не шучу.

Старик хотел было возразить, но глянул на Диму и подчинился. Глубоко затягиваясь сигаретой, он выложил все, что произошло. Про то, как неделей ранее Ася появилась на его пороге, а он прогнал ее, про ураган, Асино упорство и смирение, которые убедили старика прийти на помощь, ведь она идеально подходила под описание, оставленное Наохамом в своем послании.

– Что еще за послание? – вскочил Дима. – Дай его мне!

– Зачем тебе это все? – спросил дед. – Полчаса назад ты даже не знал о существовании мудреца. Что ты хочешь найти в этом послании?

– Не твое дело, – разозлился Дима и показал кулак. – Делай, что говорю!

Араб тяжело вздохнул и поднялся. Достал свиток, подал его Диме.

– И что дальше? – проговорил он. – Здесь нет адреса. Тебе все равно Наохама не найти.

– Нет адреса? – Дима нетерпеливо развернул бумагу. Арабские письма. Он скомандовал: – Прочти мне все, что тут написано. И учти, я завтра покажу это переводчику, и если выяснится, что ты наврал мне хоть в одном слове, я вернусь и пришью тебя и всех, кто живет с тобой.

Старик принялся переводить.

Когда араб закончил читать, в сарае воцарилась тишина. Только мыши возились по темным углам.

– Что из этого известно Асе? – спросил Дима.

– Лишь описание ищущего, достойного найти Наохама.

– Вся эта лирика про терпение, стойкость и божью помощь? И все?

Старик кивнул.

Дима засмеялся и погрозил ему пальцем.

– А ты хитрый старикашка, – сказал он. – Столько туману напустил, а главного ей не сказал!

– Я сказал то, что ей нужно было знать, – ответил дед.

– Ладно, мне это только на руку, – развеселился Дима. – Видишь, старик, в нашем мире все решает грубая сила. Я не подошел под эти ваши критерии, а всю информацию получил по щелчку пальцев! Я ль не молодец?

– Насилие плохой путь. Тебе это еще отзовется.

Дима в ярости подлетел к старику и ударил его по лицу. Он не выносил нотаций.

– Обойдемся без нравоучений, папаша. Куда ты направил Асю?

Дед схватился за ударенную щеку и слезящимися глазами уставился на Диму.

– Я обещал выяснить, где сейчас Наохам. Она ждет моего звонка. Но я пока сам не узнал этого.

– Знаешь, я довольно молодо выгляжу для своих лет, – задумчиво сказал Дима. – На самом деле я достаточно опытен,

чтобы понять, когда мне врут. Ты врешь мне. Тебе известно, где Наохам.

– Что? Нет! С чего ты взял! – залепетал старик, но Дима ударил его снова.

Сила и власть над этим беспомощным человеком опьяняла, и он бил его просто так, без надобности. Так хотелось размяться!

– Ладно, ладно, я знаю, я скажу! – взмолился дед после четвертого удара.

Дима отступил.

– Наохам в Израиле, город Эйлат! Ася еще этого не знает, я не успел ей сообщить! Если хочешь, я ей ничего и не скажу. Только оставь меня в покое!

По лицу старика текли слезы. Он жалко утирал их рукавом, размазывая кровь.

– Ну надо же, – с удивлением заметил Дима. – Вообще-то я блефовал. Не умею я отличать вранье от правды. Я думал, что ты действительно не знаешь, где искать этого мудреца.

– Зачем тогда ты меня бил? – плаксиво протянул старик.

– Не знаю, – пожал он плечами. – По наитию. Как будто интуиция мне подсказала не отставать от тебя. Может, это бог мне помогает в поисках великого мудреца?

Дима расхохотался своей шутке, нагнулся к старику и вытащил из его нагрудного кармана коробок спичек.

– Я одолжу это? – доверительно спросил он.

Араб со страхом наблюдал за его действиями.

Дима подошел к стеллажам, где стояли разнокалиберные канистры. Взял самую большую, взвесил ее в руке, скорчил значительную гримасу: тяжело, увесисто.

– Что у нас тут, бензин? – он открутил крышку и нюхнул. – Точно! Моя интуиция сегодня просто бьет все рекорды.

– Что ты собираешься делать? – испуганно закричал дед.

– Устроим костерок! – ответил Дима и стал поливать пол бензином.

Старик вскочил и рванулся к выходу. Но Дима оказался проворнее: в одну секунду догнал беглеца и отбросил на диван.

– Сидеть здесь! Молча! – приказал он. – Я могу убить тебя, ты что, не понимаешь? Я даже не знаю, какое орудие убийства выбрать. Глаза разбегаются: твой сарай – настоящий оружейный склад! Тут и ножи, и топоры, а вон на стене висит, что это, секира?.. Но я добрый человек, поэтому оставлю тебе шанс выжить. Если не будешь мне мешать. Ты ведь не будешь мне мешать?

Дед медленно покачал головой.

Дима равномерно полил бензином пол, обрызгал стены, выплеснул остатки на диван и старика. Затем неспешно вышел на улицу и оглядел дверь. Вернулся, покружил по сараю. Подхватил увесистую балку и молоток, из небольшой баночки выудил четыре гвоздя.

– Ну, спасибо за прекрасный вечер, – сказал он с порога. – Если ты выживешь, я надеюсь на твое молчание. Иначе я

обязательно вернуться в вашу гостеприимную страну!

Он чиркнул спичкой и бросил ее в бензин. Взметнулось яркое пламя. Старик поднялся с дивана и захромал к выходу. Споткнулся, упал, пополз на четвереньках.

Дима захлопнул дверь, прижал к ней балку и вбил гвозди, заблокировав выход. Дед стонал и слабо тарабанил изнутри. Дима обернулся на дом: окна темные, все спят. Снаружи огня пока не было видно.

Он покинул двор, сел в машину, завел двигатель. Посидел минуту. Все было тихо, словно в нескольких метрах отсюда никто и не сгорал заживо. Дима проверил свиток за пазухой: послание было цело.

Он бросил прощальный взгляд и порулил домой.

Глава 20

– Тель-Авив? Какая глупость. Простите, я никуда с вами не поеду.

Гуревич оборвал разговор и скрылся в доме, не оставив Асе возможности уговорить его.

Да Ася и не знала, что сказать. Как убедить человека бросить все и отправиться в другую страну, ничего не зная ни о нем, ни о цели поездки?

Было неловко оставаться, и Ася пошла в парк.

Она устроилась на скамейке и принялась задумчиво листать свои записи. В блокноте смешались географические названия и имена, телефоны людей, когда-либо слышавших о Наохаме, и рисунки, которыми она забавлялась в бесчисленных поездах и залах ожидания. Вспомнилась женщина в автобусе из Тель-Авива, и Ася стала вспоминать все истории, рассказанные ей случайными попутчиками. Коллекционирование рассказов о чужом счастье стало своего рода хобби. Может, когда-нибудь она выпустит сборник путевых заметок с этими откровениями. Ведь каждое из них – настоящее сокровище. Эти короткие исповеди скрывали за собой целые жизни...

Кто-то плюхнулся рядом с ней на лавку, и Ася бросила недовольный взгляд. Утром парк был довольно свободен, неужели обязательно быть настолько бесцеремонным, чтобы

усесться рядом с незнакомым человеком, да еще так близко?

Это была подтянутая женщина в спортивных лосинах и кроссовках. Она подняла ногу и стала, кривясь, массировать щиколотку.

– Подвернула, – виновато пояснила она.

Ася сочувственно кивнула и прикрыла блокнот. Пересаживаться на другую скамейку было неловко, но и скрыть недовольство не получилось. Незнакомка словно читала мысли.

– Помешала вам? – понимающе спросила она.

Ася смущенно забормотала: что вы, конечно нет, это общественный парк.

– Простите за вторжение. Моя сестра часто приходила сюда по утрам писать стихи. Творческая натура, немного на вас похожа, – засмеялась женщина. – И почти каждый день она с негодованием жаловалась на незнакомцев, что подсаживаются, заглядывают в тетрадь, дышат прямо в ухо. Бедняжка Марта! Померла в том году.

– Соболезную, – вежливо ответила Ася.

– Ничего, она с детства была не жилец. Врожденные патологии. Так что ее можно считать долгожителем для такого возраста. Почти до тридцати дотянула!

Ася невольно взгляделась в лицо собеседницы. Лет сорок, решила она.

– А мне через неделю сорок один, – прокомментировала женщина.

Телепатка, не иначе, поразила Ася.

– Так у вас тоже стихи? – спросила женщина, указывая на блокнот.

– О, нет, это просто записи.

– О жизни?

– О счастье.

– Да что вы говорите! – оживилась дама. – И кто же источник ваших записей? Или вы опираетесь на собственный опыт?

– Нет, я спрашиваю незнакомых людей, счастливы ли они. И они рассказывают мне свои истории. Иногда.

– Как интересно! И много историй вы уже собрали?

– Не думаю, что таких историй может быть много, – философски заметила Ася. – Каждая настолько уникальна, что ими никогда не пресытишься.

– Так примите и мой рассказ в свою коллекцию! – воскликнула женщина.

– С удовольствием, – улыбнулась Ася и превратилась в слух.

Я часто спрашиваю себя: что привело меня в это место, где я сейчас нахожусь? Не важно, где я: за обеденным столом, на берегу реки, да хоть в сортире, – я всегда задаю себе этот вопрос.

Знаете, как в кино, когда люди застревают в лифте или на необитаемом острове и начинают знакомиться ближе, спра-

шивают друг друга: почему вы здесь? Что вас сюда привело? Обычно герои рассказывают цепочку предшествующих событий и раскрывают свои планы. Одна едет на встречу с отцом, которого ни разу в жизни не видела. Второго предала жена, он ее убил и направляется на северный полюс подальше от разочарований. У каждого своя история, которая привела героя в тот лифт или на тот остров...

Но я иду дальше, ведь все это – на поверхности. Если хорошенько подумать, то путь в место, где я сейчас нахожусь, занял всю мою жизнь.

Как я оказалась на этой скамейке рядом с вами? С утра вышла на пробежку, подвернула ногу, присела передохнуть, и мы разговорились. Но почему я стала бегать?

Два года назад я увидела красивого мужчину-спортсмена на этом маршруте, и чтобы с ним познакомиться, притворилась бегуньей. Но ведь и это не начало!

Почему я на него засмотрелась? Потому что неделей раньше мой бойфренд переехал в другую страну... Разматывать клубок событий можно долго. И он всегда приведет нас к самому началу жизни. К первому вдоху и крику.

Почему я здесь сейчас? Потому что 40 лет назад я родилась.

Вся моя предыдущая жизнь до этого момента – путь сюда, в этот парк.

Все складывалось так, что в итоге в данный момент времени я оказалась в данной точке пространства. Вдумайтесь,

какая глубина здесь кроется! Каким величием сразу оборачивается текущий момент! К нему вы шли всю свою жизнь, от самого рождения!

Этот момент – конечная точка всего, что у вас было и есть. Многие не ценят сегодняшний день. Воспринимают его как перевалочный пункт, незначительный этап общего пути к цели.

Но ведь цель – она в будущем, она есть только в вашей голове. Ее не существует, и никто не поручится, что это будущее наступит. А момент – он уже есть. Вот он. Вы живете в нем прямо сейчас. Он никуда не денется, и в данную секунду он – конечный итог всей жизни, которую вы уже успели прожить.

Если так рассуждать, то понимаешь, насколько настоящее важнее будущего.

А что же прошлое? Его остается только уважать за то, что оно привело вас именно сюда. Что еще можно с ним сделать? Ненавидеть? Таить обиду? Огорчаться, что оно сложилось именно так, и данный момент вас не очень устраивает?

Конечно, можно корить жизнь, судьбу и себя. Но что толку? Вы уже здесь. Пришли уже. Этот момент не переиграть. Прошлое не изменишь, как бы банально это ни звучало. Будущее тоже слишком вариативно и призрачно. Есть только один момент, вот этот самый, прямо сейчас.

Люди советуют: живи каждый день, словно последний. А я живу каждый миг, как последний. Ведь он и есть последний

миг той жизни, которую я уже прожила на данный момент.

И я готова на все, чтобы украсить этот миг. Ведь я шла к нему всю жизнь!

Я очень избирательно отношусь ко всему, чем себя окружаю. Вы поступаете так в свой день рождения или час триумфа, о котором долго мечтали. Стараетесь оградить себя от злых людей, скучных дел, пустых забот. Окружаете себя красотой. Балуете себя. Празднуете.

У меня все точно также. Только мой триумф, мой праздник достигнутой цели отмечается каждую секунду. Прямо сейчас. И сейчас. И сейчас.

История незнакомки воодушевляла. Ася обвела все вокруг новым взглядом. Если вся ее жизнь – путь сюда, то, может, стоит действовать более смело? Отбросить страхи и неуверенность, перестать гадать о возможных последствиях своих поступков, ведь все равно всего не предусмотреть. Неужели она оказалась в этом месте в это время лишь для того, чтобы ничего не предпринимать?

Ася решительно достала телефон и позвонила Гуревичу.
– Семен, вы отказались ехать, и я уважаю ваше решение, но сделайте и вы шаг навстречу мне. Если я не смогу отправить вас в Тель-Авив, то не достигну своей цели. Расскажите, зачем вас ждут в Израиле, и, может, вместе мы найдем решение, которое устроит и вас, и меня.

Они встретились с Гуревичем в уличной кофейне. Он

уселся на стуле, поглядел по сторонам и принялся рассказывать.

– Это простая история. Давным-давно я был сектантом. Сразу, как только пришел в братство, я отдал все свое имущество. А через несколько лет получил наследство: недвижимость в Тель-Авиве. К тому времени я уже немного «протрезвел» и собирался покинуть секту. Наследство было как нельзя кстати. Я намеревался продать его и на вырученные деньги начать новую жизнь. Но те, кто стоял на вершине иерархии, не хотели лишаться такого жирного куска. Меня стали обрабатывать, и только благодаря нескольким близким друзьям я смог выбраться. Я бежал сюда, в Черногорию, а недвижимость осталась брошенной. Я пытался ее сдавать, но сектанты осаждали моих бедных квартиросъемщиков, делая их жизнь невыносимой, при этом филигранно соблюдая рамки закона. Потенциальных покупателей они тоже отпугивали. Я ничего не мог поделать.

Гуревич грустно покачал головой, сокрушаясь о годах упущенной выгоды.

– Но у меня была свобода, а она дороже денег. Бывшие зеки и сектанты знают это лучше других. Я почти смирился с утратой своих денег. И вот месяц назад из Тель-Авива пришла новость: сообщали, что недвижимость сносят, и я могу получить хорошую сумму. Это было как помощь небес, ведь в такой ситуации братство никак не сможет помешать мне получить мои деньги! Я выяснил: оказывается, мне да-

же не обязательно присутствовать лично, можно действовать через доверенное лицо. Мой друг – адвокат, и он согласился сопровождать эту сделку. Все складывалось идеально: сектанты моему другу навредить не могли, меня им здесь было не достать. И тут появляется вы.

Ася виновато опустила глаза.

– Давно вы с ними? – спросил вдруг Гуревич.

– С кем? – не поняла она.

– В братстве, – пояснил Семен. – Только не морочьте мне голову рассказами о поисках мудреца. Со мной можно говорить откровенно. Я ведь и сам был на вашем месте. Эх, сколько же мерзостей я сделал ради секты в свое время!

Ася колебалась: может, стоит подыграть ему?

– Что случится, если вы прилетите в Тель-Авив? – спросила она.

– Понятное дело, что. Прямиком с самолета меня встретят братья-сектанты. Заставят отдать им вырученные деньги. А потом отпустят на все четыре стороны.

– Но разве можно вас заставить? – недоумевала Ася. – Возьмите с собой адвоката, он не позволит им сделать что-то незаконное.

Гуревич подозрительно покосился на нее.

– Похоже, вы не из братства, – сказал он. – Иначе не рассуждали бы так наивно.

Они допили кофе и медленно пошли по бульвару. Свистели птицы, припекало солнце.

– В секты не попадают просто так, – рассказывал Гуревич. – Эти люди действуют всеми возможными способами, чтобы подчинить человека своей воле. Вами манипулируют, как марионеткой, а потом используют все, что вы сделали, против вас. Год от года вы вязнете в этом болоте, и даже если очнетесь и поймете, что бога с вами давно нет – а мы же за богом все туда пришли – никуда вы уже не денетесь. Вы связаны по рукам и ногам.

– Семен, но ведь это все в прошлом! – горячо возразила Ася. – Вы же не совершали настоящих преступлений, за которые спустя столько лет вас можно наказать!

Гуревич многозначительно промолчал.

– Даже если и совершали, сектантам не выгодно вредить вам! Они просто хотят денег, они ослеплены своей жадностью, а слепых людей можно обмануть.

– Что вы этим хотите сказать? – заинтересовался Гуревич.

Ася ничего не хотела сказать, она лишь импровизировала. У нее не было плана разоблачения секты. Ее вообще не интересовало братство, она уже начинала путаться во всех этих ашрамах, коммунах, целителях и тезках-мудрецах. Хотелось, чтобы ситуация с Гуревичем разрешилась как-нибудь сама, а Ася получила наконец адрес Наохама и завершила свои странствия.

Окунувшись в мысли, Ася не сразу заметила, как оживился Гуревич. Оказывается, он уже кому-то звонил и воодушевленно тараторил в трубку.

– Уникальный шанс проучить этих пакистанцев! – кричал он в телефон, перемежая речь местными ругательствами. – Жора, ты же лучший финансист в стране! Ни за что не поверю, что тебе не пришла в голову какая-нибудь изящная схема! Давай провернем это дельце так, что они еще десять лет локти кусать будут!

Завершив переговоры, Семен ликующе засмеялся.

– Прижмем их к ногтю! – воскликнул он и схватил Асю за руку. – Мне поможет Жора, он...

– Лучший в стране финансист, – договорила Ася, пытаясь освободить свою ладонь.

– Да! В свои молодые годы он с такими махинациями выступал! Ух! А теперь он поможет обстряпать дело так, что мы не только деньги получим, но и сектантов крупно подставим. Так им и надо, жуликам! – Гуревич вдруг очнулся и понизил голос. – Только об этом никому. Ни-ни. Я вам ничего не говорил. Вы точно не из братства?

– Точно, – заверила его Ася.

– Хорошо, – он вернулся в свое обычное уравновешенное состояние и теперь уверенно шагал, глядя под ноги. – Через пару дней поеду. Получите вы своего мудреца, вот увидите!

Глава 21

Три дня спустя Гуревич был готов к отъезду. Для его жены Ася стала врагом номер один: ей не хотелось отправлять супруга в лапы алчных сектантов.

– Запудрят тебе снова мозги, – жалобно приговаривала она, укладывая вещи Гуревича в чемодан.

– Да что ты. Не запудрят, – успокаивал Семен.

– Все деньги отберут, – причитала она за ужином.

– Не отдам. Я ж не один, – уверял он.

– Завербуют! И тебя, и Жору, и адвоката вашего! – плакала она, и Семен обнимал жену, поглаживая ее мягкие волосы.

Наконец, все были в сборе. Великий финансист выглядел старше Гуревича лет на десять. Он тоже оказался бывшим сектантом и имел к братству особые претензии.

– У него там дама сердца осталась, – шепотом поведал Гуревич Асе. – Столько лет прошло, а он все помнит. Надеется встретить ее в Тель-Авиве.

И хихикнул.

– Хватит сплетничать! – прикрикнул Жора. – А то так смахинурую, что и тебе ничего не достанется!

Ася проводила троицу в аэропорт.

– Напишите мне, как только вас встретят, – попросила она. – Я не слишком доверяю этим людям. Вдруг скажут, что

вы не прилетели, и оставят меня ни с чем.

– С них станется, – кивнул Гуревич.

Он словно помолодел за последние дни. Встреча со старыми друзьями и планирование приключений зажгли в его глазах озорной огонек.

– Где вы будете сегодня ночевать? – заботливо спросил он. – Жена вряд ли будет вам рада. В моем отъезде она винит вас.

– И она права, – кивнула Ася. – Без меня вы бы остались дома.

– Я рад, что так случилось. Рад наконец распрявиться и заехать этим жуликам прямо в нос. В фигуральном смысле, разумеется.

– Поживите у меня, – вмешался Жора. – Сейчас дам адрес и позвоню невестке. Летом мы сдаем комнаты, вас поселят в одной из них.

Ася распрощалась с пожилыми махинаторами и пожелала им удачи. Подшучивая друг над другом и размахивая сумками, они направились в зону таможенного контроля. Ася быстро потеряла их из виду.

Глава 22

У финансиста Асе отвели комнату в мансарде. Прошло четыре часа с тех пор, как она оставила веселых старичков в аэропорту. До приземления самолета в Тель-Авиве было еще долго. Ася решила поспать.

Ее разбудили страшные крики с первого этажа. Не до конца проснувшись, она натянула футболку и сбежала по лестнице.

Вся семья сидела у включенного телевизора: сын, невестка, внуки Жоры. На экране разворачивались кадры ужасной авиакатастрофы. Внизу в титрах Ася разглядела номер рейса: тот самый, на который она купила билеты для Гуревича и его друзей.

– По предварительным данным, – встревоженно комментировал ведущий, – Причиной катастрофы стало возгорание в грузовом отсеке самолета. Вследствие отравления экипажа ядовитыми газами самолет потерял управление и потерпел крушение недалеко от Тель-Авива. Больше информации – в нашем следующем выпуске новостей.

Ася потрясенно смотрела в одну точку. Никто в доме не знал, что именно она отправила финансиста в смертельный рейс. Но от этого ей не было легче. В погоне за счастьем она приносила людям сплошные беды!

В гостиной тихо плакали.

Оставаясь незамеченной, Ася поднялась в свою мансарду. Уже закрывая дверь, услышала телефонный звонок. Если звонит жена Гуревича, то Асино причастие к трагедии выяснится в считанные секунды. Находиться в доме она больше не могла.

Ася быстро собрала вещи, ополоснула лицо ледяной водой и спустилась на первый этаж.

– Уже уезжаете? – безучастно спросила ее невестка с опухшими глазами, укачивая ноющего младенца.

– Да, мне пора, – выпалила Ася и поспешила выйти.

Найдя укромный уголок, она забилась под раскидистый куст и дала волю слезам. Угрызения совести были просто невыносимы! Ей было жалко старичков, жалко себя, жалко Светку, которая теперь так и останется до конца жизни без секрета счастья. Ася оплакивала Семена, Жору и адвоката, имени которого никак не могла вспомнить. Думала о жене Гуревича и о том, как права она была в своем нежелании отпускать мужа. Ася заливалась слезами, представляя, что сейчас творится в доме Гуревича и какие проклятия сыплются на ее, Асину, голову. И с тяжелым сердцем признавала правоту этих проклятий. Больше всего на свете она боялась встретить сейчас эту добрую женщину, которая радушно впустила ее в свой дом, и мужа которой Ася своими руками отправила на смерть.

Неужели упрямое достижение своей цели оправдывает горе других людей?

Вспомнились слова Мухаммеда. О том, что Ася приносит беды. Может, это не такие уж и суеверия? Вдруг он прав? С каждым, кто помогает Асе искать Наохама, случается несчастье. Араб сгорел в сарае, Белла выпала из окна, Гуревич погиб в авиакатастрофе... Ася начала беспокоиться и за остальных, кто встречался ей в этом путешествии. Сейчас она не удивилась бы, узнав о случайной смерти алкоголика Паршикова из Костромы или Сары, направившей Асю к орнитологу. Ее словно преследует злой рок! Люди гибнут, а она так же далека от цели, как была в самом начале поисков.

Ася всхлипнула. Со смертью Гуревича растаял и шанс узнать адрес мудреца. Разве это справедливо?

Она не знала, к кому обратиться. И потому позвонила Наохаму. «Лже-Наохаму», как она называла его про себя.

Выслушав ее горестную историю, Наохам пообещал все устроить.

– Ты выполнила свою часть договора, и теперь вправе получить награду.

– Слово «награда» здесь неуместно, – проворчала Ася, утирая слезы.

– Это награда не за смерть людей, а за то, что ты сделала, – пояснил он. – Не грызи себя, твоей вины в катастрофе нет. У тебя сохранился электронный билет Гуревича и еще какие-нибудь доказательства того, что ты посадила его на самолет?

– Билет есть, да, – начала соображать Ася. И вспомнила: – Есть фото посадочного талона.

– Правда? – удивился Наохам. – Это очень кстати!

– Да, старички попросили меня сфотографировать их перед вылетом. С билетами и посадочными. Они были такие смешные. Такие... живые...

– Старички? – перебил ее Наохам. – Гуревич был не один?

Ася замялась. Не хотелось говорить о том, как Гуревич задумал обмануть сектантов.

– Семен был с друзьями, да... В договоре ничего не было про то, что он должен лететь в одиночку.

– Ты права, – подтвердил Наохам. – Но лучше обрежь остальных, оставь на фото только Гуревича. Пришли мне фото и билеты. Я попробую убедить пакистанца, что ты свое дело сделала, и теперь его ход.

Ася подредактировала снимок, отправила его Наохаму и принялась ждать. Прошло пятнадцать минут, но телефон молчал.

«Долго ли ждать?» – уточнила она по смс.

«Минимум до завтра», – пришел ответ.

До завтра! Это так долго. Ася поднялась и отряхнулась. Пора искать новый ночлег.

На три билета до Тель-Авива ушли все Асины деньги. Инга обещала прислать еще, но пока Ася была на мели. Она рассчитывала подождать денежного перевода в доме Жоры, но

после трагедии об этом не могло быть и речи. На сайте бронирования жилья нашлась недорогая комната, Инга оплатила ее, но средств на дорогу у Аси не осталось. Она пошла пешком.

Узкая дорога вилась вдоль линии прибоя. Слева лазурное море, утыканное частными причалами с белыми катерами. Справа изгороди, за которыми в гору поднимались сады с особняками и террасами. Ася шла в какой-то оглушительной тишине. Несмотря на плеск волн и шелест листвы, ей казалось, что весь мир задремал. Сонное безмолвие царило кругом. Пекло солнце, горы заглушали звуки города. Она шла и шла, не сворачивая – да и некуда было сворачивать... Вяло текли мысли, в такт размеренным шагам.

Приковылял одышливый мопс – или бульдог? – и Ася завела с ним задушевную беседу. Она рассказывала о московской зиме и соседской собачке, убаюкивая себя воспоминаниями о жизни, в которой еще не было череды смертей и роковых случайностей.

Мопсобульдог убежал к хозяйке, и Ася осталась один на один с равнодушным морем, ярким солнцем и извилистой дорогой, с которой некуда свернуть.

Глава 23

Наохам-младший позвонил на следующее утро.

– Тебе пошли навстречу. Адрес у меня! – обнадежил он.

– Прямо адрес Наохама? – воскликнула Ася.

– Нет, к сожалению. Адрес его ближайшего ученика.

Ася понурилась. Она когда-то слышала о правиле пяти рукопожатий. По этой теории все люди на планете связаны цепочкой из пяти человек. То есть между Асей и Наохамом стоит всего пятеро знакомых друг с другом людей, и нужно лишь найти их, чтобы выйти к самому Наохаму.

Почему-то правило не работало. Ася сбилась со счета, сколько людей уже задействовано в ее поисках, а местонахождение мудреца все так же окутано мраком. Правда, в теории ничего не говорилось о мертвых участниках пяти рукопожатий. Трупы существенно удлиняют цепочку. Ася поежилась.

– Что ж, придется проверить и этот вариант, – уныло констатировала она.

Ближайшего ученика Наохама звали Прасет. Это был таец с европейскими корнями. Его дед-финн прибыл в Таиланд в ранней молодости, и так ему понравилась экзотическая природа и одна молоденькая крестьянка, что он остался здесь на всю жизнь. Выращивал овощи, держал скот, воспитывал

сына, который вырос и тоже женился на местной девушке.

Прасет же не пошел по стопам деда и отца. Окончив школу, он поработал на ферме, подкопил деньжат и махнул в Хельсинки. Остановился у дальних дедовых родственников и поступил на факультет юриспруденции, параллельно изучая восточные языки. В студенческие годы он познакомился с очаровательной Салли, с которой впоследствии прожил много лет, так и не расписавшись.

После университета Прасет легко устроился переводчиком и за несколько лет заработал отличную репутацию. Знание языка, азиатского менталитета и юридических тонкостей в сочетании с европейскими корнями и приятными манерами делали его незаменимым помощником на сложных переговорах. Прасета приглашали на самые важные встречи и платили солидные гонорары, которых ему и его любимой Салли вполне хватало на комфортное существование.

Словом, жизнь катилась по блестящим рельсам успеха, но однажды все изменилось. Сам Прасет изменился. Стал задумчив, отказывался от предложений по работе, забросил любимый теннис. На расспросы лишь бурчал что-то про мудреца, который открыл ему глаза.

– Так и отвечал мне, – рассказывала Салли Асе, потрясая старой фотографией. – Я, говорит, счастливчик. Судьба преподнесла мне такой подарок, который многие вымалывают всю свою жизнь. Я встретил того, кто позволил мне узреть истину.

По адресу, присланному Наохамом-младшим, Прасета давно не было. Теперь здесь жила Салли, его бывшая любовь. Именно с ней Ася и беседовала, пытаясь нащупать новое направление для своих поисков.

– И что же это была за истина? – спросила Ася.

– Да кто его знает, – махнула рукой женщина. – Он говорил лишь о том, что неправильно живет и не к тому стремится. Я-то, глупая женщина, обрадовалась, решила, он о семье задумался и о детях. Колечка обручального от него ждала. Платье даже присмотрела. Смешно!

– А он что?

– А он в один прекрасный день преподнес мне сюрприз. Чмокнул в лобик и говорит: милая Салли, спасибо тебе за годы, которые ты мне посвятила, но я завершаю этот период своей жизни. Жить здесь больше не могу, уезжаю завтра, вот билет на самолет в один конец.

– Прямо так и сказал? – ахнула Ася.

– Прямо так и сказал, – грустно покивала Салли. – Я, конечно, впала в ярость. Как так: столько лет жить мог, а тут вдруг не смог. Разве можно так человека бросать? Я себя имею в виду. Ведь даже не позвал с собой! В общем, разругались мы тогда сильно. Так и не помирились. А жаль.

Ася молчала. Получается, Салли понятия не имеет, где искать Прасета? Словно прочитав ее мысли, Салли добавила:

– Я ведь даже не посмотрела, куда у него билет был. Да

это и неважно: адреса он мне не оставил. Наверно, хотел все мосты сжечь. А я гордая, сама его искать не стала. Насильно ведь мил не будешь, верно?

Ася удрученно кивнула. Похоже, тупик.

– Я быстро замуж вышла, Прасету назло, да и сама уже семью хотела. Платье-то уже было присмотрено! – засмеялась Салли.

Ася кисло улыбнулась в ответ.

– Расстроились, что я вам не помогла? Подождите, кое-что у меня для вас есть.

Она отложила фото и вышла из комнаты. Тикали часы. За окном просвистела ласточка. Салли вернулась с конвертом в руках.

– Тогда мобильные телефоны были не распространены. Сохранилась у меня открытка. От Прасета. Прислал мне ее в 2002-м. Может, по этому адресу вы его и найдете.

Ася разглядывала открытку. Морской пейзаж с парящей чайкой. На обороте – несколько рукописных строк, марка и почтовый штемпель.

– Что здесь написано? – спросила она.

– Это по-тайски. Прасет учил меня языку своей семьи, но для меня это такая, – она покрутила пальцами в воздухе, – Китайская грамота! Простите за плохой каламбур, но по-другому не скажешь.

– То есть вы не знаете, что он вам написал?

– Нет, – легкомысленно пожала Салли плечами. – Я хотела

кого-нибудь попросить перевести, но мой муж косо смотрит на всю эту историю с Прасетом. Он у меня такой ревнивец! Потом я и забыла про эту открытку.

– И вам совсем не интересно, что вам написал бывший возлюбленный спустя столько лет?

– Вот вы верно заметили: спустя столько лет! Что бы он мне ни написал, это уже неважно. Да и что это за снобизм такой, писать по-тайски. Сложно было написать на моем языке?

– А это точно тайский? – Ася с сомнением разглядывала текст.

– Точно, точно, уверяю вас! Я эти загогулины на всю жизнь запомнила.

– А точно от Прасета?

– Конечно, от него. Кто же еще мне будет по-тайски писать?

Ниточка тонкая, но единственная. Как всегда.

Ася забрала открытку и вышла на свежий вечерний воздух. Осталось перевести письмо и разобраться, откуда оно пришло.

Глава 24

Все гремело и звенело, будто кто-то бил в гигантскую кастрюлю. Этот невыносимый гул заставлял вздрагивать и болезненно моргать при каждом ударе. В коротких паузах Ася пыталась спросить Прасета о мудреце.

– Я ищу Наохама, – говорила она.

– Бам-м-м! – перебивал ее гонг.

– Мне сказали, что вы его ближайший ученик! Это так? – спрашивала Ася.

– Бом-м-м-м! – тонул ее голос в немыслимом шуме.

– Извините, я спешу, – крикнул Прасет, скидывая сандалии и босиком поднимаясь по ступеням в храм. – Оставайтесь на чантинг, и после я отвечу на все ваши вопросы.

Он сделал приглашающий жест, и Ася вошла за ним в сумрачный зал.

Перед огромной статуей Будды спиной к входу сидели два монаха. В углу худой мужчина возился у колонны, обмеряя ее и помечая что-то в блокноте. Прасет протянул Асе плоскую подушку, на вторую сел сам и сложил молитвенно руки.

Она опустилась на колени, посмотрела на часы – ровно шесть. Чантинг начался.

Монахи затянули монотонную молитву, периодически падая ниц в поклонах. Она кланялась вместе с ними, сохраняя подобающее месту выражение лица. Но вскоре затекли ноги,

заныла спина. Было душно.

Вдобавок ко всем неудобствам ее атаковал комар. Судя по зуду, мелкий упырь успел покусать ее в разных местах и теперь норовил сесть прямо на нос. Она незаметно почесала шею, но тут же засвербило в боку. На ее возню недовольно оглянулся один из монахов. Ася поспешно прикрыла глаза и замерла. Монахи пели без передышки, одна мантра переходила в другую, и Ася уже не ориентировалась во времени. В храм влетела огромная бабочка, с шелестом покружила по залу, стукнулась о скульптуру и вылетела в окно. Нестерпимо захотелось размяться.

Ася покосилась на часы и не поверила своим глазам. Прошло всего семь минут! Она не знала, сколько длится служба, но сидеть было уже невыносимо. Жарко, твердо, скучно. Может, тихонько выйти и подождать снаружи?

Она посмотрела на Прасета: тот был полностью поглощен молитвой. Пел вместе с монахами, кланялся в правильных местах и явно относился ко всему мероприятию весьма серьезно. Хотелось произвести на него благоприятное впечатление, ведь так сложно было найти его. Вдруг присутствие на чантинге – единственная возможность узнать о том, куда направляться дальше? Вдруг Прасет – последняя ступенька, последнее рукопожатие? Возможно, он скажет, где сейчас старик, и все наконец закончится.

Ася глубоко вздохнула и постаралась расслабиться. Присажу, сколько нужно, решила она. Такой большой путь прой-

ден. Нельзя рисковать, нельзя вернуться ни с чем.

Служба закончилась целую вечность спустя.

Прасет бодро встал, подхватил подушку, весело перекинулся парой слов с монахами и направился к выходу. Он словно забыл об Асином существовании!

Неловко поднявшись, на непослушных ногах Ася захромала за ним, но ее сердито окрикнул один из монахов, указывая на оставленную подушку. Пришлось вернуться и запихивать ее в комод, ловко замаскированный под пьедестал одной из статуй.

Когда Ася вышла на улицу, Прасет уже сидел на мопед.

– Эй, эй, подождите! – побежала она к нему, размахивая руками. – Вы обещали мне сказать, где искать мудреца Наохама!

Прасет повернулся и задумчиво уставился на нее. Он словно смотрел сквозь. Это был совершенно белобрысый мужчина: светлые волосы, брови и ресницы. Казалось, будто он такой не с рождения, а просто выцвел весь на солнце. Где-нибудь в Москве его внешность навевала бы мечты о дальних странствиях, о шхуне в синем море, но здесь Ася была сыта всей этой дорожной романтикой, и потому видела перед собой просто вредного мужика с выжженной шевелюрой.

Прасет сморгнул, сфокусировался на ней и мягко сказал:

– Ах да, у вас же ко мне вопросы. Простите, вылетело из головы.

– Мне нужно узнать, как найти мудреца Наохама, – повто-

рила Ася.

– Но я этого не знаю, – развел он руками. – Мне нечем вам помочь.

– Как?! – возмутилась она. – А раньше нельзя было сказать? То есть я отсидела гребаных полтора часа под невнятный бубнеж в компании гребаного комара, чтобы услышать «мне нечем вам помочь»?! Думаете, мне время некуда девать?

Ася так сильно повысила голос, что проходящие мимо тайки обернулись и шарахнулись в сторону.

– Извините, я не знал, что не смогу вам помочь, – тихо ответил Прасет. – Нужно было сразу выяснить суть вашей проблемы, но я не мог уделить вам время до чантинга, ведь опаздывать на него нельзя. Мне жаль, что вы не получили того, что ожидали. Зато у вас была отличная возможность побыть с богом. Это бесценно, согласитесь.

– Да уж, бесценней некуда, – пробубнила Ася. – Особенно если учесть, что я не поняла ни одного гребаного слова.

Он поморщился от ее грубости и негромко пояснил:

– Это пали. Очень древний язык. Сегодня на нем не говорят, поэтому ничего удивительного, что вы его не понимаете. Но дело же не в словах. Слова – лишь указатели, куда нужно двигаться нашему разуму, разве не так?

– Да-да-да, – закатила она глаза, – Даешь больше красивых философских изречений. Ведь именно для этого я прилетела из России: за глубокомысленными фразами для ста-

туса на Фейсбуке!

Он покачал головой:

– Странно. Ничего не понимаю.

– Что непонятного? В вашем божьем уголке нет Фейсбука?

Он промолчал. Ася понимала, что хамством делу не поможешь, и Прасет не виноват в ее проблемах. Стало стыдно за свой тон, и она в отчаянии оправдывалась:

– Мне нужно, очень нужно найти Наохама. Я очень долго ищу его, и это не моя прихоть: за мной стоят и другие люди, которым важно, чтобы я нашла его. Я проделала сложный путь сюда, в Таиланд, на этот богом забытый остров, и вы должны были дать мне ответ. Но оказывается, вы пустышка. Я в тупике! Вы не можете мне помочь, никто не может, всем плевать, что у меня силы на исходе, время играет против меня, а о финансовой стороне вопроса вообще лучше не вспоминать. Я совершила круг по миру и снова оказалась в исходной точке. И куда теперь мне идти? Где искать Наохама?

Прасет завел мопед.

– Сюда мало кто попадает случайно, – сказал он. – Возможно, ваш путь и не зашел в тупик. Наохам действительно жил здесь какое-то время. Я был его учеником. Но это было давно, и о том, куда направился мой Учитель, я, разумеется, ничего не знаю. Наохам не посвящал меня в свои дела. Единственный, кто может что-то знать – Аут.

– Кто это? – насторожилась Ася.

– Один из монахов, которых вы сегодня видели. Пожилой. Попробуйте его спросить.

Пожилой, подумала она. Злыдень с недовольным лицом, который заставил ее убирать подушку.

– Но с ним не так легко общаться, – предупредил Прасет. – Он мало с кем говорит.

– С вами же вроде говорил, – вспомнила она короткую беседу Прасета с монахами. – Смеялся даже.

– Со мной да, говорит, – улыбнулся Прасет. – Мы давно знакомы.

– Так раз вы такие друзья, пожалуйста, спросите его о мудреце! – она даже прижала ладони к груди, но Прасет отрицательно замотал головой.

– Это ваши дела. Да и не скажет он мне. Если посчитает нужным, то скажет лично вам.

– И что же мне нужно сделать, чтобы Аут захотел помочь мне?

– Не знаю, – Прасет стал разворачивать мопед. – Наверно, показать ему, что с вами стоит говорить!

Он сделал круг, махнул рукой и уехал. Да уж, не задалась беседа.

Ася развернулась и побрела обратно к храму. Но там было пусто, только худой работяга укладывал свой блокнот в сумку.

– Монахи ушли, – ответил он на ее вопрос, – Будут завтра в шесть, к чантингу.

И что делать? Не идти же к монахам в кельи или где они там живут. Неужели придется ждать до завтрашнего вечера, потерять целый день?

– Что значит, потерять день? – удивилась Инга по телефону. – Обалдела? Ты же на тропическом острове! Отдыхай, купайся, пей кокосовое молоко!

– Оно похоже на воду, в которой мыли огурцы, – вяло ответила Ася.

– Тогда тупо выпишись под пальмой! Мне бы твои проблемы. Эх, как же я тебе завидую, подруга! – вздохнула Инга в трубку. – У тебя там море, солнце, монахи в кокосах, а у меня совещания, пробки, тупой секретариат, который вовремя не может даже... Ой, да что я тебя грузю. В общем, отдыхай. Мне пора. Целую!

Ася успела услышать, как удаляющийся голос Инги произнес: «Уже иду, захвати мне латте!» И кто-то басом ответил: «Мы тебя ждем». По-русски, конечно, ответил. И от этого подслушанного разговора защемило сердце.

Она прямо видела московский март за офисным окном. И пусть пробки, пусть серость, слякоть и рутина, но ведь это так прекрасно, когда ты – на своем месте, когда все вокруг идет своим чередом, когда ты знаешь, что будешь делать сегодня и завтра. Когда в своем равновесном мирке ты не зависишь от равнодушия окружающих. Когда твой жизненный путь не определяется чужой прихотью. Когда ты просто жи-

вещь своей привычной жизнью, пусть и не такой счастливой, как мечталось в детстве. Отсюда, с другого края света, ей казалось счастьем уже просто жить в привычной обстановке: с понятными традициями, знакомыми продуктами на прилавках, устоявшимся распорядком дня. Да, здесь красиво, здесь цветы, жара и ясное небо, здесь не надо тревожно выглядывать в окно каждое утро, чтобы понять, что надеть по погоде – ведь здесь всегда прекрасная погода. Да, здесь солнце шпарит так добросовестно, что «хронический» насморк, вечный Асин спутник, исчез за два часа. Да, здесь не нужны дорогие процедуры и причудливые приспособления для СПА. Все уже создано природой: морская вода, свежий воздух, спелые фрукты, горячий песок. Это место лечит, оздоравливает, дарит красоту.

Но все такое чужое! И в этом чужеродном раю Асе нужно отыскать человека, который, возможно, совсем не хочет, чтобы его нашли. Ей нужно втираться в доверие к монаху, исповедующему странную религию. Улыбаться непонятным шуткам, переводить незнакомые деньги в доллары, чтобы не обманули в лавке, говорить на языке, который неизвестно как очутился в ее памяти. Ей нужно провести здесь неопределенное количество дней, прежде чем суровый монах по имени Аут расскажет, где может находиться 130-летний мудрец, которого, возможно, уже нет в живых.

Тоскливо, муторно, одиноко. Хотелось завернуться в плед и уснуть, чтобы утро вечера мудренее, чтобы рассвет развеял

грусть. Но нужно было искать место для ночлега, и Ася пошла по темной улице, оглядывая заборы в поисках таблички «Сдается».

О том, чтобы останавливаться в отелях, речи быть не могло. Исчерпав свой бюджет, Ася стеснялась пользоваться деньгами друзей, поэтому сэкономила на всем. Через час она нашла комнату с душем по невысокой цене и заплатила за три дня вперед. Вряд ли монах пойдет на контакт быстрее, подумала она, упав на кровать и проваливаясь в крепкий сон.

Глава 25

Следующим вечером Ася пришла к храму заранее. Наде-
ялась переговорить с монахом до начала службы. Но Аут по-
явился ровно в шесть, оглушительно постучал в гонг и про-
шествовал мимо Аси, словно не слыша ее вопросов. Вместе
со своим напарником он уселся перед статуями Будды и рас-
крыл книгу.

– Разве буддийские монахи могут быть такими спесивы-
ми? – расстроено обратилась Ася к кошке, отиравшейся у
дверей в храм.

Асю окликнул второй монах и жестом показал на пол по-
зади себя. Она закатила глаза и глубоко вздохнула. Придет-
ся еще раз пройти через эту пытку и отсидеть нескончаемую
службу.

Ася разулась, прошла к комоду, долго скрипела дверцей,
неловко пытаясь вытащить наименее грязную подушку, ко-
торая лежала, конечно же, в самом низу. Задела какой-то
канделябр, который с ужасающим шумом грохнул о мрамор-
ный пол и быстро покатился к золоченым идолам. Ася за-
жмурилась, ожидая, что ее сейчас прогонят. Но монахи лишь
молча сидели, опустив глаза, готовясь петь, но все не начи-
нали – ждали Асю?

Наконец, она устроилась и перевела дух. Потянулись бес-
конечные минуты второго Асиного чантинга.

Прошла неделя, и в жизни спонтанно появился распорядок дня. Солнце садилось во время чантинга, и когда Ася выходила из храма, было уже совсем темно. Заняться на острове ночью было нечем, поэтому она ложилась уже после восьми.

Вставала рано утром и отправлялась плавать. Освежившись в море, покупала фрукты у уличных торговцев, воду и печенье в магазине. В первые дни она бесцельно кружила по острову, а в дождь спала или смотрела фильмы в ожидании вечера. Но время шло, и ее дневное безделье становилось все более осознанным. То ли Ася входила в неторопливый темп местной жизни, то ли действовали песнопения монахов, но ее ум успокаивался, взгляд прояснялся. Все чаще она просто смотрела на мир вокруг, и ей не нужны были иные развлечения. Было приятно наблюдать за тем, как происходит жизнь, хотя на беспокойный европейский взгляд ничего интересного и не происходило.

Ася все реже включала телевизор и выходила в интернет. Соцсети уже не захватывали, они вызывали скорее спокойное недоумение. Что это? Зачем люди делают все эти фотографии, зачем пишут и комментируют друг друга, зачем воруют глубокомысленные фразы и выкладывают на своих страничках чужие картинки, не имеющие никакого отношения к реальной жизни? Зачем они афишируют, какие мероприятия посетили и где находятся в данную минуту? Кому

интересно, как растут их дети и сколько алкоголя было выпито на их праздниках?

Асю больше не тяготило одиночество. Ушло стремление к развлечениям и вообще движению. Она стала меньше спать, но при этом оставалась энергичной и сосредоточенной. Мысли упорядочились, как будто кто-то расчесал огромным гребешком годами спутанную шевелюру ее ума. Все чаще ей было просто хорошо.

Дни не были заняты деятельностью. Это было просто пребывание. К шести часам она приходила в храм, подпевала мантрам, которые уже запомнила, или просто сидела в блаженном покое.

Однажды во время чантига ее взгляд зацепился за яркие блики на пьедестале одного из Будд. Этот ослепительный свет приковал все внимание. Сначала глаза слезились, хотелось сморгнуть, но она не прилагала никаких усилий ни для того, чтобы смотреть, ни для того, чтобы не смотреть. Дискомфорт быстро прошел, и вскоре весь мир сошелся в одной точке, на этой частице света. Асю накрыло осознание того, что ей не обязательно что-то делать. Просто сиди и смотри. Станет трудно – не смотри. Вот и все. Это же так легко! Хочешь – смотри, хочешь – не смотри.

Просто живи. Ничего не надо делать, никуда не надо бежать, ничего не надо изобретать. Достижения, слава, деньги, отношения – это все как бутафорские фигуры, расставленные вдоль линии жизни лишь для того, чтобы скучающим

проходим было с чем сделать селфи. И они бегут, стоят в очереди, волнительно прихорашиваются, делают фото, показывают их друг другу и ревниво смотрят на реакцию. Нравится ли? Восхищены ли? Завидуют ли? Достаточно ли хорошо все видят, что вот – я, а вот – достижение, и мы рядом, оно мое, я его, это реально, правда реально, вот же фотография!

А кому не нужны эти постановочные кадры, эта иллюзия наполненной смыслом жизни, тому совсем не обязательно стоять в очереди и щелкать затвором. Можно просто пройти мимо. Ты свободен! И остальные тоже свободны. Стремиться к достижениям – это их свободный выбор. Не стремиться – твой. Ничто не лучше и не хуже. Просто разные пути. А если ты устал смотреть, так просто отведи взгляд или закрой глаза. Это тоже жизнь. Да, так тоже можно было!

Монахи стали бить поклоны, и Ася очнулась. В этот вечер что-то изменилось в ней. Она не знала, что это, даже не анализировала: просто наслаждалась покоем внутри. Убрала подушку, обулась и вышла на площадку перед храмом.

Ее обогнали монахи. Один из них обернулся и неожиданно улыбнулся ей. Это был Аут.

Глава 26

Ася на удивление быстро освоила скутер. Ходить пешком по духоте было трудно, и все передвигались по острову на двухколесном транспорте. Аренда стоила дешево, и, упав всего два раза, Ася легко влилась в поток местных байкеров. Она обзавелась дождевиком и даже научилась определять по тучам, что грядет ливень – значит, пора делать срочную остановку и облачаться в непромокаемый плащ. Без него вымокнуть можно было за десять секунд, а сохла одежда здесь нестерпимо долго из-за высокой влажности воздуха.

В один из дней Ася колесила по острову и остановилась на светофоре, пропуская группу пешеходов. Мимо просеменила молодая тайка с группой маленьких тайчат. За ней, тяжело переваливаясь, женщина в цветастом халате несла огромные пакеты. Светофор замигал, и дорогу вприпрыжку перебежал старичок европейского вида. Внезапно шлем показался Асе нестерпимо тесным. Старичок был явно ей знаком.

Не выпуская его из виду, Ася свернула в переулок и медленно покатила по дороге. Мужчина вдруг обернулся и уставился прямо на нее.

Больше не было сомнений: щуплый дед в гавайской рубашке – Жора, величайший финансист и автор махинации, способной пошатнуть власть еврейских сектантов. Тот самый Жора, в доме которого она узнала о его гибели.

– Не может быть, – пробормотала Ася, испуганно озираясь. Неужели это призраки пришли проведать ее? Если сейчас она увидит Беллу и Гуревича, останется лишь бежать в храм и целовать ноги Ауту, чтобы избавил ее от наваждения и отпустил все грехи.

Дрожащими руками она сняла шлем.

– Ася, вот это встреча! – узнал ее старик.

Он раскинул руки и заспешил к ней. Ася слезла со скутера.

– Вот это да! – удивлялся Жора. – Отдыхаете здесь?

Какой уж тут отдых. На подгибающихся ногах она сделала пару шагов навстречу привидению.

– Что-то вы бледноваты, – заботливо отметил старичок и принялся ее разглядывать. – Исхудали что-то.

Ася смотрела на него во все глаза. Румяный, загорелый, совершенно целый и невредимый дедуля.

– Вы не погибли в авиакатастрофе? – спросила она.

– Ах, нет, не погибли! – жизнерадостно прокричал он. – Живы, все трое! Нам так повезло! У Гуревича случился сердечный приступ, и мы все не улетели. А самолет разбился! Представляете, как бывает?

Он просто фонтанировал энергией. Ася заплакала от облегчения, одновременно смеясь над своей эмоциональностью.

– Я такая плакса, простите, – сквозь слезы проговорила она. – Просто я очень счастлива, что вы живы. Ведь я винула

себя в вашей смерти. А как Гуревич? Поправился?

– Да, он тоже здесь! Отдыхаем на Пхукете, – он махнул рукой в сторону моря. – Сюда заехали на экскурсию. У нас увеселительная прогулка по морю! А вы?

– А я здесь живу, – ответила Ася. Она все еще не верила своему счастью.

– Отличное местечко! – подпрыгивал финансист. – Никогда не был в Азии, но знаете, мне тут нравится! Может, присоединитесь к нашей банде? У нас не только старики. Все, все здесь! Подвезите меня на своем железном коне! В молодости, помню, и у меня был байк...

Под «всеми» Жора подразумевал шумную компанию из жен, детей, внуков с Гуревичем и адвокатом во главе. Асю приняли очень тепло. Ее обнимали, хлопали по спине и звали на яхту.

– Мы ее арендовали и катаемся по островам! – похвастался Гуревич.

Яхта выглядела шикарно.

– Вам удалость продать недвижимость, – догадалась Ася.

– Да! – счастливо засмеялся Семен. – При ближайшем рассмотрении наш коварный план оказался не таким уж надежным. Это мы поняли уже после, когда меня забрали в больничку, а самолет взорвался без нас. Счастье, что мы не улетели в Тель-Авив. Не погибли бы в катастрофе, так прогорели бы со сделкой. Жора подкачал!

Финансист зарумянился.

– Было слишком мало времени на продумывание деталей, – оправдывался он.

– Ладно, все уже позади, – перебил Гуревич. – Братство решило, что я помер в самолете, и за недвижимостью следить перестали. Удалось ее удачно продать, да еще и авиакомпания выплатила компенсацию за наш багаж. Он же улетел, в отличие от нас!

– Улетел, да не долетел! – засмеялся Жора и бросился к продавцу уличной еды.

Все наперебой стали кричать, чтобы он захватил и для них чего-нибудь вкусного.

Ася с улыбкой наблюдала за этими веселыми людьми. Что ж, как минимум трех мертвецов можно списать со счетов. Кажется, Асино вмешательство сделало жизнь семьи Гуревича лучше.

До чантинга было два часа, и Ася приняла приглашение подняться на борт. Разговорились с адвокатом. Это был седой мужчина с тихим голосом и робкими манерами. Раньше Ася представляла адвокатов шумными и пробивными. Услышав Асину историю, адвокат захотел поделиться с ней своим пониманием счастья.

Ася открыла свой уже порядком потрепанный блокнот и стала слушать.

– С раннего детства формула счастья была для меня очевидной. Я недоумевал, как весь этот большой взрослый мир

не понимает такой простой штуки. Я делился своей находкой с несколькими избранными взрослыми, но в ответ получал лишь глубокомысленный кивок. В духе, смотрите, какой умный мальчик растет.

Это бесило, но не сильно. Я просто запомнил свою формулу, отложил на верхнюю полку своей памяти, чтобы, когда подрасту, легко достать ее и начать пользоваться.

Формула состояла из трех слагаемых. Счастье – это когда совпадают «могу», «хочу» и «надо».

В школьные годы какой-то элемент вечно выпадал. «Надо» было предостаточно. В детстве от нас все что-то требуют! «Могу» относилось к простым для меня предметам – геометрии, например – и уже этот дуэт делал меня вполне довольным жизнью. Приятно, когда получается решить задачу. Когда на олимпиаде занимаешь призовое место. Хорошо, когда совпадают «надо» и «могу».

«Хочу» и «могу» совпадали тоже частенько. Я хотел и мог подолгу плавать в прохладной реке. Хотел и мог часами мастерить города из картона и скрепок. Но это все было никому не надо. Когда я занимался милыми сердцу вещами, которые получались действительно здорово, вечно находилось какое-нибудь «надо» не в тему. Надо идти в школу. Надо помогать по дому. Надо делать уроки.

Когда я подрос, многие из моих «хочу» стали совпадать с «надо». Я видел много профессий, нужных и хороших, которыми хотел бы заниматься. Но не хватало третьего звена:

«могу». Поверьте, заниматься самым любимым и нужным делом на свете, не умея – это пытка, а не счастье. Все будет валиться из рук, ты будешь портить все, к чему прикасаешься, хоть и хочешь, и надо.

Я не стал врачом, потому что не было «могу». Хотел, но не умел. По той же причине я не стал ювелиром, моряком, агрономом. Все это я хотел, все это было надо, но ничего из этого я не мог делать.

Однажды я нашел схему счастья по-японски. Они называют ее «икигай» – твоя личная причина жить. Я был поражен: эта концепция была совсем как моя! За одним исключением: японцы предлагали не три, а четыре компонента.

Первый: то, что ты любишь. Это мое «хочу».

Второй: то, в чем ты хорош. Это мое «могу».

Третий: то, что нужно миру. «Надо».

И четвертый – то, за что тебе будут платить. По моему мнению, это могло бы входить и в «надо». Людям надо – они и платят. Да и не рассматривал я в своем детском рецепте счастья такой скучный компонент, как деньги.

На пересечении всех четырех областей и находится твой икигай, смысл жизни. После знакомства с этой пятивековой системой я еще больше укрепился в правильности своей формулы счастья. Раз она пришла в голову какому-то древнему японцу, а потом современному малышу, то есть мне, значит, в ней есть зерно истины.

И чем дольше живу, чем больше наблюдаю за людьми, тем

больше убеждаюсь: моя формула работает.

Так что запишите: счастье – это когда совпадают твои «надо», «могу» и «хочу». И черт с ним, с четвертым компонентом. Если совпадут мои три, деньги приложатся!

Ася старательно занесла формулу в блокнот, показала собеседнику. Тот удовлетворенно кивнул.

– Так как насчет вас? – спросила Ася. – У вас в итоге совпали ваши «надо», «могу» и «хочу»?

Он поерзал и задумчиво поглядел вдаль.

– В геометрии фигура из трех соединенных между собой точек, я имею в виду треугольник, считается устойчивой, но в жизни... Вечно выпадает этот третий компонент. То надо и могу, но не хочу. У большинства это характеризует работу. То могу и хочу, но никому этого не надо. Как правило, это всякие дурацкие хобби: компьютерные игры, например, или неразделенная любовь. Да-да, любовь тоже отлично вписывается в мою формулу. Вы хотите быть с человеком, готовы все сделать ради него, семьи, а ему это даром не надо... А вот формула «хочу» и «надо» часто отражает наши стремления, планы. Хочу заняться спортом, хочу здоровое тело, и это мне действительно надо. Но не могу, хоть убейте! Не могу я вставать на час раньше, чтобы разминаться и обливаться. Не могу я хрустеть морковкой вместо чипсов. Не могу посещать спортзал после работы, на которой все эти «могу» и «надо» высосали из меня последние силы! Понимаете? Вечно выпадает один компонент... Вечно чего-то не хватает

для полного счастья.

– Ну а как насчет этого разговора? Мне нужен был ваш рассказ – это «надо». Вы вывели уникальную формулу, про которую можете мне рассказать – это «могу». И наверняка вам хотелось ей поделиться с кем-то хоть раз в своей жизни, ведь вы говорили, что с детства эту вашу формулу не воспринимали всерьез. Значит, воплотилось и «хочу»? – лукаво улыбнулась Ася.

– Bravo, девушка! – заплодировал он. – Схватываете на лету! Не только усвоили мою формулу, но и тут же применили ее на практике! Хвалю. И вы правы, этот разговор был мне чертовски приятен. Может, это и были проблески счастья. Хотя был бы я адептом икигая, для полного счастья потребовал бы с вас четвертый компонент: денег!

И он рассмеялся своей шутке.

Ася полезла в рюкзак и выудила мандарин.

– Мне повезло, что в вашей формуле всего три составляющие! И вместо денег примите, пожалуйста, этот фрукт. Спасибо вам!

Адвокат был приятно удивлен и даже растроган. Пришло время прощаться, и Ася покидала яхту с улыбкой на лице. До нее еще долго доносился аромат свежеччищенного мандарина.

Глава 27

На третьей неделе Аут обратился с ней сам.

– Хочешь что-то спросить?

Ася даже растерялась. Внутренний покой, к которому она привыкла за последнее время, вдруг всколыхнулся. Несколько дней она не говорила ни с кем и, казалось, даже забыла, как ворочать языком, чтобы получались слова. Поэтому она просто кивнула.

– Спроси, – предложил монах.

Ася откашлялась и коротко рассказала о своих поисках.

– Наохам, – повторил Аут, прислушиваясь к новому имени.

Не знает, догадалась она.

Асю стремительно выкидывало из умиротворенного состояния. Оно оказалось таким хрупким! Нахлынули заботы и осознание своего положения: одна в далекой стране, в погоне за мифическим старцем, без денег, существующая лишь на средства друзей. Только сейчас она поняла, что наверняка уволена: сроки отпуска давно вышли, и из той тысячи непросмотренных e-мейлов десятков наверняка принадлежит ее работодателю. Ася настолько погрузилась в свое созерцательное проживание жизни здесь, в Таиланде, что давным-давно не проверяла почту и даже забыла, сим-карта какой страны сейчас установлена в ее телефоне. Помнится, она перешла

на местную связь еще в Тунисе, да так и ездит по свету с африканским номером. А коллегам, конечно, Ася его не общала.

Да, здесь она почувствовала прикосновение настоящей гармонии, но стоит ли это разрушенной жизни? Аут не слышал о Наохаме. Начинать поиски заново сил уже нет. Да и нужно ли это кому-то? Света давно оправилась, московские друзья привыкли к своей судьбе и, принеси им Ася пресловутый рецепт счастья, может, они и не захотят ничего менять в своих комфортных и таких-как-у-всех жизнях.

Аут посмотрел на ее понурые плечи, кивнул и ушел.

Что это значит? Что теперь делать?

Что делать, Ася не знала. А потому продолжила жить так, как привыкла. Каждое утро шла к морю и возвращалась домой через рынок и магазин, каждый вечер приходила в храм и ложилась спать после заката. Единственное, чем отличались эти дни, – ощущением потерянности.

Ася была в тупике.

Глава 28

Димино положение нельзя было назвать успешным. Покорившись обстоятельствам, он покинул Россию и скитался по миру. Такое времяпрепровождение ему нравилось гораздо больше, чем нудная жизнь семьянина и офисного планктона, но он ясно осознавал, что долго это продолжаться не может. Уткин не был миллионером, а деньги у безработных имеют свойство заканчиваться. К тому же, вечные разъезды начинали утомлять. Его мигрени не любили смену климата и часовых поясов, и вдали от дома ему было все сложнее справляться с болью и приступами депрессии.

Дима понимал, что однажды ему придется осесть. Но он так запутался! Казалось, только в движении ему ничего не угрожает. Обоснуйся он на одном месте, тут же обрастет связями, знакомствами. Булочники, соседи, почтальоны – мир кишит миллиардами наблюдательных глаз. Стоит остановиться, как тебя тут же запомнят. Все будут знать, где тебя можно найти. И однажды за тобой придут.

А прийти за Димой могли многие. Начиная от полиции и заканчивая Царем Горы. Еще и докучливых родственников со стороны супруги никто не отменял. Они осаждали его электронную почту сначала слезливым сочувствием, а затем возмущением от того, как он смеет наслаждаться жизнью после смерти ребенка и жены.

Дима перевернул эту страшную страницу своей жизни, но ее следы просвечивали так ярко, что писать новую главу было невозможно.

Если кому-то в этом мире и был нужен ответ всезнающего мудреца, так это Диме.

Когда Ася пропала из дома в Тунисе, Дима знал, где ее искать. Он злился: даже под страхом сгореть заживо чертов араб наврал! Убедил Диму, что не успел сообщить Асе, где искать Наохама. А сам дал ей адрес, и вот теперь Ася едет к мудрецу, даже не попрощавшись!

Но ничего. У Димы была фора. Он знал то, чего не знала Ася.

Он задумал использовать ее для выполнения грязной работы, а сливки снять самому. Пусть Ася ищет людей, уговаривает их, слушает сопливые истории. Дима ненавидел это. Вместо душевных разговоров он предпочитал демонстрировать силу. Пока что такой подход срабатывал на сто процентов. Но ведь весь мир не запугаешь! Поэтому он решил следить за Асей, а когда она будет у цели, опередить ее.

Найти Асю в Эйлате не составило труда. По адресу, полученному от сгоревшего старика, его встретила пожилая дама, которая как-то сразу решила, что раз он русский, значит – друг их вчерашней гостьи. Диме даже говорить почти не пришлось. Дама шепнула ему, что Асю стоит поискать на орнитологической станции. Он поймал такси, выехал за го-

род и затаился на придорожной заправке. Он заметил Асю издалека: одинокая фигурка, бредущая по обочине в пыли от проносящихся мимо автомобилей.

Рядом заправлялся грузовик, и Дима попросил водителя подкинуть к подружке. Мол, разминулись, во-о-он она идет. Прокати двести метров!

Случайная встреча разыгралась как по нотам. Убедившись, что Ася направляется на станцию, он назначил ей свидание и уехал. Не хотел слишком активно маячить рядом с ней: нельзя было вызывать подозрения.

Весь день он выбирал стратегию, остановился на соблазнении. Дима решил еще больше сблизиться с Асей, чтобы можно было следить за ней, больше не выжывая информацию по крупицам. Возможно, Ася так размякнет, что сама расскажет Диме о мудреце и о том, как продвигаются поиски.

Но за годы в браке Дима подзабыл уроки флирта. Весь вечер делал промашку за промашкой. Прогулка на катере Асю не впечатлила, томные взгляды не действовали. Наоборот, с каждой попыткой сломать лед Ася словно все больше отдалялась и замыкалась в себе. Дима начинал нервничать. На прощание он прибег к последнему варианту: попытался вызвать жалость, намекая на разбитое сердце. Но и это не подействовало.

Он временно отступил, решил покорить ее завтра чем-нибудь особенным.

На следующий день Дима дежурил у Асиной гостиницы

с полудня. Он очень удивился, увидев ее не выходящей из дома, а возвращающейся откуда-то.

– Ранняя пташка, – пробормотал он, наблюдая за Асей. – Неужели ночевала не в своей постели?

Она казалась взбудораженной. Шаря одной рукой в кармане, второй держала у уха телефон и что-то оживленно говорила. Дима уже решил подойти, но Ася выудила ключ, открыла дверь и скрылась в доме.

Она вышла через полчаса. Набитый рюкзак, куртка через плечо. Уезжает?

Дима завел машину и последовал за Асей. Такси привезло ее в аэропорт, он ненадолго потерял ее в толпе китайских туристов, а когда снова нашел, Ася уже направлялась на таможенный досмотр. Проглядел стойку регистрации! Как теперь узнать, в какую страну она отправилась?

Дима попытался было ее догнать, но Ася быстро прошла все проверки и оказалась вне досягаемости. Он кинулся к табло, попытался вычислить ее рейс, но тщетно. С тем же успехом можно бросать монетку и гадать на кофейной гуще. Упустил!

Глава 29

Наконец это случилось.

– Мне известно, где сейчас Мастер, которого ты ищешь, – объявил однажды Аут.

– Откуда? – недоверчиво спросила Ася.

Монах засмеялся:

– Если ты идешь к Наохаму, то научись задавать правильные вопросы. Полезнее было бы спросить не откуда, а что именно я про него знаю.

– Конечно, – кивнула Ася. – Так где же он?

– Я покажу тебе на карте, – сказал Аут и позвал другого монаха, помоложе.

Они быстро заговорили, Ася не успевала разбирать слова. Тайский давался ей тяжелее других языков.

– У всех сейчас телефоны, – пояснил Аут и развел руками, – Кроме меня! У Пуры вот есть. Сейчас откроется карта.

Молодой монах по имени Пура запустил приложение и передал телефон Ауту. Тот растопырил пальцы и неумело водил ими по экрану. Случайно увеличил карту до масштаба улиц и домов и, увидев знакомые названия, отвлекся, увлеченно стал искать родную пагоду. Нашел, обрадовался, как ребенок, принялся показывать находку Пуре и Асе, но наткнулся на ее ожидающий взгляд и смутился.

– Сейчас-сейчас, – пробормотал он. – Надо чуть умень-

шить.

– Давайте я помогу, – не выдержала Ася и взяла смартфон.

Уменьшила карту так, что на экран влез остров целиком.

– Ещё уменьши, – велел монах.

Теперь на экран вошёл весь Таиланд и пограничный Лаос.

– Так? – спросила она с надеждой.

– Еще уменьшай, – ответил Аут.

Она снова уменьшила масштаб: появился Китай и кусок Индии.

– Еще! – махнул монах с таким видом, будто до нужного места настолько далеко, что можно не мелочиться.

Ася сократила карту до предела, так, что влезла даже Австралия. Вот куда бы она не хотела лететь! Радиация, пыльные бури, гигантские пауки.

При этих мыслях мимо Асиного носа не спеша пролетела какая-то огромная жужелица. Кажется, в лапах она тащила крупное насекомое. Ну ладно, подумала Ася, провожая ее взглядом, в принципе, насекомые и все эти членистоногие не так и страшны. Но Австралия все равно никогда не была континентом ее мечты.

Аут подвигал скрюченным мизинцем карту.

На экране раскинулась Россия. Неужели?.. – промелькнуло было у нее в голове, но нет: карта поехала южнее.

– Вот! – гордо ткнул Аут в экран.

– Мадагаскар?! – воскликнула Ася.

– Только не большой остров, а маленький.

Ася ошалело рассматривала карту. Зато не Австралия, да.

– Маленький Мадагаскар? – спросила она. – Что это значит?

– Наохам не здесь, – Аут указал на Мадагаскар, – А где-то здесь.

Он начал тыкать на мельчайшие островки вокруг большого острова.

– Но где именно? – спросила Ася.

Монах пожал плечами.

– На одном из них. На скале. Я видел его глазами.

Поглядел в ее озадаченное лицо и неожиданно похлопал по плечу:

– Ты найдешь его.

Ася растрогалась. Местные монахи старались не касаться женщин. Этот жест и слова Ауа обнадежили ее.

Привет, Мадагаскар, последний пункт такого длинного пути!

Глава 30

«Я не говорю: он разбил мне сердце. Я сама его себе разбила.

Я не говорю: он заставил меня плакать или сделал счастливой. Все это я делаю с собой сама.

Разве кто-то может меня обидеть в обход меня? Нет, нет и еще раз нет! Лишь я и только я могу позволить людям делать что-то со мной. Могу позволить расстроить себя. Могу позволить обрадовать себя. Я хозяйка своих чувств, а потому разве стоит злиться на других за то, что они якобы сделали со мной? Ведь это я допустила, я сама виновата.

А раз виновата, и раз я себя люблю – а я себя люблю! – то могу быстренько попросить у себя прощения, загладить свою вину перед собой и исправиться. Мне не нужно надеяться на то, что исправится мой обидчик. Не нужно терять драгоценные минуты жизни в ожидании, что кто-то образумится, прозреет и поймет, как был не прав по отношению ко мне и сколько боли мне причинил.

Ведь я знаю, что всю эту боль я причинила себе сама. В какой-то момент я забыла, что люблю и берегу себя, и выбрала страдание, боль, несчастье. Но ощутив эту боль, я быстро понимаю свою ошибку и исправляюсь. Вот и вся премудрость!

В конце концов, даже любовь – это мой выбор. Чувство – это не вирус, не ядовитый газ, который действует на тебя

извне и которому ты не можешь противостоять. Любовь рождается внутри. И кто, как не ты сам, несет ответственность за эту любовь? Только тебе решать, какой она будет: светлой, тягостной, страстной или нежной, да и будет ли вообще.

То, о чем я говорю, сравнимо с... аллергией!

Разве кошка виновата, что у вас текут слезы и чешется нос? Нет, это ваш организм так реагирует на невинное животное. Неужели вы будете ждать, что кошка осознает ваши страдания и уйдет, либо откажется от своей роскошной шубки ради вас? Конечно, нет: вы не перекладываете ответственность за свою реакцию на того, кто стал причиной этой реакции.

Тогда почему мы ждем, что люди изменят свою природу, привычки, убеждения только потому, что нам больно? Гораздо проще и правильнее осознать, что наша боль родилась внутри нас. А значит, потушить ее – в нашей власти».

Ася сидела, затаив дыхание. Самолет из Бангкока летел уже несколько часов, прошел обед, и две пассажирки за ее спиной беседовали о жизни и любви. Рассказ одной из них идеально подходил к Асиной коллекции историй. Бывают же совпадения, восхитилась она. Хотя за время, проведенное в Таиланде, она перестала верить в случайности. Единая канва, вплетающая в себя все происходящее, уже не казалась Асе романтическим вымыслом. Все лучше она понимала слова тунисского старика о том, что все взаимосвязано. Как он сейчас, оправился ли? Ася вздохнула, глядя в иллю-

минатор на бескрайний океан.

Глава 31

– Ты знала, что Мадагаскар – это не один остров?

– Мои знания о Мадагаскаре ограничиваются одноименным мультиком, – засмеялась в трубку Инга. – Но я сомневаюсь, что ему можно верить, ведь там пингвины управляли самолетом!

– Тогда просвещайся. Мадагаскар – это огромное остров-государство, но помимо главного острова к нему примыкает еще несколько мелких островков.

– Как увлекательно, – саркастически протянула Инга.

– Сейчас будет еще увлекательней, – пообещала Ася. – Ведь на одном из них... внимание, барабанная дробь... живет наш мудрец!

– То есть ты нашла Наохама? – ахнула Инга. – Он точно там? Ты уверена?

– Я буду уверена, лишь увидев его воочию. Но меня направил сюда человек, которому можно доверять.

«Я видел его глазами», – сказал тогда Аут. Да уж, очень авторитетный источник.

– Асенька, ведь это прекрасные новости! – возликовала Инга. – Я поздравляю тебя! Где ты сейчас?

– Я в Антананариву, в аэропорту. Здесь хороший вайфай. Изучаю местность на спутниковой карте.

– Ждешь самолета?

– Нет, пока не жду. Загвоздка в том, что сначала надо понять, куда лететь. Ведь я не знаю, на какой именно остров мне нужно.

– Вот как, – разочарованно протянула Инга. – И много там островов?

– Порядочно, – вздохнула Ася.

– И как планируешь его искать?

– Нужно просто подождать, – уверенно ответила Ася. – Он сам найдет меня.

– Непонятно говоришь. Кто тебя найдет, Наохам?

– Нет. Остров.

– Остров?! – переспросила Инга и замолчала. Ася вслушивалась в гул Москвы: судя по звуковому фону, Инга говорила из машины с открытым окном. Клаксоны, рев моторов и еле слышное радио. В пробке, наверное, стоит.

– Слушай, а может, пока заканчивать твоё путешествие? – произнесла наконец Инга. – Оно, по-моему, затянулось.

– Что ты такое говоришь, – удивилась Ася. – Заканчивать? Сейчас, когда я почти у цели? Осталось совсем немного.

– Да и бог с ним, – воскликнула подруга. – Он уже никому и не нужен, этот Наохам! Мы все в норме. Возвращайся!

– Он нужен мне, – твердо ответила Ася. – И жестоко с твоей стороны говорить, что то, что я делаю, никому не нужно.

– Прости, но скажу начистоту: ты становишься странной. Меняешься. Ты уверена, что не хочешь вернуться домой? Я могу прямо сейчас заказать тебе билет на ближайший рейс,

и уже завтра ты будешь в Москве. Давай? Плюнь ты на этого старика. Света поймет. Мы все пойдем.

– Спасибо тебе, – улыбнулась Ася. – За заботу. Но я в порядке. Я в большем порядке, чем была когда-либо.

– Вот как. Ты в порядке.

Инга помолчала. Клаксоны, радио.

После долгой паузы она спросила:

– Ответь честно: ты вообще не хочешь возвращаться, так ведь?

– Нет, это не так, – ответила Ася. – То, что я уже обрела, те изменения, о которых ты говоришь, останутся со мной всегда и везде. И на Мадагаскаре, и в России. И это, внутреннее, не изменится от внешних факторов. Они как рябь на воде, понимаешь? Все, что происходит в жизни, словно волны на поверхности. Океан может бушевать, но в глубине он всегда спокоен. Незыблемо спокоен...

– Вот сейчас ты максимально странная, – пробормотала Инга. – Ладно, не хочешь в Москву, ищи своего старика.

Она снова помолчала, а потом заговорила с внезапной злостью.

– Но рано или поздно тебе придется вернуться, не забывай. Одно дело для нас – спонсировать твое путешествие, так как это как бы наш общий вклад в помощь Свете. Ведь мы все участвуем материально, не только я. Дэн и Антон тоже выделяют деньги на твои транспортные расходы, оплачивают тебе связь, жилье. Складывается ощущение, что ты привык-

ла к такому положению вещей и вполне им довольна. Но до конца твоей жизни мы не будем тебя содержать, ты это понимаешь? Конечно, мы не станем требовать от тебя возврата долгов, так как, повторяю, это наше общее дело. Но стоит нам перекрыть кран – и тебе придется вернуться к нормальной жизни. Без всяких глупостей типа прозрений, изменений и незыблемо спокойного океана всей этой невероятной ерунды. Это просто слова, пустые слова, понимаешь?

– Почему ты злишься? – спросила Ася. – Из-за денег?

– Да нет же, не из-за денег! – вскричала Инга. – Из-за тебя! Ты стала совсем другой. Послушай себя! Несешь какую-то чушь, воображаешь себя самой мудрой, как будто тебе доступно великое знание, а мы – мы просто черви, копошимся тут в грязи и занимаемся ничтожным трудом, зарабатываем презренные деньги, чтобы обеспечивать тебя, нашу великую и просветленную Асю!

Это было странно слушать от Инги, всегда такой спокойной, ироничной, уверенной. Она почти впала в истерику, в голосе звенели слезы, и Ася недоумевала, чем так расстроила подругу. Хотя, немного отстранившись от ранящих слов и несправедливых нападок, Ася четко понимала причину упреков.

Инга, конечно, была права на ее счет. Ася изменилась, она сама отмечала это, просто наблюдая за своими мыслями и реакциями. Она стала словно отстраненной, и эта отстраненность дарила безграничную свободу и спокойствие.

Ася больше не волновалась ни о чем. Она точно знала, что мудрец найдется и все образуется. Она понятия не имела, как именно все устроится, но Асю это и не волновало. Ее ум иногда в смятении бился в черепной коробке, атакуя миллионом вопросов. Куда ехать? На что жить? Где взять деньги на еду? Что, если Инга перестанет оплачивать дорогу и телефон? Вдруг Наохам откажется говорить? Чего ждать после возвращения в Москву?

Но она с внутренней улыбкой наблюдала за неиссякаемым потоком этих вопросов. Пусть ум беснуется, он больше не имеет над ней той власти, которую имел совсем недавно. Оглядываясь на свою прошлую жизнь, она ясно видела, что все решения за нее принимал ум, а ведь он всего лишь инструмент для жизни, не больше. Ум, не имея понятия об истинном устройстве бытия, вел ее по жизни наугад, вслепую, ориентируясь на иллюзорные истины. Чем она руководствовалась в прошлом? Детскими установками, мнением социума, книжными правилами, которые создали такие же слепые люди, движимые слепым умом.

Разве можно прожить счастливую жизнь, когда за тебя все решает машина, созданная лишь для того, чтобы помогать организму функционировать и выполнять простейшие действия? Кому Ася отдала штурвал своей жизни?

Она действительно не знала, на каком острове ее ждет Наохам. Точнее, ее ум этого не знал, ведь ему неоткуда было взять информацию. Однако Ася не беспокоилась. Ей больше

не нужно было искать. Все это время не она искала – а ее находили. События, люди, переживания – все приходило само и именно тогда, когда наступало нужное время.

Ася была уверена: если встрече с Наохамом суждено случиться, она случится. Если нет – то никакой интернет, никакое прочесывание островов Мадагаскара не приведет ее к мудрецу. Поэтому она ждала.

Но Инга, ведомая умом, не могла этого понять. Инга чувствовала, что Ася словно освободилась, и ее ум в страхе потерять власть заставлял ее ненавидеть подругу. Ее ум боялся, что Инга тоже освободится, как и Ася, и застилал ей глаза обидой и злостью. И дело было, разумеется, не в деньгах, но деньги – отличный рычаг воздействия, за который ум Инги с упоением дергал.

Ася точно знала все это, но, конечно, не могла ничего объяснить.

– Милая Инга, прости, что заставляю тебя переживать. Мне больно слышать твои слова, но я понимаю, что тебе сейчас еще больнее. Я обещаю, что найду мудреца и вернусь. Ты моя близкая подруга и всегда останешься такой, как бы я ни изменилась...

Именно эти слова повторяла про себя Ася весь вечер, снова и снова прокручивая в уме тот телефонный разговор. Именно так и надо было ответить! Но в реальности она, конечно, вспылила, накричала в ответ, и беседа закончилась ужасной ссорой.

Ведь между пониманием сути вещей и истинной свободой – длинный путь. И Ася, хоть уже и ступила на него, делала только первые неуверенные шаги.

Глава 32

На Мадагаскаре было жарко и непонятно. Все казалось еще более чужим, чем в Таиланде. Странные животные, незнакомый язык, отстраненные люди. Ася надеялась, что Наохам найдется «как-нибудь сам», через случайную встречу или знак свыше, но ничего не происходило.

Она жила в Антананариву уже несколько дней и пыталась сообразить, как найти мудреца. Пребывание в Тунисе воспринималось уже таким далеким, что, получив в мессенджере сообщение от Саши, Ася долго не могла понять, о чем речь.

Наконец память прояснилась. Саша – репортер, рассказавшая Асе о Царе Горы и Диминой трагедии. Журналистка сетовала на недоступность Асиного телефона и просила связаться с ней.

«Это о Царе Горы?» – написала Ася, опечталась в слове «гора» так, что получился «Царь Норы», и долго хихикала над своей ошибкой.

Хихикала, пока не пришел ответ:

«Да. Тебе грозит опасность. Держись подальше от Уткина».

Ася отправилась в проверенное место на городской площади, одно из немногих, где хорошо ловил сотовый. Сашин голос звучал взволнованно:

– Царя Горы поймали! – вместо приветствия заявила она. – Уткин с тобой?

– Нет, – растерянно ответила Ася. – Я не видела его уже давно, с Израиля.

– С Израиля? – переспросила Саша. – А сейчас ты где? Хотя нет, не говори мне! И никому не говори, где ты находишься!

– Да в чем дело-то? – недоумевала Ася. – Я в Антананариву, на Мадагаскаре, никакой тайны тут нет. Раз Царя Горы поймали, к чему беспокоиться?

– Так. Рассказываю по порядку, – Саша выдохнула, чтобы успокоиться. – Прости, в этой дыре я растеряла весь профессионализм, разучилась связно излагать свои мысли. Итак, Царя Горы поймали. Это женщина.

– Неужели? – поразились Ася.

– Все тоже удивились, хотя почему бы и нет. Никаких силовых действий она не совершала, лишь рассылала записки да взрывала всех подряд. А собрать и подложить бомбу может даже ребенок. Да и действовала она с особой женской хитростью и коварством, психологи могли бы и догадаться.

– И на чем же она прокололась?

– Ты не поверишь! – ликующе закричала Саша. – Это просто песня! Царь Горы, точнее, Царица, ее фамилия Коломийцева, забеременела и отправилась рожать. У врачей были какие-то опасения на счет ее здоровья, и она провела в больнице на сохранении три месяца до родов. Сами роды ре-

шили проводить методом кесарева сечения, пошли какие-то осложнения. Вот под наркозом наша убийца все и выложила! Сначала никто не обратил внимания на ее рассказы, мало ли кто что в бреду говорит. Но дело Царя Горы настолько резонансное, что кое-кто из персонала стукнул в полицию. Коломийцеву стали проверять, и выяснилось, что Царь Горы – это действительно она. Представляешь?

– С ума сойти, – восторженно проговорила Ася. – Так ее посадили?

– Да, ее держат под стражей до суда. Оказывается, в октябре, закончив свое последнее дело в Оренбурге, Коломийцева переехала в Питер, этим и объясняется долгое затишье между преступлениями. Занята она была. Вещи упаковать, на новом месте обустроиться, с соседями подружиться. Убийцы тоже люди. А потом наша Царица Коломийцева взялась за Уткина. Она и вправду была в курсе той спасательной операции, считала Дмитрия виновным в гибели коллег и решила вывести его на чистую воду. Отправила первую записку и загремела в больницу. Больше ничего сделать не успела! Тут у нее железобетонное алиби. Она была в таком нехорошем состоянии, что при всем желании не могла сбежать из-под надзора врачей и поубивать всех членов семьи Уткина.

Ася молча думала.

– Алло, Ася, ты тут? – заволновалась Саша. – Слышишь, что я говорю? Коломийцева не причастна к гибели родителей, жены и ребенка Уткина.

– Я слышу, – ответила Ася. – Может, ей помогал кто?

– Не было у нее сообщников, Ась. Все смерти после первой записки, отправленной Уткину, – не ее рук дело.

– Тогда чьих? – тихо спросила Ася.

– Вопрос на миллион, – сказала Саша. – И ты, думаю, уже знаешь ответ.

– Я не понимаю, на что ты намекаешь, – испугалась Ася. – В любом случае, я давно не общалась с Димой и даже не знаю, где он сейчас находится!

– Главное, чтобы он не знал, где сейчас находишься ты.

– Считаешь, что Дима сам убил всю свою семью?

– Да, считаю, – ответила Саша. – Подумай здраво: кому еще это было нужно?

– А ему зачем это делать?

– Мотивы мне неизвестны, – призналась журналистка. – Возможно, его просто все достало. Может, там какие-то деньги, долги, ревность, ненависть, откуда мне знать? Я твоего Уткина не изучала. Но и без мотивов понятно, что свою семью грохнул он сам, прикрываясь Царем Горы.

– Это совсем не похоже на Диму, – прошептала Ася.

– Я тут выяснила, что Уткин предъявил полиции три записки с угрозами. Три! А Коломийцева написала всего лишь одну, первую. Это доказанный факт. Неужели у Дмитрия нашелся еще один недоброжелатель, который решил прикинуться Царем Горы, чтобы убить родственников Уткина? Причем заметь: покушений на самого Дмитрия не было. Что

это за повальная одержимость Уткиным и его семьей? Он ведь не политик, не знаменитость, не богач. Если честно, никому нет никакой пользы от трагедии в семействе Уткиных. Кроме разве что самого Уткина.

Ася слушала. Рассуждения казались логичными.

– Вспомни записки, которые ты нашла у него в доме. – продолжала Саша. – Кто их писал? Мы точно знаем, что не Царь Горы. Тогда кто? Фото той записки посмотрели эксперты и сказали, что это больше похоже на черновик. Слышишь? Черновик! Уткин собирался подбросить самому себе записку от имени Царя Горы, а то, что ты нашла, было тренировкой. Он просто подбирал более подходящую фразу. Потому там два разных послания на одной бумажке.

Ася закрыла глаза и представила тот клочок бумаги. Как там было? «Люди будут гореть»?

Тогда, в Тунисе, Ася связала эту угрозу с поджогом старика. А к чему она относилась на самом деле? Если к старику, то значит ли это, что сарай сжег Дима? Но зачем?!

И какой смысл описывать свое преступление в записке? Хотя это как раз было понятно: Дима подстраховался. Если он наследил, и полиция придет с вопросами насчет поджога, Уткин сможет предъявить послание. Мол, все это дело рук Царя Горы, вот и письмо от него с угрозами. Получив это, я не понял, что имелось в виду, и только сейчас мне стало ясно: маньяк предупреждал, что совершит поджог. Почему он выбрал никому не известного араба? Вероятно, потому,

что Ася с ним знакома. Царь Горы мог подумать, что старик важен и для Димы. Чего маньяк хотел этим добиться? Видимо, пытался надавить на Диму, чтобы тот спровадил Асю и остался один. Может, девушка мешала его маньячным планам.

Ася поморщилась: не сыроваты ли рассуждения? Пожалуй. Но ведь она располагала лишь черновиком. Наверняка позже Дима изобрел более изящное объяснение своему преступлению.

Получается, Уткин подошел к покушению на старика с холодным умом. Заранее подготовил ложный след, чтобы пустить по нему возможное расследование. Или он сначала спалил сарай, а потом решил сфабриковать себе алиби?

Как бы то ни было, если Дима причастен к поджогу, значит, у него со старым арабом были какие-то дела. Но что их могло связывать?

От роя вопросов гудела голова.

– Я не понимаю, что за игры он затеял, – пожаловалась Ася.

– Я тоже, – согласилась журналистка. – Убийство семьи еще объяснимо, а вот деятельность в Тунисе я объяснить не могу. Одно знаю точно: все это как-то связано с тобой. Ведь пока тебя не было, Уткин сидел тихо. К тому же, все эти «два больше одного» в записке наверняка намекали на тебя. Ничего не хочешь мне рассказать?

– Не хочу, – отказалась Ася.

Поиски Наохама с Уткиным никак не связаны. Зачем посвящать в них посторонних?

– Ладно, – легко согласилась Саша. – Я ведь ничего не расследую. Просто не хочу, чтобы с тобой случилась беда. Ну и если Уткина посадят, я, конечно, с удовольствием посмотрю репортаж об этом. А так ничего личного!

– Я буду держаться от него подальше, – пообещала Ася и отключилась.

Ася написала монахам в Таиланд отчаянное письмо. Она рассказывала, что прилетела на Мадагаскар и понятия не имеет, с чего начать поиски Наохама. Не мог бы Аут дать более точную информацию?

В ожидании ответа она теряла дни в гостининой домика, где сняла комнату. Ася уже обошла, наверно, все храмы и религиозные сообщества в городе, расспрашивая людей о Наохаме. Результатов не было. Оставалось лишь найти катер и приступить к планомерному осмотру каждого островка в округе. Ася понимала, что на это уйдет много недель, ведь никто не знает, в каком закоулке прячется мудрец, на какой скале искать его тайную хижину.

Она сидела в уже привычном своем кресле недалеко от входа и потягивала банановый коктейль, когда к ней обратился хозяин дома.

– О вас сегодня спрашивали.

Это было неожиданно.

– Обо мне? – не поверила Ася. – Точно?

– Точно, – закивал тот. – Русская, невысокая. Фотографию показывали.

– Фотографию? – подскочила Ася. – И кто же меня искал?

– Мужчина, – разулыбался хозяин.

Ася достала телефон и показала Димино фото.

– Этот? – спросила она.

– Да, да, он!

Асю заколотил озноб. До этого момента она не до конца верила в причастность Димы к убийствам и поджогу в Тунисе. Но он ищет ее, методично обходит hostels и отели, показывает ее фотографию. Зачем? Что он хочет с ней сделать? Боится, что она раскусила его? Думает, что Ася сдаст его полиции, решил убрать свидетеля? Или он сумасшедший, затеявший какую-то свою игру?

– И вы, конечно, сказали, что я здесь живу, – констатировала Ася.

– Да, сказал. Он же тоже из России! Я подумал, он ваш друг! Тем более, он показывал ваше совместное фото. На снимке вы были вместе и улыбались!

Аргумент был железным. Из России – значит, друг. Конечно, это ведь такая маленькая страна, все русские знают и искренне любят своих соотечественников.

Звякнули колокольчики на двери, и в холл вошел Дима собственной персоной. Он приветственно раскинул руки и пошел к Асе. Она замерла в кресле, вцепившись в подлокот-

ники.

– Прогнать его? – спросил хозяин. Наверно, заметил, как она побледнела.

– Теперь-то что... – пролепетала Ася.

Дима заключил ее в свои объятия и запел национальную русскую песню на тему «сколько лет и сколько зим». Ася молчала.

– Ты что же, не в восторге от встречи, подруга? – Дима встряхнул ее легонько за плечи.

– Как ты тут оказался? – спросила она.

– В Антананариву не так много мест, где можно недорого остановиться! – ответил он, но, натолкнувшись на ее сердитый взгляд, решил сказать правду. – Я искал тебя по всему городу. Что за адская жара! Ты бы хоть оценила мой подвиг!

– Зачем искал?

– Соскучился, – пробормотал он и подхватил ее за локоть. – Пошли к тебе. Покажешь, как устроилась. Поговорить надо.

С колотящимся сердцем Ася повела Диму в свою комнату. Впустила его, закрыла дверь.

– Ну, рассказывай, как дела, какими судьбами на Мадагаскаре, – приговаривал он, прохаживаясь по ковру и разглядывая обстановку.

– Дим, что тебе от меня нужно? – тоскливо спросила Ася.

– Разве ты не рада старому приятелю? – спросил он.

Еще была возможность повернуть все в шутку, прики-

нуться дурочкой, сделать вид, что ей ничего не известно. Еще был шанс отвертеться от объяснений и от страшной правды, которую она совсем не хотела знать. Может, и вправду еще можно отступить назад?

– Конечно, рада, – растянула она непослушные губы в улыбке. – Я просто очень удивлена. Мы с тобой встречаемся в разных уголках планеты, и это всегда так неожиданно, словно сама судьба сводит нас!

Ася затаила дыхание: сработает ли? Подхватит ли Дима этот тон?

Не подхватил.

– Ладно, подруга, – мрачно сказал он. – Не будем тянуть kota за хвост, как говорят у нас в России. Знаешь, от кого я узнал, где ты?

Ася зажмурилась. Не хотела она знать.

– Может, поужинать сходим? – робко предложила она.

Но Дима твердо решил говорить начистоту.

– От журналистки твоей. Для этого пришлось возвращаться в ту тунисскую дыру.

– Мог бы спросить напрямую у меня.

– И ты бы мне сказала правду?

Ася промолчала. Конечно, не сказала бы, даже до разговора с Сашей. Сейчас, на финишной прямой своего пути, Ася не хотела отвлекаться на присутствие постороннего человека.

– Соврала бы, – ответил за нее Дима. – Еще бы и отправи-

ла на другой конец земли, чтобы запутать. Нет уж, пришлось искать более точные источники.

– Саша в порядке? – с надеждой спросила Ася.

– Смотря что считать порядком, – хмыкнул Дима. – Давай так. Ты мне рассказываешь все, что тебе известно про меня, тебя и Наохама.

При упоминании имени мудреца Ася вздрогнула. Дима заметил это.

– Что, не догадывалась, что мне известно о мудреце? – ухмыльнулся он.

– Наохам-то здесь причем? – взмолилась Ася. – Я ничего не понимаю, Дим. Чего ты от меня ждешь? Если ты боишься, что я тебя кому-то выдам, то не беспокойся: не выдам, у меня своих дел полно.

– Знаю я про твои дела. Они-то меня и интересуют. Нашла ты Наохама или нет?

Ася принялась плакать, чтобы потянуть время. Вот причем тут Наохам?!

Она терла лицо и громко всхлипывала, пытаясь быстро сообразить, как действовать.

Итак, Дима откуда-то узнал про Наохама. Ему известно, что Ася занимается поисками мудреца. И по какой-то причине тоже решил его найти. Чем это грозит?

На первый взгляд, ничем. Если не брать в расчет, что Дима – хладнокровный убийца. Он взорвал своих близких и сжег араба. Неужели и Беллу с окна тоже столкнул он? И что

он сделал с Сашей? Вряд ли мирно расспросил и отпустил. Но если обо всем этом забыть, вместе искать мудреца даже проще. Можно разделиться и обшарить острова в два раза быстрее.

С другой стороны, почему бы Диме самому не поискать мудреца? Ведь он затратил столько усилий, чтобы найти Асю. Направил бы эту энергию в другое русло, и, возможно, уже давно опередил бы Асю в ее поисках. Наверняка путь, по которому она движется, не единственный. Скорее всего, в мире есть и другие люди, которые могут навести на след Наохама. И для этого не обязательно молиться в тайских храмах и целыми днями кружить по Антананариву. Так зачем он здесь?

Послушав ее рыдания, Дима вздохнул.

– Судя по тому, что ты до сих пор тут, Наохама ты не нашла. Верно?

Ася закивала.

– А где его искать, знаешь?

Ася на всякий случай замотала головой.

– Врешь! – закричал Дима. – Чего ты тогда сидишь на Мадагаскаре?

– Наохам где-то здесь, но я пока не выяснила, где именно, – честно ответила Ася. – Ты тоже хочешь задать ему вопрос?

– Не твое дело! – огрызнулся он.

– Ладно, – Ася примирительно подняла руки. – Не забы-

вай, это ты ко мне заявился. Я к тебе с вопросами не пристаю. Не хочешь рассказывать, не надо. Твои дела мне совсем не интересны.

Дима как будто бы несколько остыл. Асины рассуждения звучали здраво. Он видел, что Ася не стремится вывести его на чистую воду, и успокаивался.

– Ты нормальная девка, Ася, – заявил он. – Поэтому делай, что я говорю, и мы поладим. Найди мне Наохама и улетай домой. Обещаю, я тебя больше искать не буду. И ты мне на пятки не наступай.

– Давай искать его вместе! – воскликнула Ася. – Быстрее управимся!

– Да мы и будем все время вместе! – засмеялся Дима. – Неужели ты думала, что я теперь отпущу тебя от себя дальше, чем в сортир? Нет уж, дорогая, приготовься провести остаток своих дней в моем обществе.

Он помолчал, глядя на сереющее Асино лицо, и спохватился:

– Я имел в виду, конечно, остаток твоих дней здесь, на Мадагаскаре. Хотя чем черт не шутит!

Дима приказал ей оставаться в номере, а сам спустился за вещами. Когда за ним закрылась дверь, Ася побежала в ванную, заперлась и включила воду.

Единственное место, где можно поразмышлять.

Телефоны Дима забрал с собой. Связаться с Ингой или Сашей не получится. Сбежать? Звать полицию? Но что ска-

зять, что ее преследует мужчина? Дима располагает их совместными снимками и с легкостью убедит служителей закона в том, что они с Асей – просто повздорившая на отдыхе пара.

Ася не знала, как в Антананариву обстоят дела с полицией, и боялась рисковать. Одно неверное движение, и Дима из старого знакомого превратится в убийцу-взрывника, подражателя Царя Горы. Интересно, он знает, что Царь Горы – женщина?

Умиротворяюще журчала вода. Если разобраться, ничего страшного с Асей не происходило. Просто Дима будет следовать за нею по пятам, чтобы тоже посетить мудреца. Может, ей это даже на руку? Ася решила закрыть глаза на темную историю гибели Диминой семьи и сосредоточиться на настоящем. Она откровенно поделится с ним историей своих поисков, вместе они составят план, найдут Наохама и расстанутся навсегда.

Хлопнула дверь: Дима вернулся. Ася вышла из убежища и принялась рассказывать обо всех своих приключениях.

Глава 33

Дима заставил Асю позвонить монахам, чтобы добиться от них точных координат Наохама. Но застать Аута не удалось, а второй, Пура, помочь ничем не мог. В ожидании ответа Ася и Дима начали объезжать острова.

Дима сдержал свою угрозу: не отходил от Аси ни на шаг. Несмотря на дружеские отношения, он так и не начал доверять ей. Ася старательно следила за речью, чтобы случайно не упомянуть о Царе Горы. Наверняка Дима понимал, что Ася в курсе его преступлений. Но одно дело домыслы, а другое – озвученные обвинения. Стоило Асе открыто назвать Диму убийцей, как она тут же превратилась бы в опасного свидетеля, от которого нужно избавляться. Неосторожные фразы представлялись Асе искрами на складе фейерверков: обронишь одну – и полыхнет так, что уже не потушишь.

Молчание же создавало иллюзию мира. Пока они молчали, Диминого прошлого словно не существовало. Ася не верила, что Дима сможет убить ее, если она сама не даст ему повод. Она рассчитывала на Димину симпатию и верила, что он ее отпустит.

Поэтому Ася всеми силами удерживала этот рубеж и избегала любых воспоминаний о прошлом.

Зато Диму как магнитом тянуло поговорить о том, что он натворил. Наверное, ему хотелось наконец избавиться от

бремени своих тяжких преступлений. Все чаще он упоминал несчастную жену и маленького сына, коварно спрашивая, знает ли Ася, что с ними случилось.

Иногда он вдруг начинал вздыхать и риторически вопрошать, легко ли на свете живется человеку после того, как его преследовал маньяк. И как одиноко бывает по ночам от осознания своего сиротства.

Ася отмалчивалась.

Хотя ей было, что сказать.

Ася тоже была сиротой, только стала ею не по своей воле. Она не взрывала своих родителей, как Дима. Всю жизнь с ранних лет прожила она, не зная, что такое материнская забота и отцовская любовь. Для большинства людей эти слова звучат, как литературное клише, но для Аси от них веяло уютом и настоящим, не исковерканным детством.

Она рано узнала, что чувствуешь на похоронах любимого человека. До сих пор помнила смесь негодования, бессилия и неразделенной любви – любви, которую больше никому разделить. Много лет она не могла слышать звон, издаваемый металлом при падении, ведь это был звук, с которым она бросила на крышку гроба уже не нужное обручальное кольцо.

Ее однажды тоже преследовал маньяк. И эти преследования не закончились на одной невнятной записке. Маньяк выбрал ее не потому, что в результате ее оплошности или непрофессионализма погибли люди. Это был просто безум-

ный старик, который познакомился с ней на улице, приютил, втерся в доверие, а потом пришел темной ночью с ножом и мешком, чтобы уволочь в мрачный подвал.

Но Ася не рассказывала Диме о себе. Она смогла раздвоиться, и одна ее часть была способна спокойно и дружелюбно общаться с Димой, в то время как вторая холодно наблюдала за каждым его действием, ненавидя и называя не иначе как убийцей.

Некоторые острова оказались довольно большими, и на их детальное изучение должно было уйти несколько дней. Ася с Димой оставили этих гигантов напоследок, начав с самых маленьких островков. Высадившись на берег, первым делом они расспрашивали местных о Наохаме. Но никто о нем не слышал. Тогда Ася с Димой отправлялись прочесывать местность: ходили по джунглям, кружили по диким пляжам.

– Мы просто теряем время! – не выдержал однажды Дима, отдуваясь после подъема на крутой склон.

– Похоже на то, – кивнула Ася, подставляя сторевшее лицо морскому ветру.

– Если Наохам живет отшельником, к его дому может даже не быть дороги. Мы же не способны прочесать каждый квадрат на всех островах!

– Ты прав, Дим, – согласилась Ася. – Но что нам еще делать?

– Признайся, ты специально водишь меня кругами, чтобы

я плюнул и уехал, да? – вяло спросил он. Жара выматывала, и у Димы не осталось сил, чтобы злиться.

– Отличная идея. И как только она мне в голову не пришла, – огрызнулась Ася.

– Если я узнаю, что это так, я тебя пришью, подруга, – пригрозил Дима.

– Не сомневаюсь, – пробурчала Ася, и Дима тут же вцепился в ее слова.

– Что ты хочешь этим сказать? – подскочил он. – Считаешь меня убийцей, да?

– Да, – устало кивнула Ася, глядя на горизонт.

Далеко в море медленно плыл белоснежный пароход. Вот бы сейчас оказаться на его борту! Надеть чистый купальник вместо вымокшей от пота майки, освежиться в бассейне, прилечь под тентом с бокалом пина колады... А не прочесывать джунгли безымянного островка на пару с неуравновешенным убийцей.

Нестерпимо щипало ладошку. Судя по алым отметинам, Ася схватилась за ядовитое растение, когда взбиралась на гору. Кольнуло нехорошее предчувствие.

– Надо возвращаться, – сказала она и продемонстрировала ожог.

– До вечера потерпишь, – отмахнулся Дима.

– В Тунисе я чуть не умерла от укусов насекомых, – пожаловалась Ася, но Дима был непреклонен.

Они обошли весь остров, углубились в заросли, опроси-

ли нескольких рыбаков. Все было тщетно. На обратном пути Асю охватил жар.

– Говорила же, я аллергик, могу умереть, – стонала она, размахивая опухшей рукой.

Дима молчал, стиснув зубы. Если в его планы и входила смерть Аси, то точно не сейчас.

Вернувшись домой, он уложил ее в кровать, сфотографировал руку и отправился на поиски лекарства. Ася успела подумать, что это отличный шанс сбежать, и провалилась в глубокий болезненный сон.

Глава 34

Ася умирала. Первый же фармацевт, которому Дима показал фото Асиной распухшей руки, пришел в крайнее волнение, запер аптеку и побежал посмотреть на Асю лично. Она лежала в бреду с температурой 40,2 и со свистом дышала. Асю забрали в больницу, два часа проводили непонятные манипуляции, затем перевели в одиночную палату и окутали множеством трубок. Дима маялся в коридоре.

Врачи расспрашивали его об Асиной аллергии и непереносимости лекарств, убеждали связаться с родственниками, ведь ошибка в выборе препарата могла стоить Асе жизни.

Диму преследовала мысль, что Асина болезнь пришла не просто так, это шанс, который он обязан использовать. Вот только не мог разобраться, должен ли он позволить Асе умереть и избавиться таким образом от опасного свидетеля или, наоборот, проявить милосердие, спасти ее.

Дима знал, что Царя Горы поймали, и полиция с новыми силами взялась за расследование смерти его семьи. Подозревают ли его в убийстве родителей, жены и ребенка, Дима не знал. Он не очень верил в работу российской полиции, но все же допускал, что его могут арестовать. Диму было бы невозможно найти, если бы не журналистка. Кроме Аси, только она располагала сведениями о его местонахождении. По-хорошему, стоило навсегда покинуть Тунис и за-

теряться в каких-нибудь дальних странах, стараясь больше никогда не попадаться на глаза этой Саше. Но узнать, где Ася, он мог только от нее. И после их совсем не дружелюбной беседы оставлять Сашу в живых было уже нельзя. Очкастая выскочка непременно сообщила бы питерской полиции, где находится Дмитрий Уткин, а заодно предупредила бы Асю о том, что он едет к ней.

Убив журналистку, Дима отправился на Мадагаскар. Если раньше Дима собирался лишь следить за Асей и перехватить Наохама, то теперь, убедившись, что они с журналисткой раскрыли его преступления, он знал: придется убрать и Асю.

Она производила впечатление человека, который боится, но не настолько безумно, чтобы делать глупости. Диме нравилось дразнить Асю, то и дело заводя разговор об убийствах и наблюдая, как филигранно она меняет тему. Так случилось и на горе, когда Ася впервые открыто назвала Диму преступником. Она перевела разговор на свой ожог, и Дима решил, что она просто испугалась.

Оказалось, ей действительно нужна была помощь.

Можно было сбросить ее с катера в океан. Но кто, если не Ася, найдет Наохама? Выслушав ее рассказ, Дима поражался, сколько везения и случайных встреч произошло, прежде чем Ася вышла на след мудреца. Как будто ей и вправду помогает кто-то свыше. Поэтому Диме жалко было отказываться от такой удачливой проводницы.

Уткин думал, что она морочит ему голову, специально скрывает от него старца. Но поразмыслив, приходил к выводу, что Ася не стала бы обманывать его. Она верила, что после встречи с Наохамом Дима отпустит ее домой, и хотела поскорее закончить дело.

К тому же, она не знала того, что известно Диме. Того, что было написано в послании. Ася не знала, что число вопросов Наохаму – конечно, и любой вопрос может оказаться последним.

Поэтому надо было спешить, пока их не опередили другие.

Но Ася лежала при смерти в мадагаскарской больнице, время шло, и шансы получить заветный ответ таяли с каждым часом.

Под давлением врачей Дима связался с Асиными близкими. Изучив ее мобильный, он выбрал Ингу. Это оказалась очень деловая и энергичная женщина, которая тут же взяла дело в свои руки, пообщалась с Асиным врачом, раздобыла и прислала выписки из Асиной карточки, которые, впрочем, оказались бесполезными, так как местные медики не смогли разобрать ни слова. Но подходящие лекарства подобрать все же удалось, Асино состояние устаканилось, и Диме оставалось лишь ждать, пока она придет в себя.

Медсестры умилялись, с какой преданностью он посещает больницу. На самом деле он, конечно, боялся, что Ася оч-

нется и сбежит. И все шло гладко, пока однажды не появился монстр.

Монстра звали Светланой. Она с любопытством оглядела Диму и тут же взяла его в оборот, расспрашивая об их с Асей отношениях. Света оказалась той самой подружкой, из-за которой Ася и отправилась в свое путешествие. Для недавней самоубийцы женщина выглядела вполне бодро.

Диме стало еще сложнее. Теперь Ася могла рассказать о нем своей подружке, и избавиться от обеих стало бы не лучшим выходом, учитывая не в меру активных Асиных приятелей. Вообще, раньше Ася представлялась ему никому не нужной чудачкой, отправившейся на поиски приключений от тоски и одиночества. А тут выяснилось, что она окружена довольно могущественными друзьями, которым до нее есть дело. Когда Ася пропадет, ее будут искать. Инга, Света и остальные из Асиной компании не пожалеют средств и сил на то, чтобы выяснить, что случилось с их подружкой.

И если гибель Аси можно будет списать на стечение обстоятельств, то незаметно разделаться с этой шумной Светой не получится. К тому же, Дима уже засветился. Его хорошо знали врачи и медперсонал, помнил хозяин гостевого дома, Инга общалась с ним по телефону, а Света видела в лицо.

Проблемы с Асей росли как снежный ком. Надо было сбросить ее тогда с катера в океан, ругал себя Дима.

Глава 35

Ася открыла глаза и подумала, что все еще бредит. Над ней склонилось три лица: смуглый медбрат, осунувшийся Дима и Света, которой здесь быть точно не могло.

– Я еще сплю? – спросила она, чем вызвала взрыв смеха.

– Нет, Асенька, ты очнулась. Наконец-то! – сказала Светка и чмокнула ее в щеку.

– Как ты тут оказалась? – недоумевала Ася.

– Дима нам сообщил, что ты заболела. Я решила прилететь, помочь деньгами и чем угодно. Я бы не простила себе, если бы ты умерла. Одна, на далеком континенте, среди чужих людей!

Ася поморгала. Сон был таким долгим, что, часть ее сознания все еще витала где-то далеко. Она с трудом вытаскивала себя из небытия.

– Дима? Ты позвонил моим друзьям? – недоверчиво переспросила она.

Мысли путались. Разве Дима – не тот самый мужчина, который взрывает неугодных людей и заставляет Асю искать мудреца? Или это лишь бред, порождение ее больного мозга?

– Да. Позвонил. Тебе лучше много не говорить, – с нажимом произнес он.

Много не говорить. Понятно. Для окружающих звучит как

забота о слабом здоровье, но Ася расслышала угрозу. Дима боится, что она расскажет Свете о том, что он преступник. Он больше не может ее контролировать. Он не сможет все время присутствовать при их со Светой разговорах. Да и причинить им вред у него не получится. По крайней мере, безнаказанно.

Но готова ли Ася рисковать жизнью своей подруги? Вдруг Дима настолько безумен, что грохнет их обеих, не задумываясь о последствиях? Ну и что, что его тут же вычислят и поймают. Асе и Свете будет уже все равно.

Разум стремительно возвращался.

– Сколько я пробыла здесь? – спросила она.

– Шесть дней, – сказала Света. – Еще немного окрепнешь, и полетим домой. Хочешь домой?

– Хочу домой, – кивнула Ася. – Но сначала надо найти Наохама.

– Асенька, бог с ним, с мудрецом! – всплеснула руками Света. – Ты тут чуть не померла! Я благодарна тебе за все, что ты прошла ради меня. Может, в этом и есть мой рецепт счастья: в том, что у меня есть такие самоотверженные друзья.

Ася долго вглядывалась в лицо подруги.

– Но ведь это не так, – произнесла она. – Ты в это не веришь. Ты ведь все еще не счастлива.

– Подумаешь, – махнула Света. – Может, счастья и не существует. Может, люди его выдумали просто для того, чтобы

было к чему стремиться.

Ася перевела взгляд на Диму.

– А ты что скажешь? – спросила она. – Какой у тебя вопрос к Наохаму?

Дима замялся.

– Это личное, – пробормотал он.

– Вот пусть Дима и продолжит поиски, – заявила Света. – Найдет Наохама, сообщит нам с тобой, и мы быстренько прилетим по адресу.

Ася обвела друзей сияющим взором и торжественно сказала:

– Мы уже можем лететь по адресу. Я знаю, на каком острове живет Наохам.

Глава 36

Света открыла масленку, и из нее веером разлетелись мелкие мушки. Она с отвращением помахала рукой у лица, осмотрела масло: мягкий кусок испещрен черными точками и полосками. Похоже на ходы каких-то насекомых.

– Мы лишились масла, – устало констатировала она.

Не дождавшись ответа, обернулась и крикнула в темную комнату:

– Ася, ты слышишь? Какие-то твари пожрали наше масло!

Я ведь оставила его без присмотра всего на полчаса!

Ася вышла на террасу. Некоторое время постояла молча, затем медленно подняла ногу и осмотрела босую ступню. Сосредоточенно вынула из большого пальца занозу.

– Фу, гадость, Ась! Не делай так, тем более рядом с едой! Я сейчас в обморок хлопнусь!

– Прости, – пожалала плечами Ася. – Вместо масла можно взять ореховую пасту.

Света в сердцах бросила крышку масленки на деревянный пол. От шума из угла выпорхнул огромный мотылек. Ася задумчиво проводила его взглядом.

– Ореховая паста закончилась позавчера. У нас почти нет нормальной еды, а от местных фруктов у меня постоянное расстройство желудка. Я говорю тебе это каждый день, а ты меня будто не слышишь. Сколько нам еще торчать в этой

развалюхе?

– Ты знаешь все, что знаю я, – ответила Ася. – Сейчас мы просто ждем. Не от меня зависит, когда мудрец примет нас.

– И сколько еще мы будем «просто ждать»? – нервно воскликнула Света.

– Будем ждать, пока он нас не примет.

Ася обулась и направилась к выходу.

– Хватит разговаривать со мной, как с ребенком! «Будем ждать, пока не примет». Что это за ответ? Я спрашиваю, какой у тебя план, а ты отмахиваешься от меня. Я что, совсем тупая, по-твоему?

Ася покачала головой и начала спускаться по лестнице. Зброшенная хижина, их временное пристанище, стояла на высоких балках посреди джунглей. Чтобы попасть в нее, нужно подняться по приставной лестнице, скрученной из веток и лиан. Настоящий дом на дереве, мечта любого мальчишки!

Это место располагалось ближе всего к жилищу Наохама. С тех пор, как Ася нашла его, прошел уже почти месяц. Со стороны ее внезапное знание о том, где искать Наохама, выглядело чудом. Ася и сама подумала было, что в смертельной агонии ее посетило прозрение, и образ острова с характерным мысом появился в ее сознании из ниоткуда. Но потом она нашла более прозаичное объяснение.

Ася вспомнила, что во время своей болезни приходила в сознание несколько раз. Первые попытки очнуться были

слишком кратковременными, чтобы их успели заметить, и она помнила их как ослепительные вспышки белого света – не потустороннего, к которому тянутся умирающие души, а холодной больничной люминесценции. Но однажды она пришла в себя аж на несколько минут. В палате было тихо, рядом сидел Дима. Он спал. На прикроватной тумбочке кто-то аккуратно разложил телефоны: Димин и Асин.

Она чувствовала себя сильной и здоровой. Должно быть, действовало какое-то лекарство. Ася ясно соображала и сразу вспомнила, что Дима – убийца, держит ее рядом с собой силой для того, чтобы найти Наохама. Она проснулась на редкость удачно! Ася решила сообщить Саше, что она в беде. Лучше, чем журналистка, ее бы сейчас никто не смог понять. Ведь только Саша была в курсе про Уткина и могла Асю вызволить. Если, конечно, Дима оставил девушку в живых.

Ася осторожно взяла свой телефон и увидела сообщение. Это был ответ Аута. Монах подробно описывал остров, на котором живет Наохам, в том числе и запоминающийся скалистый мыс. Именно на вершине этой скалы и живет мудрец, уверял Аут. Ася трижды прочла сообщение и стерла его. Побоялась, что Дима доберется до Наохама без нее и причинит ему вред. Почему-то Ася думала, что Дима так рвется к старцу, чтобы убить его. Должно быть, все еще действовали лекарства.

Дима зашевелился, и Ася поспешила вернуть телефон на место. Она притворилась спящей, повторяя в уме только что

прочитанные строки. Сама не заметила, как уснула, – и проспала еще два дня.

Проснувшись, Ася имела в памяти фотографически четкий образ острова со скалистым мысом. И точно знала, что именно там живет Наохам. Позже, поняв природу своего озарения, она не стала раскрывать карты ни Диме, ни Свете. Они смотрели на нее, как на святую, и ей не хотелось разочаровывать их. К тому же, после того случая Асино слово стало решающим в любом споре.

Каждый день Ася приходила к дверям мудреца, но его помощница, пожилая азиатка, лишь молча качала головой: нет его, приходи завтра.

Сначала Ася действительно думала, что мудрец в отъезде. Но судя по тому, как многозначительно говорилось о нем: не «уехал», а «его здесь нет», – Ася понимала, что Наохам мог сейчас быть как на соседнем острове, так и в соседней вселенной. Казалось, никто на белом свете не знает, где он странствует и вернется ли. Лезть с расспросами, требовать гарантий, четких сроков и обещаний было неуместно.

Ася это чувствовала, поэтому ей был открыт путь хотя бы к дверям жилища мудреца. Зато Света, со всей европейской напористостью, в лучших традициях русской бесцеремонности требовала ответов. Когда появится? Где он? Не можем ли мы поехать туда, где он сейчас находится? Почему нет? Как с ним связаться? Двадцать первый век на дворе, мобильные есть в любом захолустье. Дайте номер. Я могу заплатить. Не

нужны деньги? Так мы отработаем. И кивала на молчаливую Асю.

Но здесь ее напор не имел никакой власти. Азиатка только махала рукой в сторону джунглей. Мол, шла бы ты отсюда. Много вас таких настойчивых. И усмехалась мудро.

А настойчивые действительно были. Неподалеку примостились три палатки, да одна чернокожая женщина часто встречалась Асе по дороге к Наохаму. Наверняка были и другие. И любой из них мог задать тот самый последний вопрос, после которого остальным придется уйти ни с чем.

Через лес Ася вышла на дорогу. Направо крутой подъем – путь к Наохаму. Налево – долгий спуск к морю, на берегу которого расположился поселок. Там можно купить лепешки, фрукты и вареный рис, а также набрать питьевой воды. В джунглях было много банановых деревьев, но за проведенное здесь время Ася и Света уже полностью обобрали их. Кокосы не пришлись им по душе, а плоды незнакомых растений Ася предпочитала не есть.

Ближайший супермаркет находился на соседнем острове Носи Ину. Оттуда же можно было позвонить: мобильная связь почти не работала, и нужно было либо заказывать звонок по стационарному телефону, либо взбираться по специально высеченным ступенькам на гору и оттуда пытаться поймать слабый сигнал.

Лодки на Носи Ину ходили два-три раза в неделю: рыбаки отвозили свой улов, чтобы продать на рынок. Попасть на

борт было настоящей удачей. Редко находилось местечко для пассажира, да и побаивались моряки перегружать свои ветхие суденышки.

Ася завела было переговоры с одним сморщенным рыбаком насчет аренды его катера. Предлагала солидную оплату за час, но тот не соглашался: то ли не понимал, чего от него хотят, то ли боялся лишиться лодки и потерять свой единственный способ заработка. Слова «залог» он не знал, а может, просто вредничал, не хотел уступить чужачке.

Увы, местным жителям Ася не внушала доверия. Только дети иногда улыбались ей, тыкали пальцем и тараторили что-то на малагасийском. Ася не понимала местный язык, ведь ей негде было взять источник: никто не переводил ей эту речь, и ее мозгу не за что было зацепиться, чтобы выучить хоть несколько слов. Она вслушивалась в беседу местных людей, но не могла разобрать даже, где тут приветствие, где «спасибо».

Поэтому Ася общалась лишь с горсткой людей, кое-как знавших французский.

Оказавшись в изоляции, Ася чувствовала себя комфортно, и только Света действовала на нервы, требуя бытового комфорта, привычных продуктов и ясного будущего. Ася безмерно устала от нытья подруги. Слушая эти претензии, Ася каждый день мысленно просила прощения у всех мужчин, которым в свое время, что называется, выносила мозг. Наверняка все мужчины – родственники ангелов, размыш-

ляла она под привычный Светкин бубнеж. Иначе как объяснить, что их пилят, грузят, допрашивают – а они все терпят?

Кроме того, Ася подозревала, что двери Наохама закрыты, пока Света на острове. Ей казалось, что нетерпеливой москвичке тут не место, и весь остров чувствует это так же, как чувствует она. Но отправить Свету домой не было возможности. Ведь для этого нужно не только найти лодку и уговорить подругу уехать, но и отправиться вместе с ней на Мадагаскар, устроить отъезд. А затем проделать обратный путь с риском снова упустить Наохама.

Ася пошуршала в кустах и вытащила ржавый велосипед. Конечно, в жару да по плохой дороге ездить на нем было трудно, но все легче, чем полчаса идти пешком, отмахиваясь от мошкары и рискуя наступить на змею. Она вытащила из колеса ветку и поехала, виляя, направо, в гору.

Глава 37

Вообще Света была отличной подругой. В свои тридцать с небольшим она сохранила остатки авантюризма и чувства юмора. Правда, с годами она все больше зацикливалась на себе, считала себя центром мира, и границы этого мира сужались с каждым днем. Свету интересовали лишь вещи, имевшие непосредственное отношение к ней самой. Любое событие рассматривалось под углом возможной выгоды.

Она не была жадной или эгоистичной. Не шла по головам, сметая все на пути к своей цели. Просто на большинство вопросов Свете было наплевать. Просторы Галактики, проблемы экологии, финансовый кризис, человеческие пороки – все виделось ей скучной абстракцией, пока не входило в узкое пространство ее мирка.

Даже причитая в больнице об Асиной болезни, во главу угла Света ставила свои переживания. На Мадагаскар ее привело чувство вины, а не забота о здоровье подруги.

Точно так же отнеслась она и к Диме. Женское любопытство заставило ее сунуть нос в отношения этого мужчины с Асей, но в глубине души Свете было совершенно неважно, что связывает Уткина и ее подругу. Лишь услышав о том, что Дима тоже занимается поисками Наохама, Света вновь проявила к нему интерес. Она попыталась сделать его инструментом решения проблемы. Света уже не могла бросить Асю

на Мадагаскаре и улететь в Россию, но и разделить с подружкой тяготы пути была тоже не готова. На острове было так жарко, липко, грязно!

Уткин прекрасно подходил на роль искателя Наохама. Не теряя лица, подружки могли бы переложить на его мощные плечи свою важную миссию и вернуться в комфортную Москву. Свете больше не хотелось никаких рецептов счастья. То, что раньше выглядело таким важным, сейчас, спустя несколько месяцев, списывалось на последствия нервного срыва. Света уже оправилась после развода, а попытка суицида взбодрила ее. После нескольких дней депрессии она вновь разглядела все краски мира. Друзья так заботились о ней, устраивали веселые поездки, вкусно кормили в красивых ресторанах, что жизнь перестала казаться унылой чередой серых дней.

Света легко вычеркнула из своей жизни темные времена и радостно окунулась в беззаботную и свободную жизнь разведенной, но еще молодой и довольно обеспеченной женщины. Единственным омрачающим фактором была Ася. Выполняя давнюю Светину просьбу, она все еще странствовала по миру в поисках уже никому не нужного мудреца, попутно ломая свою жизнь. Инга рассказала о последнем телефонном разговоре, о том, какой странной становится Ася и как губительно отражается на ней это путешествие.

Когда Дима сообщил об Асиной болезни, Света решила лететь на выручку. Это был отличный повод забрать Асю до-

мой и прекратить наконец ее саморазрушение.

Но Ася не собиралась возвращаться. В своих предсмертных снах она увидела остров с домом Наохама и твердо намерилась довести дело до конца. Она заразила уверенностью в успехе и Свету, и Диму. Втроем они быстро вычислили нужный остров, поднялись на гору и нашли жилище мудреца.

Цель была так близко, но летели недели, а с мудрецом ни Ася, ни Света так и не повидались.

Дима не оставлял Асю ни на минуту. Света игриво спрашивала у подружки, что за такие трепетные отношения сложились у нее с Уткиным, но Ася отмалчивалась, а Света не давила. Этот вопрос, как и многое другое, ее сильно не интересовал.

Дима помог устроиться в хижине: подлатал дыры в крыше, наладил душ и туалет. Он договорился с рыбаками, и те привозили с других островов продукты и необходимые вещи. Местные предпочитали иметь дело с мужчиной, а на Асю со Светой даже не смотрели.

В первое время троица устраивала вечерние посиделки с вином на террасе своего тропического домика. Осознание почти достигнутой цели окрыляло. Света и Дима не могли дожидаться дня, когда их наконец пустят к Наохаму. Они наперебой фантазировали о встрече с мудрецом и предвкушали скорое возвращение к цивилизации.

Ася же, наоборот, становилась все более молчаливой. Ей

явно не хотелось, чтобы ее приключения закончились. Она рано вставала и уходила в лес, возвращаясь лишь с наступлением сильной жары. Первые дни Дима сопровождал ее, но потом стал все чаще оставаться в доме.

– Бродит среди колючек, – жаловался он Свете, – И молчит. Или устроится на пригорке, уткнется взглядом в какую-нибудь травинку и сидит часами.

Света обычно просыпалась позже всех. Она выходила на душную террасу, сонным взглядом окидывая джунгли и морщась от голосящих цикад. Жечь костры было слишком жарко, и воду грели на солнце. К Светиному пробуждению, как правило, уже был готов теплый чай.

К Наохаму обычно ходили вечером. Сначала втроем, затем Света стала пропускать визиты, ссылаясь то на духоту, то на недомогание. Ей жутко надоели эти походы: кому понравится полчаса брести в гору, чтобы получить очередной отказ?

Дима оказался более стойким. Они с Асей словно соревновались, кто попадет к мудрецу первым. Поэтому каждый вечер они вдвоем уходили к мудрецу. И каждый вечер возвращались, усталые, ни с чем.

Сначала Дима Свете понравился. Он шутил, не унывал и смотрел на мир позитивно. Но с каждым днем его оптимизм угасал, и Дима казался все более раздраженным.

– Неделя прошла, может, поищем место, где спрячется Наохам? – нервно спрашивал он Асю. – Дом его ты, конечно,

нашла, но что в этом толку, если самого старца тут не бывает?

– Надо надавить на бабу, – лихорадочно приговаривал он спустя еще неделю. – Полмесяца в трубу, а Наохам ни разу не появлялся! И в чем-то я его, конечно, понимаю. Я бы тоже сюда пореже заглядывал, будь моя воля...

– Наохам наверняка помер! – кричал он в двадцать первый день. – Возвращался домой и скончался. Может такое быть, Ась? Свяжись там со своим астралом и проверь: вдруг мы зря здесь время тратим.

А потом Дима вдруг затих. Он стал таким же апатичным и задумчивым, как Ася. В окружении угрюмых молчунов Света чувствовала себя неуютно. Она пыталась встряхнуть друзей, но они только все глубже и глубже погружались в свои миры.

Света не умела оставаться наедине с собой. В хижине не было радио и телевидения, не было даже электричества, чтобы зарядить телефон. Дима раздобыл фонари на батарейках, и в доме было светло, но у них не было даже книг, чтобы убежать из этих джунглей хотя бы мысленно.

Все чаще Ася и Дима просто сидели по углам дома, поднимаясь лишь для того, чтобы поесть, сходить к Наохаму и лечь спать. Они казались Свете призраками. Сначала ей было жутко, но затем она привыкла, как привыкаешь к страшному, но тихому пауку за шкафом.

Света проснулась от разговора. Было еще темно, часов под рукой не было, поэтому она понятия не имела, сколько времени. Она прислушалась. Голос звучал из Диминой половины комнаты. Света взглянула на соседний матрас: там мирно спала Ася. С кем же тогда беседует Уткин?

Догадка пронзила непроснувшийся Светин мозг. Неужели Наохам сам решил проведать их?

Она вскочила и бросилась за ширму, отделяющую женскую часть комнаты от мужской.

Но там был только Дима. Полная луна светила прямо на него, и Света отчетливо видела потухшие глаза, сгорбленную спину и губы, выговаривающие бессвязные слова.

– Эй, ты что, спишь? – осторожно позвала Света. Приняла Диму за лунатика.

– И сплю, и не сплю, – монотонно ответил тот.

Света подошла поближе.

– Дим, проснись, – сказала она и тронула его за плечо.

Он не отреагировал.

– Мы были здесь всегда, – бубнил он. – Да, точно, теперь я знаю, мы были здесь всегда. Мы втроем не приезжали и не уедем, мы были здесь всегда и останемся тоже навсегда...

– Хватит нагонять жути! – прикрикнула Света и трянула его сильней.

Дима дернулся и забормотал быстрее, но взгляд остался таким же бессмысленным.

– Мы даже не можем умереть тут, в этих джунглях, это

наш рай и ад, это все, что нам доступно. Это декорации для нас троих, чтобы мы навсегда остались здесь. Никакого Наохама нет, мира нет, людей нет, зимы нет, городов нет, ничего нет, лишь клочок суши и океан до горизонта, за которым ничего, ничего нет...

– Ася! – испуганно закричала Света.

– Что? – ответила Ася прямо за спиной, и Света подскочила от неожиданности.

– Ты давно тут стоишь? – спросила она, передергиваясь.

– Только подошла.

– Твой дружок сошел с ума, – заявила Света, указывая на раскачивающийся в лунном свете силуэт.

– Я вижу.

– И все? – взвизгнула она. – Больше ничего не скажешь? Да что с тобой? Я как будто живу среди психов! Вы оба – как привидения!

– Мы призраки в этом небытии, – повысил голос Дима. – Мы были здесь всегда, мы так и ходим кругами по проклятому лесу...

– О боже мой! – Света схватилась за виски и бросилась прочь.

На террасе было не лучше. Лес выглядел зловеще. Кто-то смотрел на нее из чащи немигающими горящими глазами. Она поспешила вернуться в дом, хотя соседство с умышленными спокойствия не добавляло. К странностям Аси она привыкла, но терять Диму была не готова.

Света зачерпнула воды, вбежала в комнату и плеснула Диме в лицо. Он часто-часто заморгал и стал шарить руками по полу вокруг себя.

– Ну как? – подозрительно спросила Света. – Очнулся?

– Да... – шепнул Дима и непонимающе огляделся. – Спасибо.

Он осторожно поднялся, придерживаясь за стену. Света с надеждой смотрела на него.

– Зажги фонарь, – попросил он.

При свете Дима выглядел измученным. Мешки под глазами, растрепанные волосы, мятая футболка.

– Напугал я вас? – тихо спросил он.

Ася молча стояла, опираясь о косяк.

– Еще как напугал! – ответила Света. – Что с тобой было? Плохой сон?

– Нет, это не сон, – проговорил Дима и поднял на нее глаза. – Света, ты помнишь, как мы сюда попали?

– Конечно, помню, – кивнула она. – Ты заплатил какому-то мальчишке на моторной лодке, тот повез нас вокруг всех островков. Ася узнала мыс, пацан нас высадил на берег и уплыл, а мы остались. А что?

– Света, что ты такое говоришь? – изумленно спросил Дима. – Не было никакого мальчишки!

Света отступила.

– Что значит, не было? – переспросила она.

– Не платил я никому. Я и языка-то местного не знаю. Как

я мог договориться с лодочником?

– Не знаю, как ты с ним объяснялся, но лодка была, мальчишка был. Остров был! – упрямо доказывала Света.

Она не понимала, что происходит. Куда он клонит?

Может, друзья решили разыграть ее? Но глубокая ночь в дремучих джунглях – не лучшая обстановка для розыгрыша.

Или эта сладкая парочка решила таким экстравагантным способом избавиться от навязчивой подруги? Решили запугать Свету, чтобы она улетела с острова, оставив их наедине. Но к чему такие сложности? Ей и так тут все осточертело, и она давно готова лететь домой первым же рейсом!

– Остров был, это да, – кивнул Дима. – Остров был всегда. И мы тоже, мы тоже были здесь всегда... Это замкнутый круг. Как круги ада. Нашего персонального ада на троих, в котором мы застряли навсегда...

– Ася, ну что ты молчишь? – завопила Света. – Скажи хоть ты, как все было!

Ася не двинулась, стояла, как изваяние. Спасибо, хоть не стала тоже убеждать, что они были здесь всегда, и больше ничего в мире нет, кроме чертова острова.

– Как мы сюда попали? – вопрошал Дима, но обращался уже не к Свете, говорил в пустоту. – Что было до того, как мы оказались здесь? Кто-нибудь помнит?

– Я помню, – начала было Света, но Ася вдруг пошевелилась и приложила палец к губам. Просит замолчать, догадалась Света. Значит ли это, что подруга на ее стороне?

– Света, протри глаза, очнись! – крикнул Дима. – Посмотри, как мы живем тут! Каждый день закольцован, ничего не меняется. Время тянется, дни и ночи сменяют друг друга, и это создает иллюзию движения. Но на самом деле все остается таким, как было вчера, неделю, месяц назад! Загляни в глубины своей памяти и вспомни, что ты делала год назад, десять лет назад. Что? Ты не вспомнишь! А знаешь, почему? Потому что ты всегда была здесь, на этом острове, с нами. Мы все всегда были здесь, и Наохама не существует. Это лишь уловка нашего сознания, чтобы держать нас в этом сне, чтобы мы не просыпались и верили, что мы здесь временно.

Он говорил и говорил, Ася с усмешкой наблюдала за ним, а Света с ужасом осознавала свое плачевное положение. Она находилась на далеком острове без связи с внешним миром, без надежды на помощь, ночью в тропическом лесу, кишашим опасными тварями, а рядом – сильный и ловкий мужчина, который слетал с катушек прямо у нее на глазах.

Незаметно двигаясь вдоль стенки, Света подобралась к Асе.

– Давай сбежим, – дрожащим голосом попросила она. – Спустимся в деревню у моря, попросим помощи.

– Нет, – отрезала Ася и скрестила руки на груди.

Казалось, ситуация развлекает ее. Ася ничуть не боялась. Словно она наблюдала эту сцену не в первый раз и была уверена в своей безопасности.

– Он так и раньше делал, да? – с надеждой спросила Света.

– Нет, – качнула головой Ася.

Дима буйствовал. Выложив свои соображения по поводу призрачности острова, он натянул штаны и влез в кроссовки.

– Есть один способ прекратить все это! – торжественно заявил он с порога. – Вы слепы, но я прозрел и вас спасу. Я сделаю это!

Спиной вперед он шагнул с террасы и ухнул вниз. Видимо, забыл, что спускаться нужно по приставной лестнице.

– Разбился? – ахнула Света и кинулась к краю.

Дима стоял на земле на четвереньках и крутил головой.

– Дим, ты как? – крикнула Света.

Пошатываясь, он встал, начал заваливаться и раскинул руки, чтобы поймать равновесие. Сделал несколько нетвердых шагов.

– Нормально я, – ответил он себе под нос и заковылял в чашу.

Темнота поглотила его. Шум ночного леса заглушил его шаги. Подруги остались вдвоем.

– Куда это он? – спросила Света.

– Проверим, – ответила Ася, взяла фонарь и начала спускаться.

Ася знала, куда пошел Дима. События разворачивались по непредсказуемому сценарию, и Ася просто наблюдала за ними, как следит за развитием сюжета зритель в кинозале.

Подсвечивая землю и громко топая, чтобы отпугнуть

змей, они со Светой дошли до дороги и направились к Наохаму. Когда они поднялись на скалу, Дима был уже там. Шоу продолжалось.

Размахивая зажженной тряпкой, Дима стоял у ворот дома и вопил о том, что они здесь навечно и есть только один способ прекратить страдания.

На шум вышли жители палаток, в доме зажгли свет. Дима говорил по-русски, и никто не понимал, что происходит. Открылась калитка, на пороге появилась азиатка. Она крикнула на Диму, но тот вдруг бросил в нее горящую ткань. Азиатка успела отшагнуть, факел тут же погас. Дима снова стал чиркать спичками, но несколько человек бросились к нему, повалили на землю, скрутили.

– Наохам иллюзия! – кричал в слезах Дима, и его потащили по дороге вниз, в деревню.

Увидев Асю, Дима попытался броситься к ней.

– Ты! Все ты! Проклятая ведьма! – ругался он. – Мы все здесь из-за тебя! Сжечь, сжечь ведьму!

– Ну приехали, – пробормотала Ася и двинулась вслед за толпой.

Нарушителя порядка привели в поселок и посадили в камеру, чтобы отправить на Мадагаскар.

– Что с ним сделают? – спросила Ася у мужчины, который вызвался сопровождать Диму.

– Сдадим его в полицию за хулиганство и нападение на женщину. Я, между прочим, из силовых структур, знаю, как

устроить, чтобы ему жизнь медом не казалась. Действия против Наохама никому с рук не сойдут!

Он был настроен весьма решительно. Кажется, Дима впервые в своей жизни встретил людей, готовых дать ему достойный отпор.

– Возьмите с собой побольше человек и будьте начеку. Это преступник, его зовут Дмитрий Уткин, – мужчина непонимающе скривился, и Ася попросила: – У вас есть телефон или блокнот? Я оставлю кое-что для полиции, передадите?

Она записала на диктофон имя и фамилию Димы, коротко рассказала о его возможных преступлениях и посоветовала связаться с питерской полицией. Блокнот нашелся тоже, и Ася для верности продублировала информацию письменно.

Она не сдержалась. Один вопрос не давал ей покоя.

– Дима, – окликнула Ася по-русски. Он тяжело поднял голову. – Ребенка-то ты зачем убил?

Он дернул головой, простодушно поднял брови.

– А куда мне с младенцем?

Ася отшатнулась. Почему-то она ожидала услышать тоскливую историю о том, что сын не от него или что смерть малыша стала случайностью.

– Гори в аду, – пробормотала она и махнула лодочнику, мол, отчаливайте.

Связанный и побитый, немного не в себе, Уткин в сопровождении четырех злых мужчин отправлялся напрямик в полицию. Светлело небо. Наступал новый день.

Глядя вслед уплывающему катеру, эту главу своей жизни Ася посчитала оконченной.

Глава 38

Дождь лил как из ведра. Лист фанеры, служивший крышей над верандой, оторвался и бился о трухлявые балки. Дом скрипел и стонал. По земле неслись потоки грязной воды, напирая на балки, на которых стояла хижина. С каждым порывом ветра казалось, что вот сейчас столбы не выдержат, и вся хибара ухнет вниз и понесется с горы среди камней и веток, унося вместе с собой Асю и Свету.

Было около двух часов ночи, но подругам было не до сна. Вода заливала комнату. Света беспомощно стояла на мокром матрасе, держа над головой зонтик.

– Настоящий потоп! – прокричала Ася, закатывая штанины. – Если бы вода не уходила в щели в полу, мы бы здесь утонули. Поддай фонарь!

Света протянула Асе фонарь, непонимающе глядя вокруг.

– Это какой-то ад, – пробормотала она.

Ася услышала и подозрительно глянула на нее.

– Тебя что, Уткин покусал? У вас одно помешательство на двоих?

Света хихикнула. Ася погрозила ей фонарем.

– Брось мне эти глупости! Обычный тропический ливень. Когда я была в Тунисе, там грузовые прицепы по воздуху носило. А это так, дождик. К утру пройдет!

Света стояла на микроскопическом сухом островке и не

замечала, как к ее ногам жметя неизвестная насекомоподобная тварь. Ася не стала говорить об этом подруге, чтобы та не подняла крик. Проблем и так хватало.

– Я нашла молоток и старые гвозди, – объявила она. – Попробую закрепить фанеру, пока ее окончательно не сорвало. Не то, боюсь, она потащит за собой всю крышу.

Балансируя на шатких перилах, с фонариком в зубах, Ася почти наугад вбивала гвозди в мокрые доски. Вода заливала глаза, стекала за шиворот, бежала по спине.

– Ася, упадешь! – кричала в ужасе Света.

Но Ася не упала. Каким-то чудом ей удалось починить крышу, и она гордо вернулась в дом. Дождь начинал немножго утихать.

Света с благоговением посмотрела на подругу и пустила ее под зонтик. Ветер продувал комнату.

– В такую ненастную ночь и не верится, что днем будет сорок градусов жары и солнцепек.

– У тебя штаны насквозь мокрые! – заметила Света.

– Ничего, высохнут, – спокойно ответила Ася.

– Понятно, что когда-нибудь высохнут, но тебе же, наверно, очень холодно и мокро!

– Это не доставляет мне дискомфорта, – пожалала Ася плечами. – Сейчас мокро, потом будет сухо. Сейчас так, потом иначе. Нет хорошего и плохого, это лишь выдуманные оценки.

Света не поняла. А две самые распространенные реакции

на непонятное – насмешка и критика.

– Мне жаль тебя, – с показным сочувствием протянула она. – Это же такой кайф: высушить одежду и вновь почувствовать комфорт. Тебе недоступно простое человеческое счастье! Бедняжка.

– А мне жаль тебя, – парировала Ася, – Чтобы почувствовать себя счастливой, тебе для начала надо вымокнуть.

Дни потекли своим чередом. Без Димы Асе дышалось легче. Света быстро забыла ночь, когда он слетел с катушек: она была из тех людей, которым все «как с гуся вода». Эту фразу любила повторять Асина тетка. Ася изредка вспоминала детство, и отсюда, из Мадагаскарской глуши, прошлое представлялось не более реальным, чем зыбь на водной глади. Отчасти она понимала то, что говорил Дима во время своего помутнения. Эти джунгли действительно были вечными, и все, что предшествовало Асиному появлению на этом острове, казалось давно забытым сном.

Правда, в отсутствии Димы были и неудобства. Во-первых, Света полностью сосредоточилась на Асе. Оказывается, раньше она большую часть энергии выплескивала на Диму: они много беседовали в течение дня, и когда Ася возвращалась ночевать, Света к ней не приставала. Теперь же подруге не хватало общения. Она терроризировала бедную Асю расспросами и докучала своими рассуждениями. Похоже, Света не могла побыть в тишине и пяти минут. Ася отвыкла от

пустых разговоров, старалась отмалчиваться, чем выводила подругу из себя.

Но если несмолкаемую болтовню еще можно было стерпеть, то проблемы голода и неустроенности требовали срочного решения. С отъездом Димы прекратились регулярные поставки продуктов. Никто больше не выполнял домашнюю работу, не приносил воду, не следил за хижинкой. Без хозяйской руки их убежище ветшало на глазах. Гигантские муравьи отвоевывали у беспомощных женщин все больше территории, лианы тянули свои лапы к опорам дома и как будто хотели растащить его на части, уволочь в дебри джунглей.

По ночам страшно кричали звери, и эти крики раздавались все ближе и ближе. Как будто природа почувствовала, что подруги осиротели. Свету пугали проявления стихии, она даже попыталась найти жильё в деревеньке на берегу, но тщетно: без Димы с ней никто не разговаривал.

– Сделай что-нибудь, – требовала Света, ссылаясь на Асино деревенское детство.

Но в северной российской глубинке Асю не учили, как ремонтировать тропические хижины, ловить огромных пауков и сдерживать напор джунглей.

Наохам так и не появлялся.

– Блин, что это за тварь?!

Света вооружилась половником и в ужасе запрыгнула на лавку.

На полу настороженно сидело бурое существо сантиметров десять в длину. В тени его сложно было рассмотреть, и Асе сначала показалось, что это жаба. Только вместо передних конечностей как будто костылики. Но вот зверь зашевелился и вытянул узкое перепончатое крыло. Так это не лапы, а сложенные крылья! Летучая мышь! Наверно, свалилась с потолка: Ася давно замечала этих гостей за балками под крышей, только Свете не говорила, чтобы не сеять панику.

– Свет, мы на Мадагаскаре, здесь уникальная экосистема, и более 90% местной фауны – редкие виды, которые не встречаются больше нигде на Земле.

Света странно посмотрела на нее.

– Говоришь, как Википедия... К чему была эта лекция?

– К тому, что я понятия не имею, что это за животное. В московском зоопарке оно точно не представлено.

– А твои познания в зоологии ограничены московским зоопарком, что ли?

– За последнее время они порядочно расширились, – развела руками Ася. – Благодаря тебе, между прочим. Ты же отправила меня в это путешествие.

Зверь отмер и поковылял под лавку. Света взвыла, замахнулась половником.

– Караул! Оно нападает! Блин, да что за тварь?!

– Не знаю точно. Какая-то разновидность летучей мыши. Возможно, такую больше нигде не увидишь. Наслаждайся, – засмеялась Ася.

– И слава небесам, что нигде не увидишь! Рыло, как у крокодила. Как ее прогнать-то?

– Не надо ее прогонять, сама улетит.

– А чего она тогда тут ходит, если летать может? – слезливо протянула Света.

– Может, крылышко повредила. Пойдем в дом, закроемся и подождем, пока она уйдет, – миролюбиво предложила Ася. – Давай, пошли тихонько.

Ася зашла в комнату и держала дверь открытой, пока Света, приглушенно ойкая и опасаясь спускаться на пол, пробиралась к спасительному входу по стульям.

Оказавшись в одиночестве, южноафриканский мешкокрыл огляделся, расправил крылья и упорхнул в темные джунгли. В доме зажгли фонарь. Наступила очередная тропическая ночь.

Иногда Света переставала бушевать и превращалась в лучшую Асину подругу. Они сидели на нагретом за день деревянном полу, свесив ноги с террасы, потягивали холодный чай и болтали обо всем и ни о чем.

– Интересно, какой вопрос хотел Дима задать Наохаму? – спрашивала Света, глядя в звездное небо.

Ася усмехалась.

– Я это точно знаю.

– Правда? – удивлялась Света. – У вас были настолько близкие отношения? Мне казалось, такие интимные вещи не

принято обсуждать даже между любовниками.

– Мы не были любовниками, – спокойно отвечала Ася.

Она так и не рассказала Свете о том, что Уткин оказался убийцей, и их отношения из дружеских превратились в принудительные.

– И о чем он собирался спросить мудреца? – любопытствовала Света.

– Дима любил все записывать, – хмыкнула Ася, вспомнив записки, стилизованные под письма Царя Горы. – И свой вопрос он тоже записал. А я случайно прочла его. Ты знаешь, его вопрос поразительно похож на наш.

– Неужели Уткин тоже искал рецепт счастья? – удивилась Света.

– Можно и так сказать, – кивнула Ася. – Понимаешь, он превратил свою жизнь в такой кошмар, так необратимо отрубил себе все пути к счастью, что исправить его положение могло только чудо. Если мы с тобой мечтали о счастье, то Уткин стремился сделать свою жизнь хотя бы обычной. Такой, как у всех. Непримечательной.

– И для этого ему понадобился мудрец? – засмеялась Света. – Как глупо! Уж если люди и умеют что-то делать, так это превращать свою жизни в обыденность!

– Обстоятельства, Света. Все зависит от обстоятельств. Как видишь, для кого-то жизнь без обмана и грязи уже является пределом мечтаний.

Некоторое время подруги молчали, слушая ночные голоса

острова.

– А какая история тебе понравилась больше всех? – интересовалась Света, прихлебывая из своего стакана. – Я имею в виду, из тех, что тебе рассказывали разные люди про счастье.

– Каждая из них прекрасна, – отвечала Ася. – Столько откровенности. За всю свою предыдущую жизнь я не видела столько искренних людей, как за это путешествие.

– Но все же, – настаивала Света. – Расскажи что-нибудь!
И Ася рассказывала.

– Одну историю я помню почти дословно. Она короткая. Мне рассказала ее женщина в Антананариву, француженка. Я даже не помню, как мы разговорились. Зато ее рассказ могу воспроизвести почти дословно.

Ася прикрывала веки, погружалась в воспоминания. Перед глазами появлялась яркая брюнетка в дорогом брючном костюме. Даже на Мадагаскаре она умудрялась выглядеть, как на Монмартре: элегантно и как-то... прохладно. Дама курила тонкую сигарету и раскрывала Асе душу.

– Я такая несчастная была, – сетовала француженка. – Сначала от того, что мужа не люблю, потом от того, что развелась... Ходила по жизни в тоске и печали. А как-то раз заглянула в собственное мусорное ведро. А там – сухие розы, шкурки мандаринов, ватные диски с остатками лака для ногтей да упаковка от колготок. И я вдруг почувствовала себя счастливой! Вот она, моя жизнь, вот из чего она сейчас

состоит: сплошные девчачьи радости! Никакой луковой шелухи и дырявых носков, никаких вонючих окурков и пивных мужниных бутылок. Вот она, моя ежедневная жизнь: цветы, вкусняшки, одежды и красота. Разве можно быть несчастной, живя так беззаботно, в свое удовольствие? Глядя в мусор, я осознала, что сейчас, как никогда, моя жизнь принадлежит именно тому, кому и должна принадлежать: мне. Напоминаю себе об этом почаще, когда грустно. И тоска уходит. Получается, свое счастье я нашла в мусорном ведре!

Спустя неделю после Диминого отъезда Света не выдержала.

– Черт с ним, с Наохамом! – в сердцах крикнула она однажды утром, выйдя на террасу и вступив босой ногой в птичий помет. – Поехали домой, Ася!

Ася с удивлением обернулась.

– Домой никак нельзя, – принялась она объяснять очевидные, казалось бы, вещи. – Мы у самой цели, осталось дождаться Наохама и спросить. Счет идет на дни!

– Нет, Ася, счет идет на миллионы, – с ожесточением заявила Света. – На миллионы моих нервных клеток, которые массово погибают каждый день в этих кошмарных условиях!

– Я никуда не поеду, – пожалала Ася плечами. – А ты лети со спокойной совестью. Я совершенно не обижусь.

– Я-то знаю, что ты не обидишься, – ответила Света. – Я уже не обольщаюсь на свой счет и не тешу себя иллюзиями,

что нужна тебе. Ты стала настолько другой, что тебе уже никто не нужен. Признайся: тебе ведь и Наохам не нужен, ты используешь его лишь как повод для того, чтобы не возвращаться к своей жизни!

– Может быть, – Ася снова пожала плечами. – Как бы то ни было, я доведу дело до конца, задам Наохаму вопрос и сразу после этого полечу в Москву.

– Я в этом сомневаюсь, – пробормотала Света, шурша пакетами в комнате. – Наверняка найдешь еще десяток причин, чтобы не ехать домой. Но мне все равно.

Она появилась на пороге с уже собранным чемоданом. И как ей удалось так быстро собраться?

– Раньше я винила себя в том, что тебе приходится носиться по миру в поисках старца, – сказала она. – Теперь же я вижу, что тебе это все только в кайф. Поэтому я уезжаю без малейших угрызений совести!

– Но Свет, а как же вопрос? – напомнила Ася.

– Да какой вопрос, Ася? – воскликнула Света. – В чем секрет счастья? Ты серьезно думаешь, что нам всем это нужно? Мне, Инге, Дэну, Антону – считаешь, нам поможет ответ твоего замшелого старика? Что он может сказать такого, что перевернет наши жизни? Как ты себе это представляешь: ты получаешь ответ, сообщаем его нам, и в один момент наши судьбы вдруг меняются, мы становимся счастливыми, больше нет никаких проблем – и хеппи-энд?

Ася молчала. Примерно так она себе все и представляла.

– Но мы не хотим меняться, Ась! – продолжала Света. – Посмотри на себя: думаешь, кто-то из нас захочет стать таким, как ты? Может, ты и чувствуешь всю эту вселенскую нирвану, но посмотри, что стало с твоей жизнью! У тебя больше нет работы, ты одинока, твои друзья не понимают тебя. Ты разлюбила город, в котором находится все, что у тебя есть. Ты не хочешь возвращаться к реальности, но тебе придется вернуться, ведь ты путешествуешь на чужие деньги. Что будет с твоей жизнью, когда ты вернешься в Москву?

Ася хотела пожать плечами, но пожимать плечами три раза подряд – перебор. Поэтому она опять промолчала.

– Ну и кто из нас более несчастный? Поиски счастья разрушили твою жизнь. И никто из нас, да и никто из здравомыслящих людей не захочет разделить с тобой такое сомнительное счастье.

С этими словами Света сбросила на землю чемодан и стала спускаться по приставной лестнице.

– Тебя проводить? – спросила Ася.

– Нет, спасибо, – махнула рукой подруга. – Прогуляюсь напоследок. Надеюсь, я никогда сюда больше не вернусь.

И Света уехала.

Глава 39

Издали завидев Асю на велосипеде, старушка-помощница Наохама радостно замахала рукой и засеменяла навстречу. В сердце Аси екнуло. Неужели свершилось? Неужели старик здесь? Задыхаясь от волнения и крутого подъема в гору, она бросила велосипед прямо на дороге и побежала.

Старушка сияла глазами.

– Тут? – прерывисто дыша, спросила Ася.

– Тут, тут, – закивала азиатка и сделала приглашающий жест.

Ася прошла в калитку. Внутри обнаружился скромный садик, жалкое подобие грядок с зеленью. В землю воткнута тляпка. «Так похоже на подмосковные дачки», – мелькнуло у Аси в голове. Попав сюда месяцем раньше, Ася непременно испытала бы разочарование. Настолько здесь все было обыденно и бедно. Ни восточного сада камней, ни скамьи под раскидистым деревом, сидя на которой, мастер мог бы даровать мудрость своим преданным ученикам.

Участок располагался на вершине скалы, и земля была скудной, просвечивали каменные глыбы. Ася подошла к дому. Вход завешен цветным одеялом. В нерешительности она оглянулась на старуху.

– Какой у тебя вопрос? – спросила та и показала на свое ухо: мол, прошепчи мне.

Ася наклонилась и негромко сказала:

– Мне нужно узнать рецепт счастья для конкретных людей.

Старуха непонимающе посмотрела на нее.

– Нужен вопрос, – повторила она. – Один вопрос. Спрашивай.

Ася понимающе кивнула. Она вспомнила, как шла к Наохаму-младшему и повторяла про себя заветную фразу. Вот он, звездный час!

– В чем секрет счастья для меня и моих друзей? Их имена: Денис, Инга, Светлана...

Но старуха остановила ее, тронув за плечо. Имена были не нужны.

– Жди здесь, – сказала она и исчезла в доме.

Из-за одеяла донеслась быстрая речь. Было件нятно, что старуха передает Наохаму ее вопрос. Несмотря на палящее солнце, Ася почувствовала волнительный холодок.

Наконец старуха выглянула и поманила Асю за собой. Они прошли в темный коридор, из которого попали в светлую почти пустую комнату с огромными окнами от пола до потолка. Стекол в них не было, и у Аси захватило дух: дом стоял на самом краю пропасти, и отсюда открывался поразительный вид на бескрайнее бирюзовое море. Высоко!

Вот, наверное, что видел Аут глазами Наохама. Ася зачарованно вглядывалась в голубую даль, яркий свет резал глаза, и у нее выступили слезы. Или это были слезы радости от

достигнутой цели?

Опомнившись, Ася огляделась. В комнате не было никакого мудреца. Она в замешательстве обернулась к старухе, и та кивнула куда-то в угол. Там была ниша, задернутая пологом.

– Он там, – шепотом пояснила старуха и на цыпочках вышла. Ася стала ждать.

За пологом невнятно бормотали: должно быть, мудрец молился или готовился дать ответ. Постепенно звук нарастал, и Ася смогла различить отдельные слова. «Сил больше нет», «лезут со своей чепухой», «сказать им 42, хе-хе», «сотню лет одно и то же» – с трудом разбирала она.

Вдруг полог зашевелился, и перед Асей предстал старец собственной персоной. Белоснежно-седые волосы космами спадали на щуплые плечи, трясущаяся голова, руки в узловатых суставах, блеклые глаза. Одет Наохам был в серый балахон с замысловатым узором на груди. На вид обычный старик.

Он бросил на нее недоброжелательный взгляд и буркнул:
– Вопрос.

– Вам передали мой вопрос, – с почтительным поклоном ответила она.

– Давай свой вопрос! – вскричал Наохам и даже топнул.

– Я хотела узнать... – Ася сбилась. У нее захватило дыхание. Вот она, встреча, к которой она шла четыре месяца.

Вряд ли мудрец откроет ей истину. За время своих стран-

ствий она осознала, что слова, как сказал ей в Таиланде Прасет, являются всего лишь указателями для движения разума. Но старик даст ей бесценный ответ, услышав который, все ее друзья обретут счастье. Она буквально кожей ощущала мощь и красоту момента. И внутри этого момента – она, Ася, проделавшая такой путь, такое восхождение. Можно сказать, она и есть творец этого момента! Ася выпрямилась и гордо осмотрелась.

– Ну давай не мямли! – резко окрикнул ее старик.

Она сморгнула и сказала:

– Я пришла узнать секрет счастья для всех моих друзей.

Неожиданно Нaoхам захихикал.

– Что ты сказала? – ехидно переспросил он. – В чем секрет счастья твоих друзей? Ты издеваешься?!

Ася опешила, но быстро взяла себя в руки. Проверяет, решила она. Испытывает. Логично: такой важный ответ надо заслужить. Ведь еще в послании, которое ей показали в тунисском сарае миллион лет назад, говорилось о настойчивости ищущего. Как там было? «Тот, кто твердо намерен получить Ответ»?

Уж чего-чего, а твердости Асе было не занимать. За время ожидания, проведенное в этих джунглях, она укрепила свою твердость до состояния скалы. Да ее твердость разрежет алмаз! И Ася была готова убедить в этом Нaoхама.

– Я проделала долгий путь, чтобы найти вас, о мудрейший Нaoхам, – тожественно произнесла она. – Я пришла сюда не

по своей прихоти. Не будет преувеличением сказать, что мое путешествие – вопрос жизни и смерти. Я пришла к вам с одним-единственным вопросом, ответ на который ждут близкие мне люди. И без этого ответа я отсюда не уйду.

Она решительно посмотрела в глаза Наохаму. Старик улыбнулся.

– Что ж. Тогда вот тебе ответ. Готова?

Ася кивнула, не сводя взгляда с мудреца.

– Да, Мастер. Я готова.

– Я просто человек, – ответил он. – Я ничего не знаю. Так что решайте свои глупые проблемы сами!

И с этими словами великий мудрец, надежда ищущих, этот живой святой внезапно разбежался, легко подскочил к краю скалы и прыгнул в бездну.